Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Уканов К.Ш. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

№ 1 (13)

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

Вологда 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Л.Л. КРУГЛИКОВ, Л.Ю. ЧЕРНЫШКОВА

Совершенствование норм уголовного законодательства, предусматривающих отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) 4

Б.З. МАЛИКОВ

Объективные и субъективные факторы коррупционных отношений и некоторые политико-правовые меры противодействия коррупции в России 10

О.Ю. КРЮКОВА

К вопросу об определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ 15

А.В. КИСИН

Назначение наказания за создание организованной преступной группы и участие в ней 18

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

И.В. СЕЛИВЕРСТОВ

Право осужденного на рассмотрение материалов о его освобождении из исправительного учреждения по акту амнистии в установленный срок 21

Н.А. ГЛЕБОВА

Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач ее развития до 2020 г. 25

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

П.А. КОЛМАКОВ, И.И. ОБУХОВ

Обжаловение судебных решений,вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу и вступивших в законную силу 32

Р.В. НАГОРНЫХ

Обеспечение безопасности как функция государственной правоохранительной службы. 36

С.А. ФОКИН

Экспертиза как доказательство состояния опьянения 40

В.Г. МЕРКУЛОВ

Особенности содержания и правового регулирования функциональных процедур в деятельности органов внутренних дел 43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 48

И.В. ФОКИНА

Основные направления формирования гражданского самосознания личнсти в условиях современного вуза 48

Л.С. КАЧКИНА

Особенности становления социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы. 55

А.Н. МИХАЙЛОВ

К вопросу о трансформации личности осужденных молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима) 58

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 64

Л.А. КОЛПАКОВА

Общие подходы к ювенальному судопроизводству в России и Германии 64

Р.Т. ИСМАИЛОВ

Некоторые проблемные вопросы квалификации ст. 157 и п. 2 ч. 2 ст. 249 УК Кыргызской Республики 68

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 72

Е.Л. ВОРОНОВА

Создание службы пробации для несовершеннолетних в России 72

С.А. ПАВЛОВСКИЙ

К вопросу о предоставлении служебных жилых помещений в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы 78

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 81

Е.В. ТИХОМИРОВ

Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии 81

П.И. ЗИНЧЕНКО

К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I 86

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 91

О.Е. КУРЕНКОВА

Технологическое обеспечение отечественной пенитенциарной социальной работы 91

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 94

РЕЦЕНЗИИ. 95

И.И. ВЕРЕМЕЕНКО

Рецензия на монографию Р.В. Нагорных «Кадровая политика в правоохранительной сфере и административно-правовой механизм ее реализации». . . . 95

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 96

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 97

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 98

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION 4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

L.L. KRUGLIKOV, L.YU. CHERNYSHKOVA

Improvement of the criminal law regulations providing for delay of a punishment (Art. 82, Criminal Code of the RF). 4

B.Z. MALIKOV

The objective and subjective factors of corrupt relationships and some political and legal anti-corruption measures in Russia. 10

O.Y. KRYUKOVA

To the problem of defining the subject of a crime under Art. 321 of the Criminal Code of Russian Federation . .15

A.V. KISIN

Infliction of punishment for forming and participation in organized crime gang 18

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

I.V. SELIVERSTOV

The right of convict to considerate the materials about his release from the correctional institution according to amnesty within established period 21

N.A. GLEBOVA

Introduction of the advanced foreign experience and realization of the international standards in activity of penal system of Russia taking into account problems of its development till 2020 25

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

P.A. KOLMAKOV, I.I. OBUHOV

Appealing against the inured sentences, passed during pre-trial proceedings on a criminal case. 32

R.V. NAGORNYKH

Safeguarding as a Function of the State Law Enforcement Service 36

S.N. FOKIN

Examination as the evidence of intoxication. 40

V.G. MERKULOV

The peculiarities of the content and law regulation of functional procedures in the internal affairs activity 43

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 48

I.V. FOKINA

The Main Trends of Forming Personality Civil Self-Consciousness at Modern Higher School 48

L.S. KACHKINA

The formation peculiarities of the social-psychological competence of the penal officers 55

A.N. MIKHAYLOV

On the question of Personality's transformation of young ages prisoners when using the right to of non-convoy movement outside the correctional institution (strict regime penal colony as an example) 58

FOREIGN EXPERIENCE 64

L.A. KOLPAKOVA

Common approaches to juvenile court proceedings in Russia and Germany 64

R.T. ISMAILOV

Some issues concerning juvenile involvement in drug using Article 157, Article 249 Part 2 Paragraph, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic 68

DISCUSSION IS WELCOME 72

E.L. VORONOVA

Organisation of probation service for juveniles in Russia 72

S.A. PAVLOVSKI

Towards the question of a berthing space rendering in law-enforcement system's bodies and establishments 78

HISTORY PAGES 81

E.V. TIKHOMIROV

Participation of orthodox clergy in Obshchestva Popechitelnogo activity about Prisons in the Vologda province. 81

P.I. ZINCHENKO

To the question of the history of procedural regulation and tactical methods of interrogation in Russia in the time of Peter I 86

OUR RESEARCHES 91

O.E. KURENKOVA

Technological support of national penitentiary social work 91

DISSERTATIONS REVIEW. 94

REVIEWS 95

I.I. VEREMEENKO

The Review of the monograph "Personnel policy in the law-enforcement sphere and the administrative-legal mechanism of it's implementation" 95

NOVELTIES OF LITERATURE 96

INFORMATION, ADVERTISMENTS. 97

INFOMATION ABOUT THE AUTORS 98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Совершенствование норм уголовного законодательства, предусматривающих отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)

Л.Л. КРУГЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Л.Ю. ЧЕРНЫШКОВА – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Статья содержит оценку изменений, внесенных законом в институт освобождения от наказания. Авторами формулируются аргументированные предложения по корректировке существующей редакции ст. 82 УК РФ, в частности внимание обращается на необходимость устранения противоречий между названием и текстом статьи, возникших из-за неточного употребления термина «отсрочка».

Ключевые слова: наказание; отсрочка; осужденные с малолетними детьми; одинокий отец; изменения.

Improvement of the criminal law regulations providing for delay of a punishment (Art. 82, Criminal Code of the RF)

L.L. KRUGLIKOV – Professor of Criminal Law and Criminology Department, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Executive Service of Russia, Doctor of Law, Professor, honoured scientist of the Russian Federation;

L.YU. CHERNYSHKOVA – Postgraduate of Criminal Law and Criminology Department, the P.G.Demidov State University

The article provides an assessment of amendments introduced into the impunity institution (release from serving punishment) by the law; it also formulates some reasoned proposals for introduction of amendments in the present version of Art. 82 of the Criminal Code. In particular, because of the imprecise use of the term “delay” there are some contradictions between the title and the text of the article and the authors pay attention to the necessity to eliminate them.

Key words: punishment; delay; convicts with young children; single father; amendments.

Отсрочка исполнения приговора (отбывания наказания) за время своего существования в отечественном уголовном законодательстве претерпела заметные изменения. Так, в первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. она распространялась только на военнослужащих (ст. 46). Дополнившая в 1977 г. кодекс ст. 46[1] охватывала уже и иные

категории субъектов преступления. Законодательная новелла быстро потеснила условное осуждение – во многом благодаря предусмотренным законом и возлагавшимся по приговору на осужденного обязанностям, позволившим усилить воспитание и контроль за виновным и, как итог, существенно снизить уровень рецидива. В 1992 г. в УК РФ появился третий вид отсрочки – беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних (до трех лет) детей. Применялся он после вступления приговора в законную силу, то есть когда осужденная уже отбывала уголовное наказание.

Оказавшаяся удачной идея возложения на осужденного обязанностей была воспринята ст. 73 УК РФ 1996 г. об условном осуждении. Вместе с тем был сохранен такой вид отсрочки, который касался беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей (ст. 82). Эта норма впоследующем трижды подвергалась изменениям, в основном затронувшим а) категории осужденных, б) возраст малолетнего (он был увеличен сначала с 3 до 8, а затем до 14 лет) и минимальное количество последних (достаточно одного ребенка), в) судьбу отсрочки.

Наиболее серьезным коррективам ст. 82 подверглась в 2010 г.

Во-первых, как известно, в первоначальной редакции указанная норма была рассчитана исключительно на женщин и демонстрировала непоследовательность в соблюдении полового и гендерного равенства, а в конечном счете свидетельствовала о нарушении важного конституционного принципа «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ).

Федеральный закон от 21.02.2010 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] расширил круг лиц, которым может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания. В частности, кроме беременной женщины и женщины, имеющей малолетнего ребенка, рассматриваемая мера была распространена также на мужчину, имеющего малолетнего ребенка.

По нашему мнению, данное решение законодателя в целом заслуживает одобрения. В уголовно-правовой литературе достаточно давно указывалось на необходимость внесения подобных изменений: «Соблюдение принципа гендерного равенства в уголовном праве требует распространения правил ст. 82 УК РФ на мужчин, имеющих малолетних детей. Стереотипное мышление заставляет законодателя считать, что присутствие матери при воспитании детей более необходимо, чем отца»[2]. И хотя в отношении мужчины существует оговорка, что он должен являться единственным родителем (в то время как женщины по ст. 82 УК РФ это касается, судя по всему, и в случае наличия полной семьи), свидетельствующая о неудачной попытке законодателя полностью уйти от социального стереотипа гендерного неравенства[3], такое направление реформирования ст. 82 УК РФ, без сомнений, заслуживает поддержки.

Во-вторых, в этом же федеральном законе учтено справедливое мнение части юристов, ранее высказывавшееся на страницах печати, относительно минимума детей у осужденного лица для предоставления ему отсрочки. В литературе отмечалось, что «женщине достаточно иметь одного ребенка… для предоставления ей данной отсрочки»[4]. Было совершенно очевидно, что в период принятия Уголовного кодекса не сработала (как и в случае с другими статьями кодекса) законодательная техника: вместо единственного безосновательно использовано множественное число. Ныне в ч. 1 ст. 82 УК РФ законодатель говорит как о претенденте на отсрочку о лице, «имеющем ребенка».

Еще ранее[5] обсуждался возраст ребенка: с 2001 г. отсрочка стала предоставляться виновному при наличии у него ребенка в возрасте не до 8, а до 14 лет.

В-третьих, законодатель принял решение изъять из перечня наказаний, при которых может быть применена отсрочка, ограничение свободы. Данное положение введено Федеральным законом от 04.10.2010 г. № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации»[6]. Это решение также можно признать удачным. Согласно ч. 1 ст. 50 УИК РФ ограничение свободы отбывается по месту жительства. Осужденный обязан исполнять возложенные на него судом обязанности, суть которых сводится к запрету свободно посещать определенные места, мероприятия и т.д. Следовательно, лицо не изымается из семьи, может ежедневно общаться с родными, заниматься воспитанием ребенка, и отсрочка в этом случае становится бессмысленной.

Вместе с тем в теории уголовного права открытым остается вопрос о возможности применения указанной отсрочки при осуждении лица к исправительным работам и некоторым другим видам наказания. В законе (ч. 1 ст. 82 УК РФ) названо всего два

исключения по видам и сроку наказания, из чего следует, что законодатель сознательно допускает применение отсрочки при других видах основных наказаний. Мы разделяем то суждение, что длительность отсрочки не позволяет совмещать ее с рядом менее строгих или менее длительных наказаний, таких как исправительные или обязательные работы[7]. Также считаем логически обоснованным вывод о том, что отсрочка отбывания наказания, как правило, целесообразна при осуждении лица к лишению свободы (кроме осужденных к данной мере наказания на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности). В то же время в силу наличия прямого указания закона (ч. 1 ст. 82 УК РФ) отсрочка касается только реально отбываемых наказаний, поэтому она не должна применяться, скажем, при условном осуждении.

Спорен вопрос о видах преступлений, при совершении которых отсрочка недопустима. В ч. 1 ст. 82 УК РФ по этому поводу сказано: «кроме осужденных… за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности». Можно подумать, что речь идет о нормах разд. VII «Преступления против личности». Однако это не так: имеются в виду посягательства на жизнь, здоровье, свободу, достоинство, половую неприкосновенность и т.д., о которых говорится в ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ[8] независимо от места их описания в Особенной части кодекса. При этом не имеет значения, выступают эти объекты уголовно-правовой охраны в качестве основного или дополнительного объекта. Поэтому оправданным представляется предложение юристов применить в ч. 1 ст. 82 УК РФ иное выражение: «кроме… преступлений, посягающих на личность»[9].

В-четвертых, разумным выглядит также решение законодателя предусмотреть возможность отказа суда от отсрочки (сокращения срока отсрочки, освобождения от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости) в случаях, когда срок назначенного наказания истек до достижения ребенком 14-летнего возраста[10]. Здесь заслуживает внимания и то соображение, что применение к лицу наказания после того, как отсрочка закончилась, зачастую невозможно ввиду истечения сроков давности исполнения приговора в силу ст. 83 УК РФ[11].

Заметим, однако, что при всех плюсах нововведений процесс совершенствования ст. 82 нельзя считать завершенным.

Так, УК РФ говорит о том, что перечисленным категориям лиц суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком 14-летнего возраста. Затем суд освобождает осужденное лицо от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом (ч. 3 ст. 82). Следовательно, после истечения отсрочки осужденный, как правило, уже не отбывает назначенное ему по приговору наказание.

Но тогда обозначение «отсрочка» при существующей диспозиции выглядит недостаточно корректным. Отсрочка предполагает перенос чего-либо на более поздний срок[12], а значит, применительно к наказанию она означает, что исполнение будет отложено на некоторый промежуток времени в силу определенных обстоятельств, препятствующих отбыванию. Напомним, что ст. 46 УК РФ 1960 г. предоставляла отсрочку военнослужащим и военнообязанным лицам до окончания военных действий с направлением в действующую армию, по окончании военных действий решался вопрос о дальнейшей судьбе лица. Статья 46 УК РФ 1960 г. предусматривала отсрочку исполнения приговора для иных лиц на срок от 1 года до 2 лет с возвратом к вопросу о судьбе приговора по окончании отсрочки. При этом суд располагал двумя вариантами решения: 1) освободить своим определением осужденного от наказания либо 2) направить лицо в соответствующие места для отбывания лишения свободы, назначенного приговором.

Первоначальная редакция УК РФ 1996 г. предусматривала три варианта развития событий по достижении ребенком соответствующего возраста: 1) освобождение от отбывания оставшейся части наказания; 2) замена оставшейся части наказания более мягким видом; 3) водворение осужденного в соответствующее учреждение для отбывания оставшейся части наказания (ч. 3 ст. 82). Те же три варианта ранее оговаривались в ч. 9 ст. 46^2 УК РСФСР 1960 г.

В таких случаях (ст. 46^1, 46^2 УК РСФСР 1960 г., первоначальный текст ст. 82 УК РФ 1996 г.) использование термина «отсрочка» выглядело вполне обоснованным, соответствующим его сути.

Принимая во внимание сказанное, надлежало бы ч. 3 ст. 82 УК РФ изложить в иной редакции: «По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста суд принимает одно из следующих решений: либо об освобождении осужденного, указанного в части первой настоящей статьи, от отбывания наказания или оставшейся части наказания со

снятием судимости, либо о замене оставшейся части наказания более мягким видом наказания, либо о направлении осужденного в соответствующее учреждение для отбывания оставшейся части наказания».

Не разрешен и вопрос об условиях предоставления осужденному лицу отсрочки. О.В. Тюшнякова предлагает учитывать в качестве таковых «активное желание женщины заниматься воспитанием ребенка, излечение от алкогольной или наркотической зависимости (если таковая имела место), законопослушное поведение женщины в период отбывания наказания, добросовестное отношение к материнским обязанностям, личное ходатайство женщины о предоставлении отсрочки, если отсрочка предоставляется при отбывании женщиной наказания, реальную возможность содержать себя и ребенка»[13].

Необходимы определенная систематизация и дополнение названных автором условий предоставления отсрочки (оно возможно в момент постановления обвинительного приговора или в процессе исполнения наказания) исходя из целей отсрочки.

Последняя предоставляется лицу, по нашему мнению, по сугубо гуманным соображениям: в первую очередь, исходя из интересов ребенка, а уж затем исходя из интересов родителя. Правильно в юридической литературе указывается, что отсрочка может быть применена лишь в случае, если имеются гарантии, что осужденное лицо будет воспитывать ребенка, предоставляя ему необходимые для нормальной жизни условия, и не использует освобождение вопреки интересам ребенка, тем более не совершит нового преступления[14].

Следовательно, нужно выделять условия, относящиеся к характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, а равно – к личности осужденного. При этом учитывается имеющаяся у осужденного, дорожащего предоставленной ему возможностью повседневного общения с ребенком и заботы о его воспитании, позитивная направленность. Суд рассчитывает в этих условиях на реальность исправления лица без изоляции последнего от общества, гарантирование с его стороны добросовестного ухода за ребенком.

Вывод суда должен базироваться не только на особенностях того поведения, за которое лицо осуждено (например, должны приниматься во внимание жестокость, проявленная лицом в ходе посягательства, оставление пострадавшего без помощи и т.д.), но и на обнаруженных лицом желании и возможности создать надлежащие условия для содержания и воспитания ребенка, активном его намерении заниматься этим. В этом плане важно наличие у осужденного места жительства, реальная его способность обеспечить себя и ребенка, согласие родственников на совместное проживание с осужденным лицом и его ребенком и т.д.

Некоторые юристы считают, что закон не связывает применение отсрочки с реализацией целей наказания[15]. Такое суждение небесспорно. Приоритетной для законодателя, предусмотревшего возможность предоставления отсрочки, конечно же, является забота об интересах малолетних детей, нуждающихся в повседневном уходе и воспитании, а равно в нахождении рядом со своим родителем. Вместе с тем преследуется цель предупредить совершение новых преступлений со стороны лица, осуществляющего уход за детьми. Представляется, что законодатель рассчитывает и на достижение цели исправления, учитывая привязанность лица к своему ребенку и существующую угрозу возвращения в места отбывания наказания.

Нельзя не отметить отсутствие достаточного внимания законодателя к процедуре контроля за осужденным лицом в период отсрочки, предусмотренной ст. 82 УК РФ. Согласно ч. 4 ст. 178 УИК РФ уголовно-исполнительная инспекция по достижении ребенком 14-летнего возраста с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, поведения лица, получившего отсрочку, его отношения к воспитанию ребенка, отбытого и неотбытого сроков наказания направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом законодатель возлагает основную функцию контроля за поведением осужденного на уголовно-исполнительные инспекции (ст. 178 УИК РФ). Более того, именно опираясь на представление уголовно-исполнительной инспекции, суд по истечении срока отсрочки выносит решение о дальнейшей судьбе назначенного такому лицу наказания.

Загруженность уголовно-исполнительных инспекций делает контроль за лицами, отбывающими отсрочку наказания, условиями жизни и воспитания ребенка поверхностным, непостоянным, а ведь именно эти органы выступают основным источником информации, которой руководствуется суд, принимая решение по итогам отсроч-

ки. Необходимо привлечение к указанной контрольной деятельности представителей опеки и попечительства, защищающих интересы несовершеннолетних детей.

Уголовно-исполнительная инспекция в случае нарушения осужденным принятых на себя обязательств призвана применить к лицу соответствующие меры воздействия. Так, если осужденный уклоняется от воспитания ребенка и ухода за ним, инспекция объявляет ему предупреждение. В случае если лицо отказалось от ребенка или продолжает после объявленного ему предупреждения уклоняться от воспитания ребенка и ухода за ним, инспекция вносит в суд представление об отмене отсрочки.

Согласно ч. 3 ст. 178 УИК РФ осужденный считается уклоняющимся от воспитания ребенка, если он, официально не отказавшись от ребенка: а) оставил того в родильном доме; б) передал в детский дом; в) ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним; г) оставил ребенка родственникам или иным лицам; д) скрылся; е) совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка (например, не уделяет ребенку вовсе никакого внимания).

Представление уголовно-исполнительной инспекции о сокращении добросовестно выполняющему все условия лицу срока отсрочки не может быть внесено ранее истечения периода, равного сроку наказания, отбывание которого было отсрочено.

В заключение обратим внимание еще на четыре момента:

1. Действующий уголовный закон (в отличие от УК РСФСР 1960 г.) не регламентирует вопрос о праве суда отсрочить отбывание дополнительного наказания наряду с основным. Поскольку ст. 82 УК РФ не ограничивает отсрочку лишь основным наказанием, вероятно, это возможно. В то же время желательно урегулировать данный момент непосредственно в уголовном законе.

2. Часть 2 ст. 82 УК РФ не касается обстоятельств, когда ребенок вследствие болезни или по иным причинам скончался до истечения срока отсрочки. Как в данном случае должен поступить суд? В настоящее время эта ситуация регламентирована в ч. 4 ст. 178 УИК РФ: смерть ребенка считается таким же юридическим фактом, что и достижение им максимального возраста (14 лет), то есть смерть влечет указанные в ч. 3 ст. 82 УК РФ юридические последствия. Налицо юридическая фикция, требующая уголовно-правовой регламентации.

3. Статья 82 УК РФ (отсрочка отбывания наказания) относится к категории так называемых управомочивающих норм: как сказано в ч. 1 этой статьи, «суд может отсрочить реальное отбывание наказания». В юридической литературе, однако, все более распространенным становится мнение о необходимости придания абсолютному большинству норм об освобождении как от уголовной ответственности, так и от наказания обязывающего характера.

Применительно к ст. 82 УК РФ эта точка зрения выглядит весьма спорной. В силу ч. 2 и 3 ст. 177 УИК РФ в случае поступления ходатайства об отсрочке администрация исправительного учреждения, где отбывает наказание осужденный, получает от органов власти необходимые документы, от родственников запрашивает справки либо об их согласии принять осужденного и ребенка, предоставить им жилье и создать необходимые условия для проживания, либо о наличии у осужденного жилья и необходимых условий для проживания с ребенком и т.д. Все собранные документы, а также характеристику и личное дело осужденного вместе с ходатайством администрация передает в суд.

Последующие действия суда представляют собой осуществление оценочно-прогностической функции, в связи с чем невозможно представить обязательное (а не возможное) применение судом отсрочки отбывания наказания.

4. В юридической литературе высказывалось предложение дифференцировать срок отсрочки в зависимости от тяжести (категории) совершенного осужденным преступления[16]. «Сохранение единого универсального срока отсрочки, – пишет И.Б. Степанова, – ставит осужденных в неравное положение, несовершенство законодательства в данной части очевидно»[17].

С таким мнением трудно согласиться, если, конечно, думать в первую очередь о судьбе ребенка, проявлении гуманизма в отношении его, а не о дифференциации наказания виновному лицу. Ибо ранимому существу, малолетнему ребенку, абсолютно безразлично, какова глубина конфликта родителя с законом. Ему нужны внимание и забота. Поэтому нельзя дозировать сроки отсрочки (до трех, шести, десяти или четырнадцати лет) в зависимости от тяжести содеянного родителем. Необходимо отталкиваться от потребностей ребенка, степени его нужды в уходе и заботе родителя. Одно дело, когда у ребенка имеется один из родителей, его содержат дедушка и бабушка,

сам он здоров и не переживает глубоко факт разлуки с осужденным родителем, другая ситуация, если ребенка направляют в детское учреждение, он не получает заботы и внимания от близких родственников, отсутствует второй родитель. Ограничивать в этих условиях отсрочку тремя или шестью годами представляется неразумным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: СЗ РФ. 2010. № 8. Ст. 780.

[2] Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2006. С. 349.

[3] В теории уголовного права уже предлагалось предусмотреть возможность отсрочки отбывания наказания для мужчины и в иных случаях, скажем, когда мать ребенка лишена родительских прав (см. об этом: Михайлов К.В. Отсрочка отбывания наказания мужчинам, имеющим малолетних детей, не должна исключаться уголовным законодательством // Законность. 2009. № 2). Можно назвать и иные случаи, например: мать ребенка тяжело больна или злоупотребляет спиртными напитками, отказывается работать.

[4] Петрова И.А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11.

[5] См.: Федеральный закон от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

[6] См.: СЗ РФ. 2010. № 41 (ч. 2). Ст. 5199.

[7] См. об этом: Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. Т. 2. Учение о наказании. С. 252; Степанова И.Б. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей: итоги реформирования // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность (к 100-летию со дня смерти С.А. Муромцева): Материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2010. Ч. 2. С. 482.

[8] См. об этом: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 1028; Практикум по уголовному праву. Части Общая и Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2010. С. 136.

[9] См., напр.: Петрова И.А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. С. 12; Степанова И.Б. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей: итоги реформирования. С. 483.

[10] Такое предложение ранее уже высказывалось в литературе (см.: Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 2. Учение о наказании. С. 237).

[11] См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учеб. / Под ред. А.И. Рарога. М., 2003. С. 262.

[12] См.: Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1975. С. 471.

[13] Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 16–17.

[14] См.: Полный курс уголовного права / Под ред. А.И. Кораблева. Т. 1. С. 1028.

[15] См. об этом: Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 374.

[16] См., напр.: Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия. С. 17.

[17] Степанова И.Б. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей: итоги реформирования. С. 484.

[1] Sm.: SZ RF. 2010. № 8. St. 780.

[2] Ugolovnaja otvetstvennost': ponjatie, problemy realizacii i polovozrastnoj differenciacii / Pod red. Ju.E. Pudovochkina. M., 2006. S. 349.

[3] V teorii ugolovnogo prava uzhe predlagalos' predusmotret' vozmozhnost' otsrochki otbyvanija nakazanija dlja muzhchiny i v inyh sluchajah, skazhem, kogda mat' rebenka lishena roditel'skih prav (sm. ob jetom: Mihajlov K.V. Otsrochka otbyvanija nakazanija muzhchinam, imejuwim maloletnih detej, ne dolzhna iskljuchat'sja ugolovnym zakonodatel'stvom // Zakonnost'. 2009. № 2). Mozhno nazvat' i inye sluchai, naprimer: mat' rebenka tjazhelo bol'na ili zloupotrebljaet spirtnymi napitkami, otkazyvaetsja rabotat'.

[4] Petrova I.A. Otsrochka otbyvanija nakazanija beremennym zhenwinam i zhenwinam, imejuwim maloletnih detej: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. S. 11.

[5] Sm.: Federal'nyj zakon ot 09.03.2001 g. № 25-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i drugie zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2001. № 11. St. 1002.

[6] Sm.: SZ RF. 2010. № 41 (ch. 2). St. 5199.

[7] Sm. ob jetom: Kurs ugolovnogo prava. Obwaja chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. M., 1999. T. 2. Uchenie o nakazanii. S. 252; Stepanova I.B. Otsrochka otbyvanija nakazanija beremennym zhenwinam i osuzhdennym, imejuwim maloletnih detej: itogi reformirovanija // Tradicii i novatorstvo russkoj pravovoj mysli: istorija i sovremennost' (k 100-letiju so dnja smerti S.A. Muromceva): Materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ivanovo, 2010. Ch. 2. S. 482.

[8] Sm. ob jetom: Polnyj kurs ugolovnogo prava: V 5 t. / Pod red. A.I. Korobeeva. SPb., 2008. T. 1. S. 1028; Praktikum po ugolovnomu pravu. Chasti Obwaja i Osobennaja / Otv. red. L.L. Kruglikov. M., 2010. S. 136.

[9] Sm., napr.: Petrova I.A. Otsrochka otbyvanija nakazanija beremennym zhenwinam i zhenwinam, imejuwim maloletnih detej. S. 12; Stepanova I.B. Otsrochka otbyvanija nakazanija beremennym zhenwinam i osuzhdennym, imejuwim maloletnih detej: itogi reformirovanija. S. 483.

[10] Takoe predlozhenie ranee uzhe vyskazyvalos' v literature (sm.: Kurs ugolovnogo prava. Obwaja chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. T. 2. Uchenie o nakazanii. S. 237).

[11] Sm.: Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obwaja i Osobennaja: Ucheb. / Pod red. A.I. Raroga. M., 2003. S. 262.

[12] Sm.: Ozhegov S.I., Shvedov N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 1975. S. 471.

[13] Tjushnjakova O.V. Otsrochka otbyvanija nakazanija zhenwinam kak mera ugolovno-pravovogo vozdejstvija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2002. S. 16–17.

[14] Sm.: Polnyj kurs ugolovnogo prava / Pod red. A.I. Korableva. T. 1. S. 1028.

[15] Sm. ob jetom: Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obwaja chast'. M., 1997. S. 374.

[16] Sm., napr.: Tjushnjakova O.V. Otsrochka otbyvanija nakazanija zhenwinam kak mera ugolovno-pravovogo vozdejstvija. S. 17.

[17] Stepanova I.B. Otsrochka otbyvanija nakazanija beremennym zhenwinam i osuzhdennym, imejuwim maloletnih detej: itogi reformirovanija. S. 484.

Объективные и субъективные факторы коррупционных отношений и некоторые политико-правовые меры противодействия коррупции в России

Б.З. МАЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Башкирского института социальных технологий Академии труда и социальных отношений, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются социально-экономические, политические и иные факторы, способствующие распространению и усилению в современной России коррупционных связей и отношений. Раскрываются негативные изменения в правовой культуре и нравственной сфере российского общества, произошедшие под влиянием рыночной идеологии, их взаимосвязь с ростом правонарушений коррупционной направленности. Предлагаются меры по совершенствованию государственной политики в сфере противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: коррупционные связи и отношения; противодействие коррупции; государственная политика.

The objective and subjective factors of corrupt relationships and some political and legal anti-corruption measures in Russia

B.Z. MALIKOV – Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Bashkir Institute of Social Technologies of Academy of Labour and Social Relations, Professor, Doctor of Laws

The article examines the socio-economic, political and other factors that made for the spread and intensification of corrupt connections and relationships in the modern Russian society. The author reveals some negative changes having occurred in the legal culture and in the moral sphere of the Russian society under the influence of market ideology and their relationship with the growth of corruption offenses. The author also proposes some measures to improve the state policy in the anti-corruption sphere in Russia.

Key words: corrupt connections and relationships; anti-corruption; state policy.

Проблема коррупции была и остается выражением неразвитости социальных основ, всего уклада общественных отношений. Она несет в себе негатив целого комплекса противоречий в сферах обладания материальными благами, их распределения и перераспределения, организации форм власти и управления (светской, церковной, корпоративной, неформальной, криминальной и др.), установления избирательного порядка доступа и допуска к благам материального и нематериального порядка (организация конкурсов, олимпиад, смотров, состязаний, торгов, распределение квот, наделение льготами, преимуществами, званиями, присуждение наград), оказания социально значимых услуг, деятельности по развитию личности, поддержания здоровья (образование, профессиональная подготовка, здравоохранение, физическая культура и спорт). Поэтому отправными моментами противодействия коррупции должны быть признаны социальная самодостаточность государства и граждан, высокая культура общества, сформированная на основе общепризнанных социальных ценностей, позитивной духовности и нравственности, востребованности и поддержания правопорядка, должной организации работы органов власти и управления, четко выраженной гражданской позиции и ответственности личности, с одной стороны, социальной ответственности государства за уровень жизни своих граждан, условия для самореализации каждой личности и каждой семьи, реализацию прав и законных интересов каждого человека – с другой.

Для России противодействие коррупции является важным направлением социальной, организационно-кадровой, идео-

логической, воспитательной и правоохранительной деятельности. На серьезность проблемы коррупции как многоаспектного негативного и противоправного социального явления и необходимость эффективной организации комплексного взаимодействия государства и общества в сфере противодействия ей неоднократно указывал Президент Российской Федерации Д.А. Медведев[1].

В нашем понимании противодействие коррупции должно обеспечиваться на основе оценки ее природы, учета особенностей проявления конкретных форм в различных сферах жизни. Противодействие не может представлять собой кампанию на определенный срок, а также состоять из форм и методов постоянного действия или на достаточно длительный период. В механизме ответственности за конкретные правонарушения, видимо, также следует предусмотреть наиболее рациональные меры, которые бы отражали четкую логику данной правоохранительной деятельности. Мы имеем в виду, что законодателю следует установить такие упредительные меры принуждения (наказания), реализация которых была бы поддержана судебной практикой и обществом в целом. В настоящее время налицо дискредитация правосудия из-за двусмысленности уголовного закона и, как следствие, не всегда оправданного применения института условного осуждения в приговорах по коррупционным делам[2].

Предпосылками коррупционных искажений общественных отношений являются значительные различия в реализации социальных возможностей индивидами, слабость институтов гражданского общества, несостоятельность легального и «справедливого» механизма распределения и перераспределения доходов населения, наличие незаконных, быстрых и сомнительных по своей сущности форм обогащения, смещение социально-нравственных акцентов в сторону культивирования материальной, коммерческой и иной корыстной успешности «героев нашего времени».

Новые условия интенсифицировали в стране процесс дифференциации общества по социальному признаку. Это происходит на контрастном фоне примеров красивой жизни успешных в сфере финансов, бизнеса, эксплуатации выгод естественных монополий, шоу-индустрии и политики людей, то есть той незначительной части общества, которая непосредственно не занята в производственной сфере. Жизненная реальность состоит в социальной дискредитации человека-труженика (профессионала высокой квалификации, инженера, техника, специалиста), ослаблении социальной значимости представителей ряда профессий: педагогов, врачей, научных работников, военнослужащих и работников правоохранительных органов, тружеников сельского хозяйства. В обществе практически утрачен дух созидания, творчества, новаторства, сопричастности к делам государства. В социальном организме в эпоху рыночных отношений произошли определенные деформации: резко понизился позитивный регулятивный иммунитет нравственных норм, имеет место усиление худших индивидуалистически-агрессивных проявлений личности с корыстной мотивацией.

Вместе с тем появление новой значительной социальной прослойки, которую составляют представители сферы коммерции (торговые работники, сотрудники различных предприятий и учреждений услуг, производственных негосударственных коммерческих организаций и учреждений, финансовых и строительных фирм и «пирамид», индустрии отдыха и развлечений, игорного и спортивного бизнеса, индивидуальные предприниматели), способствовало утверждению раскрепощенной корыстной психологии: «деньги должны делать деньги», «деньги – самый лучший формат отношений», «деньги определяют все», «деньги – самый лучший аргумент, способ защиты, презентации, достижения цели, преодоления преград, условностей, экономии времени, сохранения личного благополучия», «рынок требует много денег».

Если активные субъекты рыночных отношений – коммерческие структуры и предприниматели – свои материальные интересы реализуют через цены товаров и услуг, то этого не могут делать их пассивные субъекты – «бюджетники» и некоторые категории работников коммерческих предприятий.

Резко негативная социальная динамика рынка подталкивает некоторую часть «нерыночников» продавать свои властные, административно-управленческие возможности, авторитет и иные активы. В этом проявляется внешняя обусловленность механизма коррупционных отношений. Кроме того, коррупция – это не просто продажность, но и мощное и определяющее давление денег, и одновременно интересов определенных групп лиц, и неформальных отношений, и социальной неустойчивости, и контрастов социальных возможностей, и спрессован-

ности в малый отрезок времени активной части человеческой жизни. В отличие от проявлений других видов неправомерного и аморального поведения в коррупционное взаимодействие включено всегда не менее двух лиц, от сделки которых страдают интересы общества и государства в целом.

Коррупционные сделки опосредуют оборот колоссальных финансовых и материальных средств. Согласно исследованиям последних двух лет объем коррупции в России варьируется от 240 до 300 млрд долларов в год. Об этом заявил председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов в интервью Интерфаксу. 300 млрд – это объем доходов российского бюджета на этот год, или четверть от планируемого размера ВВП, который составит чуть более 40 трлн руб.[3] Коррупционный финансовый актив – это материальная основа воспроизводства коррупции.

Коррупционные отношения неотделимы от криминала, который является источником финансовых потоков, а также генератором и вдохновителем идей коррупционной идеологии и психологии. В рыночных отношениях криминальная опека бизнеса в форме прямого рэкета, вымогательства и иных форм корыстного давления, посредничества также никуда не исчезла и продолжает иметь место. Фоном этому служит низкая личная и правовая культура, слабая социальная и правовая защищенность населения.

Дефицит социальных возможностей, наличие конкурентных отношений в обыденной жизни, профессиональной и иной деятельности, сопряженные с элементами протекционизма и покровительства, кумовства, лихоимства и мздоимства, а порой и просто с ограниченностью и низким уровнем личной культуры при наличии завышенных притязаний, также предопределяют востребованность коррупционного поведения.

Директивным образом реально существующие отношения, порождающие противоправность, криминал и коррупционные проявления, изменить невозможно. Здесь требуется системная и кропотливая разноуровневая работа. Она должна иметь под собой серьезную социальную и идеологическую основу.

В советское время государство, отказавшись от рыночных отношений и сосредоточив под своим контролем значительные материальные и финансовые ресурсы, в целом взяло на себя решение основных вопросов развития экономики, социальной сферы, образования, здравоохранения, науки и культуры. В определенной степени ему удавалось с опорой на значительную часть общества решать социальные проблемы граждан, формировать систему социальной защиты, делать возможными определенные формы самореализации личности через разнонаправленную общественно полезную деятельность в трудовых коллективах и различных сферах творчества. Стабильный, но невысокий материальный достаток основной массы населения страны, годы репрессий и закрытости государства, минимальных возможностей для легализации средств, добытых криминальным путем, в том числе и с помощью коррупционных схем, ограниченность товарного рынка, невозможность использования капиталов за рубежом, значимая роль в решении кадровых и социальных вопросов первичных партийных и профсоюзных организаций сдерживали развитие коррупционных отношений в обществе того периода. Правоохранительная деятельность, правосознание и мораль в то время заметно сдерживали развитие коррупционных отношений.

Переход России к рынку посредством приватизации собственности лишил большую часть населения не только возможности пользоваться благами социальной ренты в масштабах государства, но и социально значимой собственности вообще. Кроме того, у граждан пропали сбережения и страховые суммы.

Следует отметить, что в переходный период основная масса населения по-прежнему доверяла учреждениям банковских, финансовых и страховых структур, строительным и иным компаниям, которые ранее входили в систему государственных предприятий. Инерция доверия сохранялась и в силу того, что советское государство строго контролировало деятельность всех субъектов финансовой деятельности с участием граждан. Это доверие обернулось для многих людей мошенническим завладением их денежными средствами и противоправным использованием последних (финансовые, финансово-потребительские и строительные пирамиды). Соответствующая преступная деятельность не только подорвала авторитет государства как гаранта конституционных прав, но и привела к падению уровня благосостояния населения и дополнительной социальной напряженности. Полученные денежные средства были обращены в коррупционный и иной преступный оборот (легализация) либо использованы вне пределов России.

Формирование новых экономических отношений и нового слоя собственников как

социальной опоры реформ осуществлялось в ускоренном темпе при сознательном допущении легализации криминальных и иных теневых капиталов. В результате положение дел стало таким, что, по оценке бывшего помощника Президента Российской Федерации А. Лившица, усиление борьбы с коррупцией на тот период было способно «привести к потере равновесия в экономике», а потому названный политик выступал «против резких движений в вопросах борьбы с коррупцией»[4].

Следуя этой логике, приходится констатировать, что политико-правовые основы противодействия коррупции существенно не изменились, а значит, сама коррупционность стала обыденной для общества, приобретая при этом все новые формы. Наряду с другими видами экономической преступности она выступает мощным средством перераспределения собственности и капиталов, в том числе криминальных.

Таким образом, на протяжении длительного времени, с одной стороны, создавался все более широкий и внушительный слой граждан, заинтересованных в сохранении основанных на коррупции отношений, с другой – все большая часть россиян испытывала на себе пагубные последствия коррупции (привыкания к ней).

19 мая 2008 г. состоялось знаковое совещание по проблемам противодействия коррупции, на котором Президент России Д. Медведев напомнил, что наша страна уже ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, а также стала участницей объединения государств против коррупции, то есть взяла на себя целый набор международных обязательств. Вместе с тем глава государства констатировал, что уровень коррупции в России остается крайне высоким: в 2007 г., по официальной статистике, расследовано более 10,5 тыс. дел в этой сфере, причем эти показатели являются лишь вершиной айсберга в силу того, что в России много скрытых, так называемых латентных преступлений коррупционной направленности.

В связи с этим было особо подчеркнуто: «Надо что-то делать, хватит ждать! Коррупция превратилась в системную проблему. Этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ»[5].

Идея потребности в системном подходе к проблеме противодействия коррупции отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.[6], а также комплексе принятых в последние годы нормативно-правовых актах. К последним относятся:

– Федеральный закон от 25.07.2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»;

– Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

– Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”»;

– Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и принятием федерального закона “О противодействии коррупции”»;

– Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

– Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»;

– Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов».

Как отметил Президент России Дмитрий Медведев 26 июля 2009 г. в беседе с ведущим программы НТВ «Итоги» Кириллом Позднаковым, «самым сложным в плане борьбы с ней (коррупцией – *Б.М.*) – запустить принятые антикоррупционные законы в действие. Сейчас главное – научиться принятыми законами пользоваться, не бояться применять эти документы, сделать так, чтобы эти документы работали, чтобы те, кто их применяет, не боялись, что им завтра за это надают по шапке. Это самое сложное»[7].

Успешность противодействия коррупции может быть обеспечена достижением единства государства и общества по принципиальным моментам: стабильности доходов (бюджетники, пенсионеры), реальности гарантий на труд и достойную его оплату, доступности образования, медицинского и социального обеспечения, наличия достой-

ной социокультурной среды, эффективного механизма защиты прав человека, личности и собственности от неправомерных посягательств, сбалансированного налогообложения, установления цен на товары и услуги исходя из учета доходов основной массы населения страны, обеспечения эффективного правопорядка и правосудия.

В настоящее время негативность проявлений коррупции и ее пагубность для нормального социального развития общества стали не только обязательным элементом информационного поля, но и предметом целенаправленной работы среди населения. Этот идеологический аспект антикоррупционной деятельности должен подкрепляться реальными социальными мерами государства по включению граждан в конкретные проекты повышения собственного благосостояния за счет развития их активности, инициативы, личного трудового участия. Население страны должно иметь выбор при организации жизни и осознавать предпочтительность некоррупционного поведения, а также стремиться при реальной помощи государства к обустройству своей личной жизни, благополучию семьи, иметь доступ к получению образования, квалифицированной медицинской помощи, формированию достаточно духовной сферы досуга и отдыха, обладать возможностью достойно проявлять заботу о своих детях, получать удовлетворение от процесса общения с ними, их воспитания и результатов своего участия в этом.

Правоохранительный аспект противодействия коррупции следует сбалансировать путем грамотного сочетания мер профилактики и реализации конкретных видов правовой ответственности.

Меры профилактики коррупционного поведения должны осуществляться на уровне работы по подбору, расстановке, продвижению по службе, при аттестации руководящих кадров, посредством инспектирования направлений деятельности, реагирования на жалобы и заявления, публикации в прессе. Аттестационный вывод «неполное служебное соответствие» для руководящих и ответственных работников (педагогов, врачей, командного и руководящего состава силовых ведомств) должен влечь либо перевод на другую работу, не связанную с реализацией управленческих или аттестационно-квалификационных функций, либо увольнение с должности.

Такая ранняя профилактика, если она сформируется в системную и принципиальную работу, может послужить упреждающим фактором в отношении перерастания проступков в криминальное устойчивое поведение. Кроме того, предполагается, что эта форма противодействия коррупции должна опираться на участие общественных формирований (общественных советов, судов чести, собраний, общественных наблюдательных комиссий и др.), а значит, способна позитивно и значимо влиять на состояние нравственности, правосознания и общей культуры населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб.; Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 30 ноября 2010 г. // Там же. 2010. 1 дек.

[2] См.: Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35–40.

[3] См.: Кабанов К. Объем коррупции в России достиг четверти ВВП. http://grani.ru/Politics/Russia/m.148724.html

[4] Вечерняя Москва. 1993. 29 июля.

[5] Медведев против коррупции. http://vz.ru/politics/2008/5/19/169261.html

[6] См.: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

[7] Надо не бояться пользоваться антикоррупционными законами. http://www.yuga.ru/news/161313/

[1] Sm.: Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 12 nojabrja 2009 g. // Rossijskaja gazeta. 2009. 13 nojab.; Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 30 nojabrja 2010 g. // Tam zhe. 2010. 1 dek.

[2] Sm.: Lopashenko N.A. Protivodejstvie rossijskoj korrupcii: obosnovannost' i dostatochnost' ugolovno-pravovyh mer // Sledovatel'. 2009. № 6. S. 35–40.

[3] Sm.: Kabanov K. Ob#em korrupcii v Rossii dostig chetverti VVP. http://grani.ru/Politics/Russia/m.148724.html

[4] Vechernjaja Moskva. 1993. 29 ijulja.

[5] Medvedev protiv korrupcii. http://vz.ru/politics/2008/5/19/169261.html

[6] Sm.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2009 g. № 537 // Rossijskaja gazeta. 2009. 19 maja.

[7] Nado ne bojat'sja pol'zovat'sja antikorrupcionnymi zakonami. http://www.yuga.ru/news/161313/

К вопросу об определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ

О.Ю. КРЮКОВА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматривается проблема определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, приводятся официальные статистические данные о количестве совершенных преступлений в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей, примеры из судебной практики.

Ключевые слова: субъект преступления; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; осужденный; подозреваемый; обвиняемый.

To the problem of defining the subject of a crime under Art. 321 of the Criminal Code of Russian Federation

O.Y. KRYUKOVA – scientific worker of the organizational-scientific department of The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law science

The article is devoted to the problem of defining the subject of a crime under Art.321 of the Criminal Code of Russian Federation, which provides official statistics on the number of crimes committed against the penal system officers and their families, examples of judicial practice.

Key words: the subject of a crime; disorganization of activity of institutions which provide isolation from society; convict; suspect; accused person.

Уголовное законодательство (ч. 1 ст. 321 УК РФ) указанное преступление определяет как применение насилия, неопасного для жизни или здоровья осужденного, либо угрозу применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Часть 2 данной статьи предусматривает ответственность за то же деяние, если оно совершено «в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких», а ч. 3 в качестве квалифицирующих признаков выделяет организованную группу и насилие, опасное для жизни и здоровья.

Общественная опасность данного преступления обусловлена способом его совершения: угрозой применения или применением насилия в отношении лиц, указанных в законе. Совершение подобных действий в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, способно повлечь не только нарушение их нормальной деятельности и существенно осложнить оперативную обстановку, создать негативную атмосферу, поколебать авторитет органов исполнительной системы, поставить под сомнение возможности их администрации контролировать ситуацию, но и тем самым существенно снизить эффективность деятельности данных органов и учреждений системы исполнения наказания по реализации стоящих перед ними задач[1].

Диспозиция ст. 321 УК РФ не содержит признаков субъекта дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что порождает различные интерпретации данного понятия.

Так, одни исследователи субъектом рассматриваемого преступления считают осужденного, содержащегося в местах лишения свободы, достигшего возраста 16 лет[2], другие же помимо осужденного, содержащегося в местах лишения свободы, к субъекту данного преступления относят и подозреваемого или обвиняемого, находящегося под стражей[3]. В обоих случаях речь идет о специальном субъекте преступления. Существует и третья точка зрения, согласно которой субъект рассматриваемого преступления – общий, им может быть не только

осужденный, но и любое другое лицо, достигшее возраста 16 лет[4].

Так, например, С.А. Семенов указывает, что угрожать применением насилия и реально применять его к сотруднику исправительного учреждения или осужденному могут не только осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, но и другие лица. Это могут быть уже отбывшие наказание или по поручению еще отбывающих наказание их друзья и др. В последнем случае будет иметь место соучастие в совершении преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, с разделением ролей[5].

В то же время С.В. Назаров, характеризуя субъекта рассматриваемого преступления как любое лицо, достигшее 16-летнего возраста, отмечает, что случаев привлечения к уголовной ответственности по ст. 321 УК РФ лиц, которые не отбывают уголовного наказания, в практике пока не было[6].

Д.Б. Вальяно обращает внимание на то, что в настоящее время судебная практика насчитывает всего лишь два обвинительных приговора, вынесенных по ст. 321 УК РФ в отношении лиц, не имеющих статус осужденного[7]. Кроме того, как указывает автор, данные лица совершили преступление в течение суток после отбытия назначенного им срока лишения свободы[8].

При изучении материалов уголовных дел, рассмотренных судами Архангельской, Вологодской, Мурманской, Пермской, Ярославской областей, нам не встретилось ни одного случая применения ст. 321 УК РФ в отношении лиц, не содержащихся в местах лишения свободы либо под стражей. Так, в 97% изученных нами уголовных дел субъектом рассматриваемого преступления выступали лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, а в 3% случаев – лица, в качестве меры пресечения заключенные под стражу.

Несмотря на это, в последнее время совершается большое количество преступлений в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей. Так, по данным НИИ ФСИН России, в 2007–2008 гг. совершено 426 нападений на сотрудников УИС и членов их семей, в результате чего при исполнении служебных обязанностей погибли 36 сотрудников, 406 сотрудникам и 1 члену семьи сотрудника причинен вред здоровью различной степени тяжести. По этим фактам возбуждено 291 уголовное дело, к уголовной ответственности были привлечены 129 осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также 162 иных лица[9].

В связи с тем, что диспозиция ст. 321 УК РФ не содержит четкого указания на признаки субъекта преступления, полагаем, что данное преступление, совершенное в отношении осужденного, либо сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, либо их близких, может быть совершено как лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы либо содержащимся под стражей, так и иным лицом. Отсюда следует, что субъект преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, общий.

Поскольку рассматриваемое преступление может быть совершено наравне с общим субъектом и лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, подозреваемым или обвиняемым, находящимся под стражей, встает вопрос о необходимости дифференциации ответственности в зависимости от субъекта преступления.

С одной стороны, преступление, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы, обладает повышенной общественной опасностью, так как данное лицо уже отбывает наказание за совершенное ранее преступление и вновь совершает преступное деяние. С другой стороны, совершение указанного преступления общим субъектом возможно в результате соучастия, что также свидетельствует о его повышенной общественной опасности. Это объясняется тем, что объединение усилий нескольких лиц делает совершение преступления более продуманным, благодаря чему достигается более значимый преступный результат, чем тот, который причиняется действием одного лица.

Отсюда следует, что совершение преступления общим субъектом не снижает общественной опасности данного преступления, что указывает на отсутствие необходимости в дифференциации ответственности по признакам субъекта преступления.

Таким образом, проанализировав различные точки зрения по вопросу определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, результаты анкетирования, изучив судебную практику и уголовное законодательство, мы приходим к выводу, что субъектом рассматриваемого преступления может быть лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или ареста либо подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, содержащееся под стражей, либо иное вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В связи с необходимостью устранения имеющихся в ст. 321 УК РФ противоречий считаем целесообразным внести в нее некоторые изменения.

По нашему мнению, ст. 321 УК РФ целесообразно представить в следующей редакции:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

1. Применение насилия, неопасного для жизни и здоровья осужденного или лица, содержащегося под стражей, либо угроза применения насилия в отношении их с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное осужденным или лицом, содержащимся под стражей, содействие администрации учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, ареста или содержание под стражей, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или ареста либо содержащимся под стражей, либо иным лицом, – наказывается…

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, в отношении сотрудника места отбывания лишения свободы, арестного дома или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности – наказываются…

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, – наказываются…».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Друзин А.И. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4. С. 30; Демина О.А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за дезорганизацию учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: состояние и перспективы совершенствования: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 14.

[2] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2004. С. 647; Уголовное право / Авт.-сост. Т.А. Лесниевски-Костарева. М., 2000. С. 50.

[3] См.: Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 774; Уголовный закон в практике районного суда: Науч.-практ. пособие / Под ред. А.В. Галаховой. М., 2007. С. 967, 969; Щербаков А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8; Рудый Н.К. Уголовно-правовая охрана служебной деятельности и личности сотрудников при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007.№ 6. С. 7.

[4] См.: Друзин А.И. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. С. 41; Уголовное право. Особенная часть: Учеб. / Под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. М., 2004. С. 632; Назаров С.В., Магомедов А.А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Моногр. Владимир, 2002. С. 97; Власов Ю. Проблемы конструкции и содержания статьи 321 УК РФ // Уголовное право. 2006. № 2. С. 15; Ратникова Н.Д. Проблемы правового положения подозреваемого и обвиняемого, содержащихся под стражей в следственном изоляторе. Воронеж, 2000. С. 99; Прасолова И.Г. Уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 20.

[5] См.: Семенов С.А. Проблемы квалификации преступлений со специальным субъектом, совершаемых в исправительных учреждениях России // Правоохранительная деятельность в России и США: сравнительно-правовой анализ: Материалы заседания круглого стола. Владимир, 1999. С. 50.

[6] См.: Назаров С.В. Уголовно-правовая ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 48.

[7] См.: Вальяно Д.Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 76.

[8] См.: Там же. С. 90.

[9] См.: Селиверстов В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 19.

[1] Sm.: Druzin A.I. Dezorganizacija dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2002. № 4. S. 30; Demina O.A. Ugolovno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za dezorganizaciju uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva: sostojanie i perspektivy sovershenstvovanija: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Saratov, 2009. S. 14.

[2] Sm.: Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaja chast': Ucheb. / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. M., 2004. S. 647; Ugolovnoe pravo / Avt.-sost. T.A. Lesnievski-Kostareva. M., 2000. S. 50.

[3] Sm.: Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniju Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. V.M. Lebedeva. M., 2005. S. 774; Ugolovnyj zakon v praktike rajonnogo suda: Nauch.-prakt. posobie / Pod red. A.V. Galahovoj. M., 2007. S. 967, 969; Werbakov A.V. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty dezorganizacii dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2007. S. 8; Rudyj N.K. Ugolovno-pravovaja ohrana sluzhebnoj dejatel'nosti i lichnosti sotrudnikov pri dezorganizacii dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2007. № 6. S. 7.

[4] Sm.: Druzin A.I. Dezorganizacija dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva. S. 41; Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast': Ucheb. / Pod red. L.D. Gauhmana i S.V. Maksimova. M., 2004. S. 632; Nazarov S.V., Magomedov A.A. Dezorganizacija dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: Monogr. Vladimir, 2002. S. 97; Vlasov Ju. Problemy konstrukcii i soderzhanija stat'i 321 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2006. № 2. S. 15; Ratnikova N.D. Problemy pravovogo polozhenija podozrevaemogo i obvinjaemogo, soderzhawihsja pod strazhej v sledstvennom izoljatore. Voronezh, 2000. S. 99; Prasolova I.G. Ugolovnaja otvetstvennost' za dezorganizaciju dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2007. C. 20.

[5] Sm.: Semenov S.A. Problemy kvalifikacii prestuplenij so special'nym sub#ektom, sovershaemyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah Rossii // Pravoohranitel'naja dejatel'nost' v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoj analiz: Materialy zasedanija kruglogo stola. Vladimir, 1999. S. 50.

[6] Sm.: Nazarov S.V. Ugolovno-pravovaja otvetstvennost' za dezorganizaciju dejatel'nosti uchrezhdenij, obespechivajuwih izoljaciju ot obwestva: Dis. … kand. jurid. nauk. M., 2000. S. 48.

[7] Sm.: Val'jano D.B. Preduprezhdenie prestuplenij, dezorganizujuwih dejatel'nost' ispravitel'nyh uchrezhdenij, sovershaemyh organizovannymi prestupnymi gruppami: Dis. … kand. jurid. nauk. M., 2001. S. 76.

[8] Sm.: Tam zhe. S. 90.

[9] Sm.: Seliverstov V.I. Nekotorye napravlenija ugolovno-ispolnitel'noj politiki Rossii na sovremennom jetape // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2009. № 5. S. 19.

Назначение наказания за создание организованной преступной группы и участие в ней

А.В. КИСИН – старший следователь по особо важным делам Следственного комитета МВД России, соискатель Российской академии правосудия

В статье дается развернутый анализ статистических данных о практике назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 208–210 УК РФ, формулируется вывод о том, что судебная практика не использует в полной мере репрессивный потенциал закона и в недостаточной степени активно применяет такие уголовно-правовые инструменты, как штраф и конфискация имущества.

Ключевые слова: наказание; условное осуждение; санкция; организованная группа; конфискация имущества.

Infliction of punishment for forming and participation in organized crime gang

A.V. KISIN – a chief case investigator at the Criminal Investigation Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, an applicant of the Russian Justice Academy

The article gives a detailed analysis of the statistical practical data in the infliction of punishment for crimes set by the articles 208-210 of the Criminal Code of Russian Federation. Some conclusions are made pointing to the fact that the repressive legal potential is not entirely applied in the judicial practice; such kinds of penalty as fines and seizure of property are used insufficiently.

Key words: punishment; conditional sentence; sanction; organized crime gang; seizure of property.

Назначение уголовного наказания традиционно относится к числу наиболее проблемных и значимых вопросов правоприменительной практики. Законно назначенное, индивидуализированное, минимально необходимое, эффективное наказание является, с одной стороны, итогом правоприменительных усилий по восстановлению справедливости и обеспечению законности, а с другой – залогом возможного исправления преступника и предупреждения совершения преступлений как самим осужденным, так и иными лицами. Не случайно Верховный суд России уделяет особое внимание совершенствованию соответствующей практики, подчеркивает необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, перечисленных в ст. 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (п. 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»).

Большой практический интерес представляет исследование проблем назначения наказания за преступления, объективная сторона которых состоит в создании организованной преступной группы и участии в ней. Такими преступлениями, как известно, ст. 35 УК РФ признает бандитизм, организацию незаконного вооруженного формирования, преступного и экстремистского сообщества и участие в них.

Анализ статистических данных Верховного суда Российской Федерации о назначении наказания за преступления, предусмотренные ст. 208, 209, 210, 282.1 УК РФ (форма 10-3), за период с 2003 по 2009 гг. показывает следующее[1]:

1. Из общего числа лиц, осужденных по ст. 208 УК РФ, основная масса (70,9%) приговаривается к реальному лишению свободы, причем из них 47,1% – на срок до 1 года, 39,5% – на срок от 1 года до 3 лет, 12,4% – на срок от 3 до 5 лет, 1% – на срок от 5 до 8 лет. К ус-

ловному лишению свободы приговариваются 26,5% осужденных. Эти данные характеризуют наказание, назначенное и организаторам, и участникам незаконного вооруженного формирования. Дифференцированный анализ наказания с учетом роли лица в преступлении (в том числе с учетом максимального наказания, установленного санкциями ст. 208 УК РФ) показывает, что различия малосущественны: суды выносят приговор, преимущественно ограничиваясь нижней половиной санкции. Тем не менее к организаторам незаконных вооруженных формирований реже применяется условное лишение свободы.

2. Из общего числа лиц, осужденных по ст. 209 УК РФ, 96,4% осуждены к реальному лишению свободы, 3,6% – к лишению свободы условно, причем эта мера применяется только к участникам банды, осужденным по ч. 2 ст. 209 УК РФ, но не к организаторам банды и лицам, признанным виновным и в бандитизме с использованием служебного положения. Что касается сроков лишения свободы, то они представлены следующим образом: среди организаторов банды на срок до 5 лет осуждено 1,8%, на срок от 5 до 8 лет – 15%, на срок от 8 до 10 лет – 31,6%, на срок от 10 до 15 лет – 51,6%; среди участников банды на срок до 5 лет осуждено 6,5%, на срок от 5 до 8 лет – 36,1%, на срок от 8 до 10 лет – 35,1%, на срок от 10 до 15 лет – 22,3%. В связи с действием современной редакции санкций ст. 209 УК РФ обозначились, как минимум, несколько значимых позиций: во-первых, несмотря на равный верхний предел наказания в виде лишения свободы для организаторов и участников банды, прослеживается вполне обоснованный более строгий подход судов к наказанию именно организаторов банды; во-вторых, усматривается, что в пределах санкции статьи наказание назначалось немногим более чем половине осужденных, в то время как остальным – ниже минимума, установленного санкцией (в данном случае речь не идет исключительно о применении ст. 64 УК РФ – наказание могло снижаться, как известно, и в силу иных требований уголовного и уголовно-процессуального законов).

3. Из общего числа лиц, осужденных по ст. 210 УК РФ, к реальному лишению свободы осуждено 77,2%, к условному лишению свободы – 18,4%, что само по себе представляет весьма интересный факт, поскольку, несмотря на законодательное признание организации преступного сообщества более опасным преступлением, нежели бандитизм, удельный вес осужденных условно здесь существенно выше, чем демонстрируют данные о наказании по ст. 209 УК РФ. Причем статистика свидетельствует о том, что условное осуждение по ст. 210 УК РФ применяется не только к рядовым участникам, но и к организаторам, в частности 10,3% лиц, осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ, были приговорены судом к условному лишению свободы. Сроки реального лишения свободы для осужденных за рассматриваемое преступление распределились следующим образом: среди организаторов на срок до 5 лет осуждено 10,3%, на срок от 5 до 8 лет – 39,3%, на срок от 8 до 10 лет – 24,8%, на срок от 10 до 15 лет – 25,6%; среди участников преступного сообщества на срок до 5 лет осуждено 52,3%, на срок от 5 до 8 лет – 32,1%, на срок от 8 до 10 лет – 15,6%. Как и в случае с осуждением за бандитизм, почти половине осужденных за организацию и участие в преступном сообществе суды назначали наказание ниже минимального предела, установленного в санкции, наказание в верхней половине санкции было применено лишь к 15,6% участников преступного сообщества и вообще не применялось к организаторам.

Обобщенный анализ представленных данных позволяет заключить, что, будучи ограниченными санкциями статей в выборе вида основного наказания, суды закономерно используют лишение свободы в качестве единственного вида наказания, применяемого за организацию специальных видов организованных групп и участие в них. Однако основной массив приговоров предполагает наказание либо меньшее, чем предусмотрено минимальным порогом санкции, либо в пределах нижней половины санкции. Это обстоятельство может быть обусловлено несколькими факторами: особенностями социально-криминологической характеристики организованных групп, в основной массе своей специализирующихся на совершении общеуголовных преступлений против собственности или здоровья населения; предельными характеристиками санкций исследуемых норм; наличием широких возможностей для применения процессуальных оснований ограничения верхнего порога санкции (ст. 316 УПК РФ); устойчивой традицией российских судов назначать наказание в нижней половине санкции; обоснованным сомнением судов в эффективности сверхдлительных сроков лишения свободы; политическими установками о необходимости либерализации и гуманизации судебной практики.

Названные факторы, как представляется, служат надежным аргументом против высказываемых в уголовно-правовой литера-

туре суждений о необходимости усиления уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с созданием организованных групп[2]. Санкции рассматриваемых норм и так уже достаточно высоки, но их верхние пределы оказываются невостребованными судебной практикой.

Усиление карательной политики в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 208, 209, 210, 282.1 УК РФ, должно, как представляется, не идти по пути увеличения сроков назначаемого наказания, а развиваться в направлении более широкого использования дополнительных видов уголовного наказания и конфискации имущества. Практика показывает (форма 10.1 отчетности Верховного суда Российской Федерации), что эти уголовно-правовые инструменты используются крайне слабо (табл. 1).

Таблица 1

Назначение дополнительных наказаний за преступления, связанные с созданием организованных групп

Год	Всего осуждено по ст. 208–210 УК РФ	Назначен штраф как дополнительное наказание		Назначено лишение специального права как дополнительное наказание		Назначена конфискация имущества	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
2005	444	2	0,5	1	0,3	1	0,3
2006	557	7	1,3	0	0	0	0
2007	395	4	1,0	0	0	0	0
2008	439	9	2,1	6	1,4	0	0
2009	466	30	6,4	0	0	7	1,5

Несмотря на отраженный в статистике рост случаев применения дополнительных наказаний и конфискации имущества при разрешении уголовных дел об исследуемых преступлениях, соответствующие решения все еще носят единичный характер. Между тем давно доказанным и международно признанным является тезис о том, что именно имущественные санкции (прежде всего, конфискация имущества) являются наиболее действенными и эффективными в деле предупреждения организованной преступности, поскольку они ориентированы на разрушение имущественной основы функционирования преступных групп (ст. 12, 13, 14 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из анализа нами были исключены данные о назначении наказания за организацию экстремистского сообщества и участие в нем (о числе осужденных по ст. 282.1 УК РФ), поскольку их нельзя считать репрезентативными.

[2] См., напр.: Ермакова Т.Н. Банда и преступное сообщество (преступная организация) как формы соучастия: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12; Скотинина В.Н. Компаративистское исследование состава организации преступного сообщества (преступной организации): внутригосударственный, международный и зарубежный аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

[1] Iz analiza nami byli iskljucheny dannye o naznachenii nakazanija za organizaciju jekstremistskogo soobwestva i uchastie v nem (o chisle osuzhdennyh po st. 282.1 UK RF), poskol'ku ih nel'zja schitat' reprezentativnymi.

[2] Sm., napr.: Ermakova T.N. Banda i prestupnoe soobwestvo (prestupnaja organizacija) kak formy souchastija: sravnitel'no-pravovoj analiz: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. S. 12; Skotinina V.N. Komparativistskoe issledovanie sostava organizacii prestupnogo soobwestva (prestupnoj organizacii): vnutrigosudarstvennyj, mezhdunarodnyj i zarubezhnyj aspekty: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. S. 9.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Право осужденного на рассмотрение материалов о его освобождении из исправительного учреждения по акту амнистии в установленный срок

И.В. СЕЛИВЕРСТОВ – аспирант Современной гуманитарной академии

Статья посвящена вопросам правового закрепления и соблюдения на практике сроков и иных требований к порядку принятия решения об освобождении осужденных из исправительных учреждений по акту амнистии. Предлагается сокращение общего срока рассмотрения материалов об освобождении по амнистии с 6 до 3 месяцев. Для отдельных категорий осужденных обосновывается увеличение продолжительности рассмотрения материалов об амнистии.

Ключевые слова: осужденный; амнистия; право осужденного; срок рассмотрения материалов о применении амнистии.

The right of convict to considerate the materials about his release from the correctional institution according to amnesty within established period

I.V. SELIVERSTOV – ppost graduate student of the Modern Humanitarian Academy

The article is concerned with the question of the time of taking a decision to release a convict from correctional institutions according to amnesty. The reduction of the time for materials' consideration concerning release according to amnesty from six to three months is proposed. For special categories of the convicts the growing of the time for materials' consideration according to amnesty is proved.

Key words: a convict; amnesty; convict's right; the time of materials' consideration about amnesty application.

Правовой статус лица, подлежащего освобождению из места лишения свободы по акту амнистии, включает в себя ряд основных прав и законных интересов. Наиболее значимым для исследования представляется право осужденного на рассмотрение материалов об его освобождении по акту амнистии в установленный срок. Такой срок согласно большинству постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД ФС РФ) об объявлении амнистии составляет 6 месяцев. Это связано с тем, что в заявленный период времени администрации исправительного учреждения (далее – ИУ) необходимо провести комплекс мероприятий: а) по оформлению и представлению прокурору личного дела осужденного; б) запросу документов, необходимых для установления оснований для освобождения осужденного (сведения об участии в Великой Отечественной войне, о наградах и т.д.); в) обязательному лечению осужденных от социально опасных заболеваний (туберкулез, алкоголизм, наркомания, токсикомания, венерические заболевания); г) своевременному оповещению органов здравоохранения об освобождении из мест лишения свободы лиц, больных туберкулезом, отнесенных к I или II группе диспансерного учета; д) решению вопросов трудового и бытового устройства освобождаемых по амнистии осужденных, их медицинскому обслуживанию; е) направлению инвалидов

и престарелых осужденных, не имеющих родственников, которые могли бы взять их на свое иждивение, в специализированные учреждения социальной защиты.

Данный круг мер по подготовке к применению акта амнистии дополняется требованиями к освобождению от отбывания наказания, установленными в УИК РФ. В их числе: а) проведение воспитательной работы с осужденным в целях подготовки к освобождению, разъяснение ему его прав и обязанностей (ч. 2 ст. 180); б) организация бесплатного проезда к месту жительства, обеспечение продуктами питания или деньгами на время проезда (ч. 1 ст. 181); в) обеспечение необходимой по сезону одеждой при отсутствии ее и средствами на ее приобретение (ч. 2 ст. 181); г) решение вопроса о выдаче единовременного денежного пособия (ч. 2 ст. 181); д) извещение родственников отдельных категорий освобождающихся осужденных (ч. 4 ст. 181); е) решение вопроса об организации сопровождения отдельных категорий осужденных в случае, если для такого сопровождения не приехали их родственники либо иные лица (ч. 5 ст. 181); ж) решение вопроса о материально-бытовом обеспечении малолетнего ребенка, проживавшего в доме ребенка при ИУ, если его мать освобождается из мест лишения свободы по амнистии.

В постановлениях ГД ФС РФ об объявлении амнистии и в порядке применения актов амнистии на Правительство Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации возлагается обязанность по реализации системы мер, обеспечивающих трудовое и бытовое устройство лиц, освобожденных из ИУ, а также их медицинское обслуживание. Однако как определить, в течение какого срока должен находиться осужденный в местах лишения свободы перед освобождением по амнистии? Между одним и шестью месяцами временной интервал достаточно велик. Освобождение после, например, трех месяцев со дня вступления в силу акта амнистии может быть в отношении одного осужденного расценено как надлежащая реализация его законного интереса на досрочное освобождение по амнистии, а в отношении другого – как грубое нарушение данного законного интереса.

Решением, позволяющим сгладить остроту обозначенной проблемы и гарантировать реализацию законного интереса каждого осужденного, могло бы стать установление дифференцированных сроков исполнения постановлений ГД ФС РФ об объявлении амнистии. В качестве общего правила следует закрепить, что исполнение акта об амнистии должно осуществляться в 3-месячный срок со дня вступления его в законную силу. Шестимесячный срок исполнения акта об амнистии был установлен еще в советский период развития нашего государства. С тех пор произошли существенные изменения: повысилась правовая грамотность персонала уголовно-исполнительной системы, появились новые средства связи и коммуникаций (электронная почта, глобальная сеть Интернет и т.д.), внедряются эффективные электронные технологии управления. В ближайшие годы Правительство Российской Федерации и все государственные органы обязаны перейти на электронное обслуживание. Все это позволит получать отсутствующие в личном деле осужденного документы либо собирать недостающие сведения в более короткий срок. В этих целях можно использовать информационные возможности УИС, тем более что электронное управление прямого доступа, а именно использование новых информационных технологий для осуществления административной деятельности и электронного взаимодействия между органами исполнительной власти, юридическими лицами и гражданами, входит в число приоритетных задач названного ведомства.

В связи с этим нельзя не согласиться, что в течение 3 месяцев вполне реально провести мероприятия по подготовке к освобождению, трудовому и бытовому обустройству освобожденных лиц.

Далее отметим, что число осужденных, подпадающих под действие актов об амнистии, заметно сократилось. Так, только в результате амнистий 2000 и 2001 гг., по оценке В.В. Лунеева, из мест заключения вышли на свободу около 250 тыс. чел.[1] Применительно к последним актам амнистий показатель освобожденных из мест лишения свободы значительно скромнее. К примеру, по акту амнистии, изданному в связи с 65-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., было освобождено по всей России чуть более 70 осужденных, отбывавших лишение свободы в ИУ[2]. Все это позволяет предположить, что администрация ИУ вполне справится с таким массивом дел в 3-месячный срок.

Однако из предлагаемого нами общего порядка должны быть исключения. Первое из них – это увеличение срока в случаях обязательного лечения осужденных от соци-

ально опасных заболеваний (туберкулеза, алкоголизма, наркомании, токсикомании, венерических заболеваний). Решение об освобождении таких лиц по амнистии должно приниматься после окончания полного курса лечения, даже если он заканчивается после трех месяцев со дня вступления акта об амнистии в законную силу. В этом случае приоритет принадлежит институтам общественной безопасности, правам и интересам других лиц, которых неизлечившийся осужденный может поставить в опасность заражения.

Следует предусмотреть также возможность принятия решения об освобождении осужденного за пределами 3-месячного срока, если это требуется: а) для окончания полного курса общего образования; б) получения профессионального образования или профессиональной подготовки; в) лечения по показаниям, угрожающим жизни осужденного. Рассмотрим данные основания подробнее.

В соответствии со ст. 112 УИК РФ каждый осужденный, не достигший возраста 30 лет, обязан получить общее среднее образование. Лица старше 30 лет получают общее среднее образование по желанию. Как свидетельствуют результаты специальной переписи осужденных 2009 г., 37,7% из них не имеют среднего общего образования, среди несовершеннолетних этот показатель составляет 92,1%. С целью обучения осужденных в ИУ функционируют 309 вечерних общеобразовательных школ и 482 учебно-консультационных пункта, в которых получают образование 92,3 тыс. чел.[3] Возможна ситуация, когда за месяц или несколько дней до сдачи последнего экзамена осужденного необходимо освобождать от отбывания наказания по амнистии.

В соответствии со ст. 108 УИК РФ в ИУ организуется профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных. Основными формами при этом являются обучение в профессионально-технических училищах (центрах, колледжах) ИУ и задействованность на производстве, бригадный метод. Как показала специальная перепись осужденных 2009 г., среди поступающих в места лишения свободы более половины лиц (52,9%) не учились и не работали до осуждения, из них 49,7% вели паразитический образ жизни, не имея трудовых навыков. Поэтому получение профессии является актуальным в условиях мест лишения свободы. Для этого в исправительных учреждениях функционирует 334 профессионально-технических училища и 152 их филиала. В 2007/2008 уч. г. в профессионально-технических училищах и их филиалах обучалось 92,4 тыс. осужденных, непосредственно на производстве осваивали профессии 39,5 тыс. чел.[4] Необходимо отметить, что часть осужденных в училищах получает вторую и последующие профессии, востребованные на рынке труда. Особенно это актуально накануне освобождения, когда человек не уверен, что по имеющейся специальности сможет найти работу на свободе.

Принятие решения об освобождении по амнистии, например, перед сдачей квалификационных экзаменов по полученной специальности не отвечает ни интересам государства, затратившего средства на обучение осужденного, ни интересам самого осужденного, усилия которого по овладению профессией не получают должного оформления. Самое главное, такое положение дел не отвечает интересам социальной реабилитации осужденных, снижает их способность к возвращению к законопослушному образу жизни.

В отношении получения основного общего и среднего полного общего образования осужденными, подлежащими освобождению от отбывания наказания из ИУ, совместным приказом Минюста и Минобрнауки России от 27.03.2006 г. № 61/70 предусматривается возможность досрочной государственной (итоговой) аттестации выпускников 9–12 классов за 3 месяца до ее начала. Однако необходимо решение, которое затрагивало бы все категории осужденных, в первую очередь тех, кто освобождается по акту амнистии.

Как нам представляется, следует нормативно закрепить правило о том, что в случаях, когда осужденный заканчивает курс обучения в общеобразовательном или профессиональном учреждении, решение о применении к нему акта амнистии может быть вынесено после окончания обучения, но не позднее 6 месяцев со дня вступления акта амнистии в законную силу.

В уголовно-исполнительной системе создана ведомственная медицинская структура. При всех своих недостатках, обусловивших возвращение к дискуссии о передаче ее в систему общего здравоохранения России[5], в целом она выполняет поставленные перед ней задачи[6]. В уголовно-исполнительной системе функционирует более 1000 медицинских частей, 69 лечебных ИУ, 131 больница, где медицинскую помощь осужденным оказывают 7,5 тыс. врачей и около 13 тыс. чел. среднего медицинского персонала.

Осужденные к лишению свободы по состоянию здоровья представляют собой одну из самых неблагополучных социальных групп. Могут иметь место ситуации, когда осужденному накануне освобождения по амнистии требуется срочная операция или иное лечение, в том числе специализированное, по показаниям, угрожающим жизни и здоровью. За пределами ИУ освобожденный не сразу сможет получить квалифицированную медицинскую помощь: для этого необходимо иметь полис обязательного медицинского страхования и желательно постоянную регистрацию по избранному месту жительства. Будет упущено время, столь необходимое для успешного оперативного лечения. А что делать, если лицо, подлежащее освобождению по амнистии, временно нетранспортабельно по медицинским показаниям, например после тяжелой операции?

Возможны два пути решения обозначенной проблемы. Один зафиксирован в ведомственных нормативных актах, регламентирующих организацию исполнения актов амнистии, – это передача амнистированных лиц, находящихся к моменту освобождения из ИУ на стационарном лечении, для дальнейшего прохождения курса в местные больницы[7]. Именно этот путь считает перспективным Е.А. Сизая, которая предлагает в уголовно-исполнительном законодательстве закрепить следующую норму: «освобождающиеся больные лица, которые нуждаются в госпитализации по направлению администрации ИУ, помещаются в специализированные медицинские стационары, а соответствующие медицинские службы обязаны принять в стационары для лечения таких лиц»[8].

Второй путь обозначен в международных стандартах обращения с осужденными. В них установлено, что «если, по мнению сотрудника медицинской службы, заключенный в день истечения срока его наказания страдает острым заболеванием, начальник тюрьмы разрешает заключенному остаться в тюрьме до тех пор, пока сотрудник не сочтет его здоровым с медицинской точки зрения или не будут приняты альтернативные меры для ухода за заключенным. Если заключенный способен сделать письменное заявление о том, чтобы остаться в тюрьме, начальник тюрьмы разрешает заключенному остаться только при предъявлении письменного заявления»[9].

Представляется, что в данном случае стремиться нужно к реализации обеих возможностей. Если есть объективные условия для оказания медицинской помощи освобождаемому по амнистии в районе места дислокации колонии, то следует осужденного освободить и переместить для лечения в лечебное учреждение органов здравоохранения. Если таковых нет либо осужденный нетраспортабелен по медицинским показаниям, то следует учесть приведенные выше положения международных стандартов и долечивать осужденного в лечебном учреждениях ИУ. Для данных случаев необходимо исключение из общего 3-месячного срока рассмотрения материалов о применении амнистии – в таких обстоятельствах он может быть продлен до 6 мес.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 833.

[2] См.: Домой ко Дню Победы: Материалы пресс-службы ФСИН России по Республике Марий Эл.

[3] См.: О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Доклад на Президиуме Государственного совета Российской Федерации. Вологда, 2009. С. 35–36.

[4] См.: Там же. С. 34.

[5] См.: Датий А.В. Актуальность создания медико-санитарных частей территориальных органов УИС в процессе реформирования медико-санитарной службы // Реформирование уголовно-исполнительной системы. Проблемы медико-социальной адаптации лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы: Материалы междунар. практ. конф. М., 2010. С. 15.

[6] Аналогичные трудности испытывает пенитенциарная медицина и в других, в том числе европейских, государствах (см.: Здравоохранение в тюрьмах: реализация права на здоровье. Международная тюремная реформа (PRI), 2007. № 2).

[7] См.: Приказ МВД России от 26.01.1998 г. № 58 «Об организации исполнения акта амнистии». П. 2.5.

[8] Сизая Е.А. Принципы исполнения уголовных наказаний: теоретико-методологические основы, реализация, эффективность. Рязань, 2009. С. 242.

[9] Комментарий к международным правовым актам и стандартам обращения с осужденными. Хельсинки; СПб.; Псков, 2009. С. 60.

[1] Sm.: Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. M., 2005. S. 833.

[2] Sm.: Domoj ko Dnju Pobedy: Materialy press-sluzhby FSIN Rossii po Respublike Marij Jel.

[3] Sm.: O sostojanii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: Doklad na Prezidiume Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj Federacii. Vologda, 2009. S. 35–36.

[4] Sm.: Tam zhe. S. 34.

[5] Sm.: Datij A.V. Aktual'nost' sozdanija mediko-sanitarnyh chastej territorial'nyh organov UIS v processe reformirovanija mediko-sanitarnoj sluzhby // Reformirovanie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. Problemy mediko-social'noj adaptacii lic, otbyvajuwih nakazanija i osvobozhdajuwihsja iz mest lishenija svobody: Materialy mezhdunar. prakt. konf. M., 2010. S. 15.

[6] Analogichnye trudnosti ispytyvaet penitenciarnaja medicina i v drugih, v tom chisle evropejskih, gosudarstvah (sm.: Zdravoohranenie v tjur'mah: realizacija prava na zdorov'e. Mezhdunarodnaja tjuremnaja reforma (PRI), 2007. № 2).

[7] Sm.: Prikaz MVD Rossii ot 26.01.1998 g. № 58 «Ob organizacii ispolnenija akta amnistii». P. 2.5.

[8] Sizaja E.A. Principy ispolnenija ugolovnyh nakazanij: teoretiko-metodologicheskie osnovy, realizacija, jeffektivnost'. Rjazan', 2009. S. 242.

[9] Kommentarij k mezhdunarodnym pravovym aktam i standartam obrawenija s osuzhdennymi. Hel'sinki; SPb.; Pskov, 2009. S. 60.

Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач ее развития до 2020 г.

Н.А. ГЛЕБОВА – адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России

Статья посвящена вопросам реализации норм международного права, а также применения передового зарубежного опыта в сфере исполнения уголовных наказаний в процессе реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. В ней раскрываются существующие в настоящий момент проблемы в деятельности уголовно-исполнительной системы России, ее правовом регулировании, предлагаются пути их решения с учетом норм международного законодательства, положительного опыта функционирования пенитенциарных систем других государств, расширения контактов с международными организациями.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; зарубежный опыт исполнения наказаний; международное законодательство; реформирование.

Introduction of the advanced foreign experience and realization of the international standards in activity of penal system of Russia taking into account problems of its development till 2020

N.A. GLEBOVA – associate of the Department of State and Law, International and European Law the Academy of Law and Management, the Federal Penal Service

The article is devoted the actual problems connected with observance of norms of the international legislation and introduction of the advanced foreign experience of execution of criminal punishments in the course of realization of Concept of development of penal system till 2020. In the article lacks existing at the moment of penal system of Russia, of its legal regulation reveal. Offers on perfection of activity of penal system of Russia taking into account norms of the international legislation, positive experience of functioning of penitentiary systems of other states are formulated, and at expansion of contacts to the international organizations.

Key words: the penal system; the foreign experience of execution of punishments; the international legislation; the reforming.

Преамбула Конституции Российской Федерации содержит положение, согласно которому Российская Федерация является частью мирового сообщества, а ее национальная правовая система тесно взаимодействует с международным правом. Реализация такого взаимодействия в значительной степени обеспечивается адаптацией законодательства, юридической инфраструктуры нашей страны к основополагающим европейским и международным нормам, оправдавшим себя на практике. Проблемы, связанные с интеграцией России в международное правовое пространство, традиционно вызывают повышенный интерес как ученых-теоретиков, так и правоприменителей.

Следует отметить, что значительная часть действующих в России нормативных правовых актов, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний, была разработана с учетом унифицированных норм международного права и положительного опыта других стран мира. Это во многом было направлено на устранение имеющихся в законодательстве пробелов, а также на его динамическое развитие[1].

Для успешной реализации задач, связанных с изучением и обобщением зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний и его внедрением в нашей стране, следует, как разумно полагает Ю.А. Алферов, «создать специальную группу, в которую бы во-

шли наиболее квалифицированные научные и практические работники. Эта служба должна стать инициатором проведения различного рода экспериментов по внедрению в практику зарубежного опыта, его пропаганде, издавать специальный бюллетень; обучать и давать экспертные оценки соответствия действительного положения вещей требованиям международных стандартов и программным документам ООН по правам человека»[2].

Отражение в российском законодательстве, в том числе в ведомственной нормативной базе, а также в правоприменительной практике положений международных документов в значительной степени обусловлено членством России в международных организациях, занимающихся вопросами защиты прав человека, в том числе в ООН, Совете Европы и др. В результате, по справедливому замечанию специалистов, «европейские стандарты прав и свобод человека меняют не только подход к конкретным правовым институтам – они меняют национальную правовую культуру»[3]. На современном этапе развития нашего общества без учета основных положений международных правовых актов в любом виде правотворчества невозможно эффективно обеспечивать и охранять права, свободы и законные интересы личности и поддерживать желаемый правовой порядок в обществе.

Однако «нужно отдавать себе отчет в том, что мы не можем мгновенно наверстать упущенное, не поддаваясь соблазну слепого копирования чужих норм. Мы должны торопиться. Но, как говорят в таких случаях мудрые люди, торопиться надо медленно»[4]. Россия не может и не должна слепо копировать западные стандарты, так как такое их «некритическое восприятие без учета отечественных юридических традиций, а также игнорирование фактора преемственности в праве сейчас может породить негативные последствия в будущем. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить совет Гегеля о том, что нужно не столько прислушиваться, что говорят тут и там, а нужно понимать “внутреннюю природу и существо своего времени”»[5].

Развитие и деятельность уголовно-исполнительной системы России, совершенствование составляющего ее основу законодательства также во многом ориентированы на реализацию норм международного права. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусматривает дальнейшее расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, международными неправительственными организациями, научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Европейского союза, государств-участников Содружества Независимых Государств и стран дальнего зарубежья.

На наш взгляд, в качестве основных направлений международного сотрудничества в пенитенциарной сфере можно выделить следующие:

– развитие пенитенциарной системы;

– создание условий для внедрения и закрепления в уголовно-исполнительной системе международных стандартов обращения с осужденными и лицами, содержащимися под стражей;

– расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества;

– развитие программ социальной реабилитации;

– совместная подготовка специалистов и повышение квалификации, прохождение совместных стажировок;

– проведение научных исследований на основе реализации международных проектов;

– участие в работе международных научных и практических конференций, других форумов по проблемам пенитенциарной практики;

– взаимодействие с правозащитными организациями;

– приведение в соответствие с международными правовыми нормами социального и правового статуса сотрудников пенитенциарной системы.

Основная задача сегодня – это создание необходимых правовых, организационных и даже психологических условий для того, чтобы эти направления деятельности получили практическое воплощение, чтобы активнее развивались партнерские отношения с пенитенциарными системами иностранных государств, чтобы российская уголовно-исполнительная система была настроена на сосуществование и совместные согласованные действия с ними.

Учитывая опыт международного сотрудничества в пенитенциарной сфере, следует признать, что наиболее эффективным средством реализации положений международных нормативных актов является их имплементация в российскую правовую систему, то есть непосредственное включение предписаний международного права в национальное законодательство, в

том числе в ведомственные акты. Многие нормы международного права реализуются в национальном законодательстве путем трансформации. Так, анализ ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в области исполнения уголовных наказаний на территории России наряду с нормами национального уголовно-исполнительного законодательства возможно непосредственное применение норм международного уголовно-исполнительного права. Таким образом, если нормы международного уголовного права – это нормы для законодателя, то нормы международного уголовно-исполнительного права – это нормы одновременно и для законодателя, и для практики[6].

Сопоставление действующих отечественных нормативных правовых актов с международными правовыми актами (договорами, конвенциями), в которых закреплены взятые на себя Россией обязательства, позволяет выстраивать правоприменительную практику уголовно-исполнительной системы в соответствии с мировыми и европейскими стандартами. При этом необходимо анализировать не только те международные правовые документы, которые обязательны для Российской Федерации, поскольку они подписаны и ратифицированы, но и те, в которых наше государство не участвует, но они имеют для нашей страны какое-либо правовое значение. Только при этом условии результаты нормотворческого процесса и правоприменительная практика могут служить показателем того, насколько уголовно-исполнительная система приближена к мировым стандартам.

Следует отметить, что наша страна уже находится на таком этапе развития, когда основополагающие нормативные акты не только приняты, но и нашли свое реальное воплощение в жизнедеятельности государства. Следовательно, наступило время качественного совершенствования действующего законодательства, а именно принятия на основе мировых стандартов нормативных правовых актов, способных обеспечить динамичное развитие уголовно-исполнительной системы России. Анализируя международно-правовые стандарты, следует отметить следующее: в них концентрируется весь мировой опыт уголовно-исполнительной практики, ее гуманистические тенденции, они имеют особый правовой статус среди норм международной юстиции в области предупреждения преступлений и борьбы с преступностью, так как в большинстве своем приняты и одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, входят в число международных принципов в сфере прав человека[7].

Для Российской Федерации передовой зарубежный опыт имеет особое значение, прежде всего, потому, что при всех позитивных изменениях уголовно-исполнительная система России пока не стала структурой, в полной мере опирающейся на ценности прав человека и гуманистическую мораль. Исходя из этого основными целями ведомственного нормотворчества, как отмечает директор Федеральной службы исполнения наказаний А.А. Реймер, являются «оптимизация уголовного преследования в зависимости от общественной опасности деяния и личности правонарушителя, минимизация негативных последствий лишения человека свободы, включая распространение криминальной субкультуры, а также повышение предупредительной функции административной ответственности»[8]. Необходимо также решение вопросов, касающихся расширения сферы применения и введения новых видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, декриминализации части уголовно наказуемых деяний и перевода их в категорию административных проступков и, наконец, реформы существующей системы исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Реализация международных стандартов в сфере исполнения уголовных наказаний, использование передового опыта пенитенциарных систем других государств в соответствии с концепцией должны быть направлены на достижение таких результатов, как:

– повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

– сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

– гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Известный французский юрист М. Ансель писал, что изучение зарубежного опыта «открывает перед юристом новые горизонты,

позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особо отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права»[9].

Таким образом, представляется целесообразным разностороннее изучение зарубежного опыта и использование всего самого ценного с учетом российской специфики и наших условий для обеспечения необходимых показателей пенитенциарной деятельности.

Активная теоретическая разработка проблем использования зарубежного опыта в российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве связана с внедрением в деятельность уголовно-исполнительной системы европейских стандартов обращения с заключенными и иных международных правовых актов, потребовавших внесения в законодательство коренных изменений. В последние годы положение дел начало меняться, а в уголовно-исполнительной системе произошли достаточно существенные сдвиги. При этом к работе по преобразованию пенитенциарной сферы России были привлечены эксперты Совета Европы, Европейского комитета против пыток, Совета по пенологическому сотрудничеству Совета Европы, а также западные специалисты и представители международных и российских общественных организаций.

Одна из основных проблем, остающаяся не решенной на сегодняшний день, – большое количество лиц, осужденных к лишению свободы. Как отмечал Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, «снизилось… общее число содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы… но это все равно очень и очень много»[10].

Следует отметить, что в большинстве европейских стран весьма осторожно применяют такой вид наказания, как лишение свободы. Особенно это касается преступлений небольшой и средней тяжести. Это связано с пониманием того, что изоляция человека от общества вовсе не способствует его перевоспитанию или исправлению. Исходя из такого представления задачей наказания следует считать не «переделку» преступника, а создание таких условий, при которых продолжение преступной деятельности для него стало бы невозможным или было бы максимально затруднено, «сам человек при этом остается фигурой неприкосновенной, и во главу угла исправительной системы ставится понятие человеческого достоинства»[11]. Эти идеи нашли свое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2020 г.

История развития пенитенциарных систем зарубежных стран убеждает, что «наиболее цивилизованным учреждением по исполнению уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы, отвечающим международным стандартным минимальным правилам обращения с заключенными, является тюрьма»[12]. Комитет министров Совета Европы в преамбуле к Европейским пенитенциарным правилам в качестве основных принципов исполнения тюремного заключения закрепил, в частности, что «со всеми лицами, лишенными свободы, следует обращаться, уважая их права» (п. 1), а «ограничения, возложенные на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствующими целям, ради которых они возлагаются» (п. 3)[13].

Считаем важным кратко остановиться на тех основных моментах исполнения наказания в виде лишения свободы, которые пока не нашли отражения в пенитенциарном законодательстве нашей страны, но уже отработаны в зарубежных странах.

В первую очередь хотелось бы отметить зарубежный опыт организации системы ресоциализации. Так, в Германии действует психологическая служба, имеется специальная тюрьма-распределитель (диагностический центр), также создана система переходных домов, позволяющих в значительной степени облегчить процесс социальной реинтеграции. В Нидерландах применяется частная система исполнения наказаний и социальной реабилитации преступников. В Норвегии действует принцип гарантии реинтеграции, то есть существует гарантия того, что общественные службы, доступные обычным гражданам страны, доступны и для лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Заметим, что социальная работа и социальная помощь как составляющие социального обеспечения осужденных в нашей стране в соответствии с международными требованиями закреплены законодательно – как раздел социальной политики. Однако в силу наличия экономических и организационных проблем социальная практика в отношении осужденных остается реализованной не до конца, в результате чего такие лица становятся навсегда потерянными для

общества. Работа по коррекции поведения лиц, отбывших уголовное наказание, осуществляется в Российской Федерации фрагментарно органами внутренних дел, учреждениями уголовно-исполнительной системы, другими государственными структурами.

На наш взгляд, в России было бы целесообразно использовать опыт ряда стран в части условно-досрочного освобождения. Одним из проблемных вопросов остается отсутствие механизма контроля за лицами, освобожденными досрочно от отбывания лишения свободы, отбывшими наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, другие умышленные преступления и не вставшими на путь исправления.

Сохраняются проблемы и в области здравоохранения в уголовно-исполнительной системе. Недостаток финансовых средств на приобретение дорогостоящих лекарств, новейшего медицинского оборудования препятствует реализации международных рекомендаций, в частности положений ст. 22, 62 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными[14].

Развитие уголовно-исполнительной системы России на современном этапе во многом обусловлено изменениями в практике назначения уголовных наказаний, в том числе расширением сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

В решении организационных и правовых вопросов, связанных с исполнением данной категории наказаний, Россией и другими государствами существует много общего. Среди наказаний, альтернативных лишению свободы, наибольшее распространение в европейских и ряде других государств получили общественные работы[15]. Несколько лет назад именно европейские специалисты оказали нашей стране помощь при введении в действие наказания в виде обязательных работ и внесении соответствующих изменений в законодательство.

Заметим, что обязательные работы в нашей стране могли бы применяться в совокупности с программой пробации, пока у нас не созданной. При этом пробация должна рассматриваться не как наказание, а как принудительное условие для осужденного, освобожденного от реального отбывания наказания в виде лишения свободы.

Существенным шагом в развитии уголовно-исполнительной системы является внедрение международной практики применения так называемого домашнего ареста[16] и связанной с ним системы электронного наблюдения. Еще всего лишь несколько лет назад такой вид наказания казался чем-то из ряда вон выходящим: «из-за отсутствия возможностей для эффективного надзора за осужденным домашний арест в России в настоящее время вряд ли исполним»[17]. Еще в 2005 г. директор Федеральной службы исполнения наказаний России Ю.И. Калинин, говоря о применении системы электронного мониторинга, отмечал: «Мы изучали опыт за рубежом, в первую очередь в Англии. Да, на первый взгляд, для нас это очень интересно. Но применительно к России это и дорого, и сложно, потому что мы имеем большую географию, это большие расстояния, большие территории, большие города»[18]. Однако уже сегодня данная мера успешно исполняется и дает первые положительные результаты.

Надо отметить, что популярность системы электронного мониторинга в мире выросла настолько, что во многих странах применение электронных браслетов стало единственным наказанием по целому ряду статей уголовного кодекса (кража, хулиганство, угон), что позволило значительно уменьшить число лиц, лишенных свободы, а также снизить рецидив преступлений.

В Великобритании, Франции, а также некоторых других странах реализуются проекты по закреплению электронных браслетов не только у лиц, досрочно (условно) освобожденных, но и у тех, кто отбыл свой срок за преступление, считающееся общественно опасным (например, педофилия, убийство, насильственные преступления и т.д.). Такую практику можно ввести и в России, тем более что данную идею поддерживает высшее руководство страны.

Рассмотрев основные направления использования зарубежного пенитенциарного опыта и закрепления его в пенитенциарном законодательстве, можем заключить, что в Российской Федерации в последнее десятилетие достигнут определенный положительный результат, связанный с законодательной регламентацией альтернативных наказаний. Важные нормативные правовые акты приняты во исполнение международных обязательств. Они воплотили в себе все самое ценное из опыта зарубежных стран.

Необходимо отметить, что, по сути, нет ни одной нормы международного права, которую невозможно было бы интегрировать в российское пенитенциарное законодательство. На современном этапе данный процесс в России происходит повсеместно. Так, рекомендации, содержащиеся в ст. 35

Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, заложены в ч. 1 ст. 12 УИК РФ, гарантирующей осужденным право на получение информации о своих правах и обязанностях. В ч. 2 ст. 12 УИК РФ отражены положения ст. 5 Всеобщей декларации прав человека[19], ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[20].

К сегодняшнему дню назрела необходимость совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения, в целом уголовной и уголовно-исполнительной политики в стране. Как было отмечено министром юстиции Российской Федерации А.В. Коноваловым, «уголовно-судебная политика претерпела ряд перемен на протяжении последних 15 лет за счет многократных изменений и дополнений уголовного закона и процессуальных норм, в том числе за счет влияния международных норм и конвенций. Несмотря на все эти усовершенствования и перемены, сегодняшний подход к уголовным наказаниям в Российской Федерации представляется неадекватным тому, который должен быть»[21].

Хотелось бы отметить, что многие затронутые в данной статье аспекты заслуживают более пристального внимания при доработке действующего уголовно-исполнительного законодательства, определении путей повышения эффективности практического решения проблем исполнения наказаний.

Таким образом, в целях обеспечения дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы с учетом задач, определенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., требуется отражение норм международного права в ведомственной нормативной базе и претворение их в жизнь в деятельности органов и учреждений УИС. В нашей стране, несомненно, существуют все условия для реализации норм международного права.

Полагаем, что следует постепенно приближать деятельность уголовно-исполнительной системы к международно-правовым стандартам, анализировать получаемый при этом опыт, учитывать его при разработке новой правовой базы. Такая работа может идти одновременно в двух направлениях: изучение зарубежного пенитенциарного опыта и внесение изменений в пенитенциарное законодательство. Безусловно, нельзя принимать зарубежный опыт как догму, но одно очевидно: право на существование более гуманной и демократической системы подтверждается практикой ее применения в большинстве европейских стран.

В целом эффективность реформирова-ния уголовно-исполнительной системы России зависит от оперативности рассмотрения и принятия законов и ведомственных нормативных правовых актов. Важно продолжать конструктивный диалог с международными организациями, сохраняя и углубляя курс на открытость пенитенциарного ведомства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Кохман В.Н. Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3–4.

[2] Алферов Ю.А. Международный пенитенциарный опыт и его реализация в своременных условиях. Домодедово, 1993. С. 14.

[3] Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 12. С. 125.

[4] Он же. Право эпохи модерна // Российская газета. 2010. 25 июня.

[5] Российское законодательство: становление и применение: Реферат. сб. М., 1993. С. 52.

[6] См.: Уткин В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. Томск, 2002. Ч. 9. С. 152.

[7] См.: Международная преступность / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1988.

[8] Доклад директора ФСИН России А.А. Реймера на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы (г. Москва, 10 сентября 2009 г.) // Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект / Под общ. ред. А.А. Реймера. М.; Рязань, 2009. С. 13.

[9] Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М., 1991. С. 38.

[1] Sm.: Kohman V.N. Pravovaja infil'tracija norm mezhdunarodnogo prava v ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 3–4.

[2] Alferov Ju.A. Mezhdunarodnyj penitenciarnyj opyt i ego realizacija v svoremennyh uslovijah. Domodedovo, 1993. S. 14.

[3] Zor'kin V.D. Integracija evropejskogo konstitucionnogo prostranstva: vyzovy i otvety // Bjulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. 2006. № 12. S. 125.

[4] On zhe. Pravo jepohi moderna // Rossijskaja gazeta. 2010. 25 ijunja.

[5] Rossijskoe zakonodatel'stvo: stanovlenie i primenenie: Referat. sb. M., 1993. S. 52.

[6] Sm.: Utkin V.A. Mezhdunarodnoe ugolovno-ispolnitel'noe pravo: k koncepcii formirovanija // Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti: Sb. st. Tomsk, 2002. Ch. 9. S. 152.

[7] Sm.: Mezhdunarodnaja prestupnost' / Otv. red. V.N. Kudrjavcev. M., 1988.

[8] Doklad direktora FSIN Rossii A.A. Rejmera na nauchno-prakticheskoj konferencii po voprosam reformirovanija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (g. Moskva, 10 sentjabrja 2009 g.) // Reformirovanie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskij proekt / Pod obw. red. A.A. Rejmera. M.; Rjazan', 2009. S. 13.

[9] Ansel' M. Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava // Ocherki sravnitel'nogo prava. M., 1991. S. 38.

[10] См.: http://www.kremlin.ru/transcripts/3150

[11] Маркелов С.Ю. Европейская сказка в реальности российских колоний // Неволя: Альманах. Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2007. № 11.

[12] Фефелов В.А. Концепция социально-правовой цивилизации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы в России. Рязань, 1993. С. 3.

[13] Европейские пенитенциарные правила. Извлечения // Неволя: Альманах. Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2007. № 11.

[14] См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. // Международная защита прав и основных свобод человека: Сб. междунар. соглашений и рекомендаций. Орел, 1997.

[15] См.: Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» // Российская газета. 2004. 30 дек.

[16] См.: Федеральный закон от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Российская газета. 2009. 30 дек.

[17] Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М., 2004. С. 40.

[18] Калинин Ю.И. Выступление на интернет-конференции «Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в период реформирования уголовно-исполнительной системы» 10 марта 2005 г. // СПС «Гарант».

[19] См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.

[20] См.: Международные соглашения и рекомендации ООН в области защиты прав человека и борьбы с преступностью: Сб. междунар. документов. М., 1989. Вып. 1.

[21] Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10. С. 3–4.

[10] Sm.: http://www.kremlin.ru/transcripts/3150

[11] Markelov S.Ju. Evropejskaja skazka v real'nosti rossijskih kolonij // Nevolja: Al'manah. Prilozhenie k zhurnalu «Indeks/Dos'e na cenzuru». 2007. № 11.

[12] Fefelov V.A. Koncepcija social'no-pravovoj civilizacii uchrezhdenij, ispolnjajuwih nakazanie v vide lishenija svobody v Rossii. Rjazan', 1993. S. 3.

[13] Evropejskie penitenciarnye pravila. Izvlechenija // Nevolja: Al'manah. Prilozhenie k zhurnalu «Indeks/Dos'e na cenzuru». 2007. № 11.

[14] Sm.: Minimal'nye standartnye pravila obrawenija s zakljuchennymi 1955 g. // Mezhdunarodnaja zawita prav i osnovnyh svobod cheloveka: Sb. mezhdunar. soglashenij i rekomendacij. Orel, 1997.

[15] Sm.: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28.12.2004 g. № 177-FZ «O vvedenii v dejstvie polozhenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii o nakazanii v vide objazatel'nyh rabot» // Rossijskaja gazeta. 2004. 30 dek.

[16] Sm.: Federal'nyj zakon ot 27.12.2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s vvedeniem v dejstvie polozhenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii o nakazanii v vide ogranichenija svobody» // Rossijskaja gazeta. 2009. 30 dek.

[17] Dvorjanskov I.V., Sergeeva V.V., Batalin D.E. Primenenie al'ternativnyh vidov nakazanija v Zapadnoj Evrope, SShA i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). M., 2004. S. 40.

[18] Kalinin Ju.I. Vystuplenie na internet-konferencii «Aktual'nye problemy ispolnenija ugolovnyh nakazanij v period reformirovanija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy» 10 marta 2005 g. // SPS «Garant».

[19] Sm.: Vseobwaja deklaracija prav cheloveka (prinjata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON 10.12.1948 g.) // Rossijskaja gazeta. 1998. 10 dek.

[20] Sm.: Mezhdunarodnye soglashenija i rekomendacii OON v oblasti zawity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'ju: Sb. mezhdunar. dokumentov. M., 1989. Vyp. 1.

[21] Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2009. № 10. S. 3–4.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Обжалование судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу и вступивших в законную силу

П.А. КОЛМАКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

И.И. ОБУХОВ – заместитель начальника отдела проверки судебных решений в порядке надзора и обобщения судебной практики Верховного суда Республики Коми, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с обжалованием судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу и вступивших в законную силу. Выявляются проблемы и противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве и практике его применения в части, касающейся такого рода обжалования. Автором формулируются выводы и предложения по преодолению возникающих на практике трудностей.

Ключевые слова: судебное решение; досудебное производство; уголовное дело; суд надзорной инстанции

Appealing against the inured sentences, passed during pre-trial proceedings on a criminal case

P.A. KOLMAKOV – Chief of the Criminal Law and Procedure Chair, Syktyvkar State University, doctor in law, professor, honored lawyer of the Russian Federation;

I.I. OBUHOV – PhD, Deputy Chief of the Controlling Department for judicial decisions check in the order of supervision and compilation of jurisprudence of the Supreme Court of the Komi Republic, senior lecturer at the Criminal Law and Procedure Chair, Syktyvkar State University

The article is devoted to the urgent issues of judicial decisions which were passed during pre-trial proceedings on a criminal case and have taken effect. The authors explore the problems and contradictions present in the penal legislation and its practical application in part of appealing against the inured sentences, passed during pre-trial proceedings on a criminal case. The authors make the conclusions and formulate the proposals to resolve problems and contradictions of this legal practice.

Keywords: judicial decision; pre-trial proceedings; criminal case; supervisory-instance court.

Далеко не все судебные решения могут быть обжалованы в порядке надзора. Это обусловлено рядом ограничений, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, решениях Конституционного суда Российской Федерации и других нормативных источниках.

Наиболее сложным является вопрос о том, какие судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства по уголовному делу, могут быть предметом проверки со стороны суда надзорной инстанции.

По смыслу ч. 1 и 2 ст. 127 УПК РФ на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, вступившие в законную силу, могут быть принесены жалобы и представления в порядке, предусмотренном гл. 48 УПК РФ. Помимо этого существуют специальные нормы, определяющие формы обжалования отдельных судебных решений, принимаемых на досудебной стадии процесса.

Принесение жалоб и представлений на решения суда, принятые в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, установлено в ч. 7 этой же статьи.

В силу ч. 11 ст. 108 УПК РФ постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в кассационном порядке. Решение суда кассационной инстанции может быть обжаловано в порядке надзора по правилам, установленным гл. 48 УПК РФ.

Из этого следует, что решение суда об избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу может быть обжаловано в порядке надзора лишь одновременно с кассационным определением.

В практике Верховного суда Республики Коми отсутствуют случаи, когда участникам уголовного процесса было бы отказано в рассмотрении их надзорных ходатайств по мотиву неиспользования ими права приносить кассационные жалобу или представление[1].

Думается, такой подход, несмотря на противоречие букве закона, в большей степени отвечает целям уголовного судопроизводства и обеспечивает не просто соблюдение прав и законных интересов участников процесса, но также их гарантирование и восстановление в случае нарушения. Буквальное толкование нормы ч. 11 ст. 108 УПК РФ привело бы к ограничению прав участников судопроизводства, которым предоставлено диспозитивное право самостоятельно выбирать форму обжалования и восстановления нарушенных прав.

Таким образом, расширительное толкование названной нормы на практике (как отсутствие зависимости надзорного обжалования решений, принятых по вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе предварительного расследования, от проверки этих решений в кассационном порядке) следует признать правильным.

В целом до передачи уголовного дела в суд первой инстанции любые судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства, могут быть обжалованы и проверены в порядке надзора.

Проблемы надзорного обжалования связаны с теми судебными решениями, принимаемыми в ходе досудебного производства, которые производны от уголовного дела, направленного в суд первой инстанции с обвинительным заключением (обвинительным актом). В чем же состоят эти проблемы?

В постановлении от 23.03.1999 г. Конституционный суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: обжалование и проверка законности и обоснованности действий и решений, имевших место в стадиях досудебного производства, по общему правилу, осуществляется судом после передачи ему материалов уголовного дела с обвинительным заключением. Поэтому осуществление самостоятельной проверки законности и обоснованности этих же действий и решений после рассмотрения уголовного дела означало бы подмену установленного порядка принятия решений по уголовным делам[2].

О сохранении актуальности такого подхода свидетельствует ряд определений Конституционного суда Российской Федерации[3].

Далее со ссылкой на норму ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации о недопустимости какого-либо вмешательства в деятельность судов при отправлении правосудия, в том числе и со стороны вышестоящих судебных инстанций, в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 1 дано следующее разъяснение: «вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства, могут быть пересмотрены в порядке надзора лишь до передачи уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу» [4].

Из этого следует, что по окончании досудебного производства судебные решения, принятые в ходе этого производства, не подлежат пересмотру судом надзорной инстанции.

В той мере, в которой эта позиция исключает рассмотрение надзорных ходатайств на решения судов, вынесенные в ходе предварительного расследования по уголовному делу, по которому постановлен приговор,

она сообразна вышеприведенным решениям Конституционного суда Российской Федерации, принята в научной среде и не оставляет возможности с ней не согласиться.

Тем не менее, с нашей точки зрения, было бы неверным ограждать от надзорного обжалования все судебные решения, принятые в ходе досудебного производства, когда уголовное дело находится в производстве суда первой инстанции.

Профессор Н.А. Колоколов утверждает, что после передачи уголовного дела в суд первой инстанции и до рассмотрения дела по существу судья, в производстве которого находится надзорная жалоба или представление на судебное решение, принятое в рамках досудебного производства по этому делу, обязан проверить, является ли предмет надзорного обжалования предметом контроля, осуществляемого в судебном разбирательстве. Если данные решения не будут проверяться в судебном разбирательстве, то производство по надзорному ходатайству продолжается в обычном порядке. В противном случае оно возвращается заявителю, поскольку предмет надзорного обжалования будет проверен в ходе судебного разбирательства[5].

С такой позицией мы не можем согласиться по ряду причин.

Если считать, что предметом судебного контроля, который проводится судом первой инстанции в ходе судебного разбирательства, является все досудебное производство в полном объеме, тогда никакое судебное решение, принятое в ходе досудебного производства, не может быть самостоятельным предметом надзорного обжалования.

Если считать, что некоторые решения суда, вынесенные в рамках досудебного производства, могут и не быть предметами судебного контроля, проводимого при рассмотрении уголовного дела по существу, то в этом случае не понятен механизм выяснения того, будут или не будут предметами проверки суда первой инстанции те решения, которые оспорены в порядке надзора. Наверняка, ответ на этот вопрос будет зависеть от воли и поведения состязающихся в уголовном процессе сторон. А эти факторы весьма непредсказуемы, потому с уверенностью разрешить поставленный вопрос будет крайне сложно. Но даже если установить, что оспоренные в порядке надзора решения суда, принятые до судебного разбирательства, не будут предметом ревизии при рассмотрении уголовного дела по существу, то какое вообще значение имеет проверка законности и обоснованности решений суда, принятых на досудебном производстве?!

Думается, что после направления уголовного дела в суд первой инстанции возможность проверки в порядке надзора некоторых судебных решений, вынесенных до судебного разбирательства, должна быть обусловлена несколько иными причинами.

В стадии предварительного расследования судом могут быть приняты решения, которые даже после передачи уголовного дела в суд сохраняют свои процессуальные последствия в виде непрерывного ограничения конституционных прав граждан. Таковыми могут быть постановления и определения суда: 1) об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога (когда это решение является основанием для сохранения названной меры пресечения судом первой инстанции); 2) применении мер процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности и наложения ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях.

В целях соблюдения конституционных прав и свобод личности и защиты от их необоснованного ограничения должна быть обеспечена возможность проверки вышеуказанных решений в порядке надзора даже в тех случаях, когда осуществляется судебное производство по уголовному делу.

Профессор Н.А. Колоколов полагает, что проверка законности и обоснованности содержания подсудимых под стражей должна быть отложена до решения вопроса о зачете срока содержания обвиняемого под стражей в срок наказания[6]. Однако, по нашему мнению, такой подход противоречит презумпции невиновности. Ожидание в будущем решения о зачете срока содержания под стражей (как и срока домашнего ареста) в срок наказания подразумевает обвинительный приговор, о котором недопустимо вести речь до разрешения уголовного дела по существу. К тому же вопрос о зачете может быть вовсе не поставлен как в силу прекращения уголовного дела или постановления оправдательного приговора, так и в силу назначения наказания в виде штрафа, применения условной меры наказания и т.д. При таких обстоятельствах восстановление прав и свобод, нарушенных незаконным и (или) необоснованным содержанием под стражей, может оказаться невозможным при разрешении судом уголовного дела.

Поэтому полагаем, что решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога, а также о временном отстранении от должности и наложении ареста на имущество, принятые в ходе досудебного производства, но сохраняющие свое действие в период рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции, могут быть проверены в порядке надзора.

Применительно к остальным решениям, принимаемым судом в досудебных стадиях уголовного процесса, необходимо руководствоваться положением п. 4 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 1. Следовательно, после передачи уголовного дела в суд первой инстанции не могут быть оспорены в порядке надзора решения, которые приняты на основании:

а) ч. 1 ст. 125 УК РФ – по жалобе на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию;

б) п. 3–8 и 11 ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст. 164, ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ – по ходатайству следователя о производстве одного из следственных действий (осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка в учреждениях связи; контроль и запись телефонных и иных переговоров), а также о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;

в) ч. 5 ст. 165 УПК РФ – по уведомлению следователя о законности или незаконности осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, произведенных без получения судебного решения;

г) п. 2 ч. 2 ст. 29, ч. 2–8 ст. 109 УПК РФ – по ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Наряды Верховного суда Республики Коми № 01-15 (переписка суда с организациями, учреждениями и гражданами по поступившим от них запросам и заявлениям). 2005–2009 гг.

[2] См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23.03.1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Борисова В.К., Кехмана Б.А., Монастырецкого В.И., Фуфлыгина Д.И. и ООО “Моноком”» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

[3] См., напр.: Определения Конституционного суда Российской Федерации от 25.10.2005 г. № 381-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергеева О.В. на нарушение его конституционных прав положениями ст. 125 УПК РФ»; от 16.03.2006 г. № 79-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матюшина В.В. на нарушение его конституционных прав ст. 125 и ч. 7 ст. 236 УПК РФ»; от 17.07.2007 г. № 602-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова А.С. на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 2 ст. 38 и ст. 125 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См., напр.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 1 «О применении судами норм гл. 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» // Российская газета. 2007. 20 янв. С. 9.

[5] См.: Колоколов Н.А. Судебные практики станут законом! // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 5.

[6] См.: Там же. С. 6.

[1] Sm.: Narjady Verhovnogo suda Respubliki Komi № 01-15 (perepiska suda s organizacijami, uchrezhdenijami i grazhdanami po postupivshim ot nih zaprosam i zajavlenijam). 2005–2009 gg.

[2] Sm.: Postanovlenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 23.03.1999 g. № 5-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij st. 133, ch. 1 st. 218 i st. 220 UPK RSFSR v svjazi s zhalobami grazhdan Borisova V.K., Kehmana B.A., Monastyreckogo V.I., Fuflygina D.I. i OOO “Monokom”» // SZ RF. 1999. № 14. St. 1749.

[3] Sm., napr.: Opredelenija Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 25.10.2005 g. № 381-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Sergeeva O.V. na narushenie ego konstitucionnyh prav polozhenijami st. 125 UPK RF»; ot 16.03.2006 g. № 79-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Matjushina V.V. na narushenie ego konstitucionnyh prav st. 125 i ch. 7 st. 236 UPK RF»; ot 17.07.2007 g. № 602-O-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Pavlova A.S. na narushenie ego konstitucionnyh prav p. 3 ch. 2 st. 38 i st. 125 UPK RF» // SPS «Konsul’tantPljus».

[4] Sm., napr.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 11.01.2007 g. № 1 «O primenenii sudami norm gl. 48 Ugolovno-processual’nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reglamentirujuwih proizvodstvo v nadzornoj instancii» // Rossijskaja gazeta. 2007. 20 janv. S. 9.

[5] Sm.: Kolokolov N.A. Sudebnye praktiki stanut zakonom! // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2006. № 4. S. 5.

[6] Sm.: Tam zhe. S. 6.

Обеспечение безопасности как функция государственной правоохранительной службы

Р.В. НАГОРНЫХ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена характеристике обеспечения безопасности как функции государственной правоохранительной службы. Автором обосновываются предложения по совершенствованию административного законодательства в части определения сферы полномочий служащих государственной правоохранительной службы в структуре правоохранительной деятельности государства по обеспечению безопасности.

Обеспечение безопасности как функция государственной правоохранительной службы рассматривается в качестве направления деятельности служащих государственной правоохранительной службы по обеспечению безопасности различных объектов правовой охраны прежде всего от угроз криминального и административно-деликтного характера.

Автор приходит к выводу о том, что особое внимание в развитии законодательства о государственной правоохранительной службе должно быть уделено вопросам разграничения полномочий между различными видами государственной службы в реализации государственных функций в области обеспечения безопасности.

Ключевые слова: государственная правоохранительная служба; обеспечение безопасности; функциональные признаки.

Safeguarding as a Function of the State Law Enforcement Service

R.V. NAGORNYKH – the deputy chief in academic process the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of law science, docent

The article is devoted to the characteristic of safeguarding as a function of the state law enforcement service. The author gives reasonable grounds for certain proposals in the development of the administrative legislature particularly in determination of powers for employees of the state law enforcement service in the structure of the state law enforcement safeguarding activity.

Safeguarding as a function of the state law enforcement service is regarded as an activity direction of employees of the state law enforcement service in safeguarding of different legal protection objects primarily against the criminal and administrative - tortious menace.

The author comes to the conclusion that special attention in the development of the legislature concerning the state law enforcement service should be paid to the separation of duties or powers between the different kinds of the state service in performing the state protection functions.

Key words: state law enforcement service; safeguarding or protection; functional features.

Федеральным законом от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации»[1] (далее – Закон «О системе государственной службы») государственная правоохранительная служба определяется как вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина.

Первым в перечне функций государственной правоохранительной службы в ст. 7 данного закона указывается обеспечение безопасности, что вполне закономерно в современных условиях.

Повышенный интерес к проблемам безопасности личности, общества и государства,

обусловленный значительным расширением спектра внешних и внутренних угроз, послужил мощным импульсом к проведению научных исследований в данной области. В настоящее время существует множество определений безопасности применительно к различным отраслевым аспектам функционирования государства и общественных институтов[2].

В теоретическом плане безопасность представляет собой комплексную социально-правовую категорию, понимаемую как состояние определенной защищенности объекта от различного рода угроз. Так, например, Н.Д. Казаков определяет безопасность как «динамически устойчивое состояние по отношению к неблагоприятным воздействиям и деятельности по защите от внутренних и внешних угроз, по обеспечению таких внутренних и внешних условий существования государства, которые гарантируют возможность стабильного всестороннего прогресса общества и его граждан»[3]. В словаре В.И. Даля безопасность рассматривается как отсутствие опасности, сохранность, надежность. Само же понятие «безопасный» раскрывается через слова «неопасный», «не угрожающий», «не могущий причинить зла или вреда»; «безвредный», «сохранный», «верный», «надежный»[4]. В словаре С.И. Ожегова безопасность определяется как положение, при котором не угрожает опасность чему-либо или кому-либо[5]. В общем значении под «безопасностью» понимается полное отсутствие опасности для какого-то явления со стороны кого-либо или чего-либо, то есть такое состояние, когда полностью исключена опасность любого вида; безопасность включает спокойствие, надежность, уверенность и сохранность[6].

Закон Российской Федерации от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности»[7] определял безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В законодательных актах, регламентирующих отраслевые сферы обеспечения безопасности, закреплены прикладные определения безопасности. Так, например, в соответствующих нормативных правовых актах пожарная безопасность рассматривается как состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров[8]; безопасность дорожного движения – как состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий[9]; радиационная безопасность населения – как состояние защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения[10] и т.д.

Вместе с тем в действующем Федеральном законе от 28.12.2010 г. 390-ФЗ «О безопасности»[11] понятие безопасности не дается. Кроме того, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Законе «О системе государственной службы» определение безопасности применительно к содержанию государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере не раскрывается, что также вызывает определенные затруднения в уяснении специфики его использования в рассматриваемом контексте.

Обеспечение безопасности как функцию государственной правоохранительной службы следует рассматривать в качестве направления деятельности служащих государственной правоохранительной службы по обеспечению безопасности различных объектов правовой охраны от угроз криминального и административно-деликтного характера. В числе объектов, подлежащих защите от такого рода угроз, могут рассматриваться как внешние по отношению к государственной правоохранительной службе объекты (интересы личности, общества, государства), так и интересы обеспечения внутренней безопасности самой службы.

Внешняя функциональная среда обеспечения безопасности является достаточно широкой и охватывает значительный круг общественных отношений в различных областях. В этой связи очевидно, что государственная правоохранительная служба является одним из важнейших организационно-правовых средств обеспечения безопасности и призвана решать задачи по защите различных сфер жизнедеятельности личности, общества и государства от реальных и потенциальных угроз криминального и административно-деликтного характера.

Вместе с тем в настоящее время круг общественных отношений в области обеспечения безопасности применительно к государственной правоохранительной службе на законодательном уровне не определен. Решение этой проблемы может быть осуществлено исходя из анализа угроз, предотвращение которых в соответствии с действующим законодательством отнесено к компетенции правоохранительных органов.

В самом общем плане в перечень объектов правовой защиты, обеспечиваемой государственной правоохранительной службой, следует включить общественные отношения, закрепленные нормами Конституции Российской Федерации и федеральными конституционными законами в области прав и свобод человека, а именно права на жизнь, свободу, достоинство личности, неприкосновенность жилища, свободу совести и свободу мысли, свободу передвижения и выбора места жительства, судебную защиту, собственность, участие в управлении делами государства и равный доступ к государственной службе, участие в отправлении правосудия, обращений и др.[12]

Отдельно следует назвать и отраслевые направления обеспечения безопасности, которые относятся к компетенции полиции, то есть системе государственных органов по обеспечению общественного порядка, общественной безопасности, противодействия преступности. К числу наиболее распространенных функций полицейских органов относятся профилактика и раскрытие преступлений и других правонарушений, охрана различных объектов, поддержание порядка в общественных местах, регулирование дорожного движения, осуществление административного контроля и надзора в различных сферах деятельности, исполнение решений других государственных органов и т.д.[13]

Рассматривая обеспечение безопасности как одну из функций правоохранительной деятельности, необходимо иметь в виду, что безопасность может обеспечиваться и другими видами государственной службы – военной и гражданской. В этой связи важным представляется определение критериев отграничения пределов обеспечения безопасности каждого из видов государственной службы.

Применительно к государственной правоохранительной службе речь должна идти, прежде всего, о сегменте безопасности, обеспечиваемом правоохранительными органами, выполняющими полицейские, но не военные функции. Несмотря на то, что в настоящее время функциональное разграничение различных видов государственной службы на законодательном уровне не урегулировано окончательно, определенные предпосылки для этого существуют. Так, например, в ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[14] основное назначение полиции определяется как защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности.

Реализация данных положений подразумевает, прежде всего, деятельность по устранению (минимизации) реальных и потенциальных угроз охраняемым законом интересам личности, общества и государства, то есть, по сути, обеспечение безопасности в данной сфере. При этом механическое отнесение государственной правоохранительной службы только к внутригосударственной сфере обеспечения безопасности и, соответственно, отнесение военной службы к сфере обеспечения внешней безопасности вряд ли правомерно, поскольку сами характеристики угроз безопасности подчас не имеют отчетливого деления на внешние и внутренние. Особенно ярко это проявляется в случаях возникновения террористических угроз, которые зачастую имеют как внутригосударственные, так и внешнегосударственные признаки. Активизация террористического подполья в Дагестане и Москве является наглядным тому подтверждением.

В случае необходимости незамедлительного принятия мер по предотвращению террористической угрозы, ликвидации последствий террористических актов и т.п. служащие государственной правоохранительной службы обладают широкими полномочиями в области применения мер административно-правового принуждения, в том числе применения и использования физической силы, специальных средств и оружия. При этом в соответствии с действующим законодательством сотрудники правоохранительных органов в пределах установленной компетенции обязаны принять исчерпывающие меры по обеспечению законных интересов личности, общества и государства.

Таким образом, обеспечение безопасности является важнейшей функцией государственной правоохранительной службы, что обусловливает необходимость включения соответствующих дефиниций в предлагаемый к принятию федеральный закон «О правоохранительной службе Российской Федерации», уточняющих сферу обеспечения безопасности сотрудниками государственной правоохранительной службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

[2] См., напр.: Богданов И.Я., Калинин А.П., Родионов Ю.Н. Экономическая безопасность России: цифры и факты. М., 1999; Дрейшев Б.В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11–19; Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: Теоретико-правовой анализ: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999; Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Прудников А.С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; Тер-Акопов А.А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (Основы концепции) // Государство и право. 2001. № 9. С. 11–18; Туманов Г.А., Фризко В.И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 19–36; Федералов П.А. Общественная опасность преступного деяния // Там же. 1977. № 5. С. 23–32 и др.

[3] Казаков Н.Д. Безопасность и синергетика (опыт философского осмысления). М., 1994. С. 62–63.

[4] См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 67–68.

[5] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 38.

[6] См.: Дихтиевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 30.

[7] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

[8] См.: Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 19.07.2009) «О пожарной безопасности» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

[9] См.: Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 30.12.2008) «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

[10] См.: Федеральный закон от 09.01.1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 23.07.2008) «О радиационной безопасности населения» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

[11] См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[12] См., напр.: Глущенко П.П. Конституционные права и свободы граждан в Российской Федерации: теоретические и организационно-практические вопросы социально-правовой защиты: Автореф. дис. ... д- ра юрид. наук. СПб., 1998. С. 12–14.

[13] См., напр.: Астапенко П.Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 8, 9; Быков А.А. Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 14–16.

[14] См.: Российская газета. 2011. № 25.

[1] Sm.: SZ RF. 2003. № 22. St. 2063.

[2] Sm., napr.: Bogdanov I.Ja., Kalinin A.P., Rodionov Ju.N. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: cifry i fakty. M., 1999; Drejshev B.V. Pravovaja bezopasnost' i problemy ee obespechenija // Pravovedenie. 1998. № 2. S. 11–19; Kalamanov V.A. Nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii i mezhnacional'nye konflikty: Teoretiko-pravovoj analiz: Dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 1999; Pleshakov V.A. Kriminologicheskaja bezopasnost' i ee obespechenie v sfere vzaimovlijanija organizovannoj prestupnosti i prestupnosti nesovershennoletnih: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1998; Prudnikov A.S. Bezopasnost' lichnosti i ee obespechenie organami vnutrennih del (teoretiko-pravovoe issledovanie): Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1999; Ter-Akopov A.A. Juridicheskaja bezopasnost' cheloveka v Rossijskoj Federacii (Osnovy koncepcii) // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 9. S. 11–18; Tumanov G.A., Frizko V.I. Obwestvennaja bezopasnost' i ee obespechenie v jekstremal'nyh uslovijah // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1989. № 8. S. 19–36; Federalov P.A. Obwestvennaja opasnost' prestupnogo dejanija // Tam zhe. 1977. № 5. S. 23–32 i dr.

[3] Kazakov N.D. Bezopasnost' i sinergetika (opyt filosofskogo osmyslenija). M., 1994. S. 62–63.

[4] Sm.: Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M., 1978. T. 1. S. 67–68.

[5] Sm.: Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1984. S. 38.

[6] Sm.: Dihtievskij P.V. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie v mehanizme obespechenija lichnoj bezopasnosti: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2004. S. 30.

[7] Sm.: Vedomosti SND i VS RF. 1992. № 15. St. 769.

[8] Sm.: Federal'nyj zakon ot 21.12.1994 g. № 69-FZ (red. ot 19.07.2009) «O pozharnoj bezopasnosti» // SZ RF. 1994. № 35. St. 3649.

[9] Sm.: Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 g. № 196-FZ (red. ot 30.12.2008) «O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija» // SZ RF. 1995. № 50. St. 4873.

[10] Sm.: Federal'nyj zakon ot 09.01.1996 g. № 3-FZ (red. ot 23.07.2008) «O radiacionnoj bezopasnosti naselenija» // SZ RF. 1996. № 3. St. 141.

[11] Sm.: SZ RF. 2011. № 1. St. 2.

[12] Sm., napr.: Gluwenko P.P. Konstitucionnye prava i svobody grazhdan v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie i organizacionno-prakticheskie voprosy social'no-pravovoj zawity: Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. SPb., 1998. S. 12–14.

[13] Sm., napr.: Astapenko P.N. Konstitucionno-pravovye osnovy dejatel'nosti policii (milicii) stran Evropejskogo Sojuza i Rossijskoj Federacii (sravnitel'no-pravovoj analiz): Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2009. S. 8, 9; Bykov A.A. Teoreticheskie i prikladnye problemy funkcionirovanija nacional'nyh policejskih sistem: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008. S. 14–16.

[14] Sm.: Rossijskaja gazeta. 2011. № 25.

Экспертиза как доказательство состояния опьянения

С.А. ФОКИН – начальник оперативно-поискового бюро ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, соискатель кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

Статья посвящена одному из процессуальных аспектов освидетельствования водителей на состояние опьянения, а именно участию в процессе эксперта. Рассмотрены понятие и проблемы проведения экспертизы освидетельствования на состояние опьянения.

Ключевые слова: медицинская экспертиза; освидетельствование; доказательства; состояние опьянения.

Examination as the evidence of intoxication

S.A. FOKIN – Chief of the Operational Search Bureau of the Central Internal Affairs Directorate in St. Petersburg and the Leningrad region, applicant of the Administrative Law Chair St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the one of the procedural aspects of the intoxication survey of drivers, namely, the expert's participation in the process. The author considers the concept and the problems of conduction the intoxication examination.

Key words: medical examination; survey; evidence; intoxication.

В соответствии со ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются в том числе и на основании заключения эксперта.

Доказательства должны отвечать следующим признакам:

– содержать фактические данные, а не оценочное суждение или мнение о действиях лиц, событиях и т.д.;

– относиться к конкретному дисциплинарному проступку (административному правонарушению), то есть подтверждать или опровергать определенное обстоятельство, подлежащее доказыванию;

– способы получения и формы закрепления доказательства должны соответствовать виду доказательства и источнику фактических данных. Так, например, «далеко не во всех странах показания приборов, используемых полицией, признаются судами в качестве доказательства состояния опьянения. Однако во многих государствах (Австрии, Великобритании, Италии, Нидерландах, Польше, Финляндии, Франции, Швеции и др.) такие показания имеют значение доказательств, естественно, при условии технической исправности приборов, их периодической метрологической поверке, а также наличии у производящих анализы полицейских соответствующих знаний и навыков»[1].

Фактические данные, указанные в акте освидетельствования на состояние алкогольного опьянения или в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения по источнику их получения являются персональными доказательствами, поскольку носят субъективный характер, предварительно воспринимаются сознанием человека, а полученная информация предварительно перерабатывается (например, показания свидетеля). Показания свидетеля в данном случае – это сообщение лицом известных ему сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению при разбирательстве по факту употребления алкогольной или спиртосодержащей продукции, наркотических или психотропных веществ вопреки требо-

ваниям действующего законодательства. Свидетель может давать объяснения только по тем обстоятельствам, свидетелем которых он был лично. Предположения, догадки по поводу тех или иных обстоятельств дела, возможного развития событий и т.п. доказательствами не являются.

В зависимости от способа формирования фактические данные, указанные выше, являются первоначальными доказательствами. Они получены из первоисточника (например, показания технических средств измерения). Даже если по результатам освидетельствования на состояние алкогольного опьянения водитель транспортного средства был направлен на медицинское освидетельствование, данные в акте медицинского освидетельствования следует считать первоначальными доказательствами, так как состояние опьянения может быть не подтверждено.

По характеру связи между доказательствами и фактом, подлежащим установлению, фактические данные, указанные в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения, являются прямыми, то есть однозначно подтверждают или опровергают существование любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это доказательство безальтернативно, его толкование однозначно.

В актах освидетельствования на состояние опьянения могут отражаться и косвенные доказательства – устанавливающие промежуточные факты, с помощью которых может быть выяснено обстоятельство, имеющее непосредственное отношение к предмету доказывания (например, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица).

В качестве специальных доказательств в вопросах освидетельствования на состояние опьянения можно рассматривать предусмотренные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях фотосъемку и видеозапись[2]. В этой связи полагаем, что назрела необходимость закрепления в ведомственных нормативных актах МВД, МЧС и ФСНК России инструкций о порядке применения фотосъемки и видеозаписи при производстве по делам об административных правонарушениях, в частности детально регламентирующих, в каких ситуациях реализация этих действий наиболее целесообразна, а также какие способы и приемы осуществления указанных операций особенно эффективны.

Принципиально важным является то, что установление состояния любого вида опьянения может нуждаться в применении самостоятельного исследования на основе специальных медицинских знаний. Так, в наркологии существует достаточно сложная методика выявления опьянения, в том числе с отбором образцов для исследования и использованием специальных приборов. С помощью процессуального освидетельствования можно установить лишь некоторые признаки опьянения (запах алкоголя, следы от инъекций и т.п.), но сделать достоверный вывод о факте опьянения, его виде и степени, не допуская при этом подмены экспертизы, порой довольно трудно. В таких случаях участие врача-нарколога в процессуальном освидетельствовании не может заменить экспертизу, а является лишь подготовительным действием к ее проведению. Вместе с тем освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, не требующее самостоятельных исследований, может иметь значение, например, для подкрепления оценки фактических данных, полученных с использованием технических средств измерения.

Можно констатировать, что сегодня экспертиза как инструмент поддержки управленческих, правовых и иных решений нашла широкое применение во многих сферах человеческой деятельности. Однако эта тенденция имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Отсутствие общей концепции института медицинской экспертизы по делам, связанным с употреблением алкогольной или спиртосодержащей продукции, наркотических или психотропных веществ, вопреки требованиям действующего законодательства и стихийность нормотворчества в этой области привели к тому, что накоплен значительный правовой материал при отсутствии единых законодательно закрепленных задач, функций и принципов экспертной деятельности.

Идея медицинской экспертизы на состояние опьянения не является оригинальной[3]. Проблемы использования специальных знаний и осуществление доказывания, безусловно, имеют общую природу для всех видов правонарушений вне зависимости от особенностей соответствующей процессуальной деятельности, хотя ранее в отечественной литературе рассматривались в основном вопросы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. В настоящее время в связи с развитием административной юрисдикции роль специальных знаний существенно возрастает и в производстве по делам об административ-

ных правонарушениях. Специальные знания и навыки используются для установления факта административного правонарушения, при составлении протокола об административном правонарушении, осуществлении мер обеспечения производства по делу, для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств, исследования оценки и использования последних.

Однако сегодня нормативные акты изобилуют противоречиями, неоднозначной трактовкой понятия экспертизы, ее задач и принципов, искажением сущности экспертизы как процессуального правового института, смешением его функций с контрольными и управленческими процедурами.

Главным признаком юридической природы правовой экспертизы является ее нормативно-правовое регулирование. Приходится констатировать, что процессуальный статус медицинского работника, производящего медицинское освидетельствование, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и других нормативных правовых актах, предусматривающих медицинское освидетельствование на состояние опьянения, не определен. Это не может быть эксперт, поскольку производство медицинского освидетельствования не входит в его права и обязанности (ст. 25.9). Эксперт решает вопросы, содержащиеся в определении, а не в протоколе. Специалист также не уполномочен осуществлять медицинское освидетельствование, поскольку в его обязанности входит участие в проведении действий, требующих специальных знаний, в целях обнаружения, закрепления и изъятия доказательств (ст. 25.8.)[4]. Из этого следует, что для медицинского работника не предусмотрена и юридическая ответственность в том случае, если им вынесено заведомо ложное заключение по итогам освидетельствования.

Казалось бы, проблему можно решить путем введения в гл. 26 КоАП РФ новой статьи, предусматривающей ответственность для медицинских работников при вынесении ими заведомо ложного заключения по результатам медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Однако анализ отраслевого законодательства позволяет заметить, что медицинское освидетельствование на состояние опьянения есть смысл рассматривать как межотраслевой институт права, который представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих особый вид общественных отношений – деятельность по назначению, организации и производству экспертизы (медицинской экспертизы).

Любая правовая экспертиза включает в себя следующие обязательные компоненты:

1) специальный – необходимость применения специальных знаний (в рамках юридической деятельности) в форме экспертного исследования;

2) правовой – наличие процессуальной формы;

3) целевой – получение новой юридически значимой информации по рассматриваемому вопросу (по делу) в форме заключения эксперта[5].

Признаком юридической природы правовой экспертизы является также применение специальных познаний в ситуации реального или потенциального конфликтов (несовпадения, конкуренции), охраняемых правом интересов участников правовой деятельности или интересов третьих лиц, затрагиваемых этой деятельностью, в которой возникла необходимость применения специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле для принятия наиболее правильного решения[6].

Проецирование известных нам признаков медицинского освидетельствования на состояние опьянения на общие признаки правовой экспертизы позволяет выделить и оценить признаки медицинской экспертизы на состояние опьянения.

Во-первых, данный вид экспертизы – это межотраслевой институт права (проводится независимо от того, связано правонарушение с фактом управления транспортным средством или нет).

Во-вторых, как институт права эта экспертиза существует только в сфере правового регулирования при решении конфликтных правовых и управленческих ситуаций.

В-третьих, ее целью является установление юридически значимых фактов (наличие или отсутствие состояния опьянения).

В-четвертых, экспертиза носит процессуальный характер, то есть проводится по поручению компетентного должностного лица (назначение и производство экспертизы осуществляется в соответствии с установленной нормами права процедурой).

В-пятых, результатом экспертного исследования является официальный документ – экспертное заключение, которое имеет установленную правовыми актами форму.

В-шестых, экспертное заключение служит основанием принятия конкретного решения в сфере юридической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дмитриев С.Н. Дорожно-патрульная служба: Пособие для сотрудников ГИБДД. М., 2000. С. 97.

[2] Часть 5 ст. 27.7, ч. 4 ст. 27.9, ч. 4 ст. 27.10 КоАП РФ в качестве допустимого способа фиксации доказательств допускают применение фотосъемки или видеозаписи «в необходимых случаях».

[3] См.: Временная инструкция о порядке направления судоводителей и иных лиц на экспертизу алкогольного опьянения и проведения первичного освидетельствования (утв. Минздравом СССР 26.12.1985 № 06-14/35, Минжилкомхозом РСФСР 27.12.1985 № 30-8/589).

[4] См.: Кузякин Ю.П., Россинская Е.Р. Проблемы совершенствования правового регулирования производства судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2005. № 10.

[5] См.: Мохов А.А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 9. С. 36.

[6] См.: Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 674–675.

[1] Dmitriev S.N. Dorozhno-patrul'naja sluzhba: Posobie dlja sotrudnikov GIBDD. M., 2000. S. 97.

[2] Chast' 5 st. 27.7, ch. 4 st. 27.9, ch. 4 st. 27.10 KoAP RF v kachestve dopustimogo sposoba fiksacii dokazatel'stv dopuskajut primenenie fotos#emki ili videozapisi «v neobhodimyh sluchajah».

[3] Sm.: Vremennaja instrukcija o porjadke napravlenija sudovoditelej i inyh lic na jekspertizu alkogol'nogo op'janenija i provedenija pervichnogo osvidetel'stvovanija (utv. Minzdravom SSSR 26.12.1985 № 06-14/35, Minzhilkomhozom RSFSR 27.12.1985 № 30-8/589).

[4] Sm.: Kuzjakin Ju.P., Rossinskaja E.R. Problemy sovershenstvovanija pravovogo regulirovanija proizvodstva sudebnyh jekspertiz po delam ob administrativnyh pravonarushenijah // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 10.

[5] Sm.: Mohov A.A. Specifika jekspertnogo zakljuchenija kak sudebnogo dokazatel'stva // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2003. № 9. S. 36.

[6] Sm.: Koldin V.Ja. Jekspertiza kak instrument prava // Problemy juridicheskoj tehniki: Sb. st. / Pod red. V.M. Baranova. N. Novgorod, 2000. S. 674–675.

Особенности содержания и правового регулирования функциональных процедур в деятельности органов внутренних дел

В.Г. МЕРКУЛОВ – начальник Северо-Западного управления материально-технического снабжения МВД России, соискатель кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

В статье рассмотрены понятие и содержание функциональных процедур ОВД как составной части административных процедур в целом. Отмечены проблемы подготовки и внедрения в практику функциональных процедур.

Ключевые слова: административные процедуры; административные регламенты; органы внутренних дел; административная реформа.

The peculiarities of the content and law regulation of functional procedures in the internal affairs activity

V.G. MERKULOV – the chief of the North-West Department of material and technical supply in the Russian Ministry of Internal Affairs, an applicant at the chair of Administrative Law in the St-Petersburg university of the Internal Affairs Ministry

The article deals with the term and contents of the Internal Affairs Department's functional procedures as a component of administrative procedures as a whole. The problems of functional procedures preparing and implementation into practice are pointed out.

Key words: administrative procedures; administrative regulations; bodies of internal affairs; administrative reforms.

Согласно одной из классификаций административных процедур, приводимых в современных исследованиях, выделяются функциональные процедуры, осуществляемые в отношении субъектов административного права, не находящихся в иерархической подчиненности от исполнителя административных процедур[1]. Посредством функциональных процедур реализуются государственно-властные полномочия

федеральных органов исполнительной власти в закрепленных за ними сферах деятельности. Следует отметить, что в функциональных процедурах наиболее ярко проявляется специфика деятельности того или иного органа государственного управления.

Функциональные процедуры, осуществляемые органами внутренних дел, также характеризуются определенной спецификой. В целях совершенствования правового регулирования деятельности органов внутренних дел необходим научный анализ особенностей данных функциональных процедур.

Отличительной чертой функциональных процедур в органах внутренних дел является то, что они включают деятельность органов внутренних дел по исполнению государственных функций и предоставлению государственных услуг в сфере внутренних дел. Посредством функциональных процедур решаются те социальные задачи, которые возложены на систему органов внутренних дел в целом. К ним относятся обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных законом[2].

В контексте рассмотрения функциональных процедур в органах внутренних дел заслуживает внимания проблема оптимального соотношения функций внешнего и внутреннего управления. Необходимо отметить, что в деятельности центрального аппарата МВД и его территориальных органов накопилось немало дублирующих функций, увеличился объем непродуктивной управленческой работы, существенно возрос документооборот, получили распространение другие негативные явления. Все это свидетельствует о непропорциональных затратах, связанных с осуществлением функций органами внутренних дел. Кроме того, если обратиться к действующему законодательству, то можно также обнаружить определенный дисбаланс.

Так, например, в положении об МВД России определены 45 функций, 24 из них – это функции внутреннего управления[3]. Во многом схожая ситуация обнаруживается при анализе положений о ГУВД, УВД в субъектах Российской Федерации[4], где приводится детализированный, практически исчерпывающий перечень функций, однако функции внешнего и внутреннего управления смешаны и четко не систематизированы. Таким образом, в нормативных документах существует возможность свободного толкования функций. Результатом этого является также недостаточно четкое разделение функций между различными уровнями системы, отсутствие ясного представления о содержании функций и способах их осуществления[5].

Для правового регулирования функциональных процедур в органах внутренних дел необходимо закрепление понятия «функции органов внутренних дел», четкое разграничение функций внешнего и внутреннего управления.

По сравнению с функциональными процедурами в других органах государственного управления (в области экономики и социально-культурного строительства) функциональные процедуры в органах внутренних дел по своим целям и содержанию представляют собой в основном правоохранительную деятельность. Эта особенность обусловливается наличием у органов внутренних дел большого круга полномочий, непосредственно направленных на охрану общественного порядка, укрепление законности, обеспечение охраны интересов государства и законных прав граждан от различного рода преступных и иных антиобщественных посягательств.

Существует тесная взаимосвязь функциональных процедур, осуществляемых органами внутренних дел, с оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной их деятельностью. Эта взаимосвязь выражается не только в сочетании административно-правовых, уголовно-правовых и оперативно-розыскных мер борьбы с правонарушениями, но и в том, что организация оперативно-розыскных мероприятий, дознания и предварительного расследования осуществляется в административно-правовых формах.

В отличие от органов государственного управления в экономике и социально-культурной сфере, деятельность которых может быть четко разделена на внутриорганизационную и предметную, внутриорганизационная работа и внешняя деятельность органов внутренних дел взаимосвязаны. Поэтому функциональные и организационные процедуры здесь также находятся в тесной связи.

На основе анализа выявленных особенностей функциональных процедур в органах внутренних дел необходимо сформулировать основные положения, касающиеся их правового регулирования.

Функциональные процедуры в органах внутренних дел регулируются федеральными законами. Они занимают центральное место среди правовых источников функциональных процедур. Федеральными законами устанавливаются права граждан и организаций на предоставление им со стороны органов внутренних дел определенных государственных услуг. В частности, федеральным законом «Об оружии» закреплено право граждан на приобретение оружия[6], федеральным законом о лицензировании отдельных видов деятельности регулируется порядок предоставления органами внутренних дел государственной услуги по выдаче лицензии, необходимой для реализации данного права[7]. Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» закрепил соответствующие права граждан, а контроль за соблюдением ими правил регистрации возложил на органы внутренних дел[8].

В ряде федеральных законов закреплены полномочия органов внутренних дел по осуществлению контрольно-надзорной деятельности. Часто эта деятельность связана с ограничением прав физических и юридических лиц и подлежит законодательному регулированию. Так, например, в ст. 36 ч. II Налогового кодекса Российской Федерации закреплены полномочия органов внутренних дел по контролю за соблюдением налогового законодательства гражданами и организациями, законом «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» закреплены полномочия органов внутренних дел по осуществлению контроля за данными видами деятельности на территории Российской Федерации[9].

Таким образом, в законах в основном закреплены права граждан и организаций на государственные услуги со стороны органов внутренних дел, а также контрольно-надзорные полномочия органов внутренних дел.

Второй блок правовых актов, регламентирующих функциональные процедуры в органах внутренних дел, составляют подзаконные правовые акты. К ним относятся указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, а также ведомственные правовые акты. Особого внимания заслуживают ведомственные правовые акты, поскольку именно к ним относятся административные регламенты, получившие в настоящее время широкое применение в практике правового регулирования функциональных процедур в органах внутренних дел.

Правовые основы нормотворческой деятельности Министерства внутренних дел определены положением о нем, а также Постановлением Правительства Российской Федерации № 1009 от 1997 г.[10] Согласно данному постановлению нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются на основе и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции. Нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Следует отметить, что в тексте рассматриваемого документа административные регламенты не упоминаются, несмотря на то что они достаточно активно внедряются в правоприменительную деятельность федеральных органов исполнительной власти. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации № 1009 от 1997 г., в частности дополнить п. 2 следующим положением: «Нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций, положений, регламентов».

Нормативные акты МВД России характеризуются в высшей степени подвижным характером. Они являются локальными актами, адресованными, как правило, определенным группам работников органов внутренних дел для оперативного реагирования на повседневные запросы практики борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Однако применительно к функциональным процедурам действие ведомственных правовых актов органов внутренних дел распространяется на других участников общественных отношений.

Административные регламенты относятся к ведомственным правовым актам. При этом в настоящее время они уже заняли свою нишу в проанализированной иерархии нормативных правовых актов, которая заключается в определении содержания и регулирования порядка исполнения административных процедур в органах внутренних дел.

Особенностью административных регламентов, закрепляющих функциональные процедуры в органах внутренних дел, является то, что они ориентированы не только на применение самими сотрудниками органов внутренних дел (как основная масса ведомственных правовых актов), но и гражданами и организациями. Согласно задачам, поставленным Концепцией административной реформы, административный регламент исполнения государственной функции или предоставления государственной услуги должен содержать информацию, необходимую и достаточную как для получения государственной услуги гражданином или организацией, так и для исполнения государственной функции или предоставления государственной услуги должностными лицами федерального органа исполнительной власти[11].

Следует отметить, что на сегодняшний день отсутствует закрепление в законе понятия административных процедур, их системы, основных принципов, а также требований к административным регламентам, их устанавливающим. В настоящее время форма административного регламента не обладает необходимой легитимностью и нормативностью, не имеет унифицированной формы, не введена в федеральные законы, регулирующие сферы государственного управления[12]. Названные проблемы могут быть решены в рамках федерального закона «Об административных процедурах», который распространял бы свое действие на все органы исполнительной власти, устанавливал механизмы реализации ими административных процедур и режим ответственности за их нарушение. В названном законе необходимо также закрепить требования к административным регламентам, указать их функции в системе законодательства.

Таким образом, особенности функциональных процедур в органах внутренних дел обусловлены спецификой государственного управления в сфере внутренних дел, которое связано с решением правоохранительных задач. Отличительной чертой функциональных процедур в органах внутренних дел является то, что по своим целям и содержанию они представляют собой в основном правоохранительную деятельность. В данных процедурах зачастую сочетаются административно-правовые, уголовно-правовые и оперативно-розыскные меры борьбы с правонарушениями. Кроме того, функциональные процедуры в органах внутренних дел тесно связаны с организационными процедурами. Специфика правового регулирования функциональных процедур в органах внутренних дел заключается в том, что они закрепляются в административных регламентах, которые являются ведомственными нормативными правовыми актами, обладающими приоритетом по юридической силе среди других ведомственных актов, устанавливающих функциональные процедуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Силайчев М.В. Правовая теория и практика административной процедуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[2] См.: Закон Российской Федерации от 18.04.1991 г. № 1026-1 «О милиции» (ред. от 26.12.2008, с изм. от 15.07.2009) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16.Ст. 503.

[3] См.: Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2004 г. № 927 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 28.02.2009) // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3149.

[4] См., напр.: Приказ МВД России от 25.10.2006 г. № 846 «Об утверждении Типового положения о Министерстве внутренних дел, главном управлении, управлении внутренних дел по субъекту Российской Федерации» (ред. от 08.06.2009) // Российская газета. 2006. 30 нояб. № 269; Приказ МВД России от 20.12.2006 г. № 1045 «Об утверждении Положения о Главном управлении внутренних дел по городу Москве» (документ опубликован не был).

[1] Sm.: Silajchev M.V. Pravovaja teorija i praktika administrativnoj procedury: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. S. 9.

[2] Sm.: Zakon Rossijskoj Federacii ot 18.04.1991 g. № 1026-1 «O milicii» (red. ot 26.12.2008, s izm. ot 15.07.2009) // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 16. St. 503.

[3] Sm.: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.07.2004 g. № 927 «Voprosy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» (red. ot 28.02.2009) // SZ RF. 2004. № 30. St. 3149.

[4] Sm., napr.: Prikaz MVD Rossii ot 25.10.2006 g. № 846 «Ob utverzhdenii Tipovogo polozhenija o Ministerstve vnutrennih del, glavnom upravlenii, upravlenii vnutrennih del po sub#ektu Rossijskoj Federacii» (red. ot 08.06.2009) // Rossijskaja gazeta. 2006. 30 nojab. № 269; Prikaz MVD Rossii ot 20.12.2006 g. № 1045 «Ob utverzhdenii Polozhenija o Glavnom upravlenii vnutrennih del po gorodu Moskve» // (dokument opublikovan ne byl).

[5] См.: Максимова Л.О. Целеполагание в управлении органами внутренних дел: Теоретический и организационно-правовой аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 167.

[6] См.: Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 09.02.2009, с изм. от 24.07.2009) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[7] См.: Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 30.12.2008, с изм. от 18.07.2009) // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3430.

[8] См.: Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 18.07.2006, с изм. от 25.12.2008) // Российская газета. 1993. 10 авг. № 152.

[9] См.: Закон РФ от 11 .03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.12.2008) // Российская газета. 1992. 30 апр.

[10] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (ред. от 17.03.2009) // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

[11] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.» (ред. от 10.03.2009) // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.

[12] См.: Брижанин В.В. Административные регламенты органов государственного управления в аспекте административной реформы в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 8.

[5] Sm.: Maksimova L.O. Celepolaganie v upravlenii organami vnutrennih del: Teoreticheskij i organizacionno-pravovoj aspekty: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. S. 167.

[6] Sm.: Federal'nyj zakon ot 13.12.1996 g. № 150-FZ «Ob oruzhii» (red. ot 09.02.2009, s izm. ot 24.07.2009) // SZ RF. 1996. № 51. St. 5681.

[7] Sm.: Federal'nyj zakon ot 08.08.2001 g. № 128-FZ «O licenzirovanii otdel'nyh vidov dejatel'nosti» (red. ot 30.12.2008, s izm. ot 18.07.2009) // SZ RF. 2001. № 33 (Ch. I). St. 3430.

[8] Sm.: Zakon RF ot 25.06.1993 g. № 5242-1 «O prave grazhdan Rossijskoj Federacii na svobodu peredvizhenija, vybor mesta prebyvanija i zhitel'stva v predelah Rossijskoj Federacii» (red. ot 18.07.2006, s izm. ot 25.12.2008) // Rossijskaja gazeta. 1993. 10 avg. № 152.

[9] Sm.: Zakon RF ot 11 .03.1992 g. № 2487-1 «O chastnoj detektivnoj i ohrannoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii» (red. ot 22.12.2008) // Rossijskaja gazeta. 1992. 30 apr.

[10] Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13.08.1997 g. № 1009 «Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj registracii» (red. ot 17.03.2009) // SZ RF. 1997. № 33. St. 3895.

[11] Sm.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.10.2005 g. № 1789-r «O Koncepcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006–2010 gg.» (red. ot 10.03.2009) // SZ RF. 2005. № 46. St. 4720.

[12] Sm.: Brizhanin V.V. Administrativnye reglamenty organov gosudarstvennogo upravlenija v aspekte administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2008. S. 8.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Основные направления формирования гражданского самосознания личности в условиях современного вуза

И.В. ФОКИНА – доцент кафедры общей и педагогической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук

В статье рассматривается проблема формирования гражданского самосознания личности студентов в условиях вузовского обучения. Автором выделяется несколько направлений формирования гражданского самосознания: организация учебной деятельности студентов; повышение социальной активности студентов; организация психологического сопровождения воспитательного процесса в вузе, психологического сопровождения студентов и педагогического коллектива.

Ключевые слова: гражданское самосознание; гражданственность; гражданское образование; воспитание гражданского самосознания.

The Main Trends of Forming Personality Civil Self-Consciousness at Modern Higher School

I.V. FOKINA – reader ob the chair of general and pedagogical psychology Vologda State Pedagogical University, candidate of psychological science

The article deals with the problem of forming civil self-consciousness of students personality under the conditions of higher school education. The author distinguishes several trends of forming civil self-consciousness: the organization of students educational work, the raising of students social activity, the organization of psychological accompaniment of educative process at higher school, psychological accompaniment of the students and the pedagogical collective body.

Key words: civil self-consciousness; civility; civil education; upbringing of civil self-consciousness.

Рост числа проявлений противоправного поведения со стороны учащейся молодежи является одной из заметных тенденций в условиях современного российского общества, характеризующегося социальным расслоением, обострением межнациональных конфликтов, высоким уровнем преступности, внедрением в массовое сознание идеологии культа силы и насилия.

Как известно, система государственного противодействия преступности включает в себя два основных аспекта: установление уголовно-правового запрета и предупреждение противоправного поведения. Предупреждение противоправного поведения учащейся молодежи является комплексной социальной проблемой, успешное решение которой зависит от совместных действий всех заинтересованных государственных и общественных организаций. На наш взгляд, ведущая роль в предупреждении противоправного поведения студентов принадлежит современному вузу, призванному действовать в данном направлении посредством формирования гражданского самосознания личности. Человек с высоким гражданским самосознанием отличается гармоничным сочетанием патриотических, национальных и интернациональных чувств; уважением и доверием к другим гражданам, государственной власти, обще-

ственным нормам; чувством любви к родине; потребностью в труде на благо общества, дисциплинированностью, а следовательно, не склонен к правонарушениям.

Личность обретает гражданский облик с раннего возраста на основе опыта, полученного в семье, школе, социальной среде, но особенно серьезные изменения гражданского самосознания происходят в студенческие годы, поскольку именно в этот период осуществляется мощная социализация, определяются идеалы и ценности, формируются планы на будущее, идет осознанное становление личности.

В условиях демократизации общественной жизни разработка концепции гражданского образования молодежи стала как никогда необходимой. Однако формированию гражданского самосознания студентов в теории и практике педагогической деятельности уделяется сегодня недостаточно внимания (например, в трудах В.П. Борисенкова, Е.В. Бережновой, В.В. Краевского, З.Я. Капустиной, Т.А. Мирошиной и др.). Среди основных причин, актуализирующих проблему становления гражданского самосознания молодежи в современном российском обществе, назовем следующие:

1) разрушение системы традиционных ценностей и традиционного механизма социализации поколений;

2) возникновение феномена бездуховности, проявляющегося, в частности, в агрессивном невежестве;

3) возникновение в соответствии с новыми социальными реалиями новой системы требований общества к личности;

4) переоценка роли образования и недооценка роли воспитания в становлении новых поколений россиян и др.[1]

Вступая во взаимодействие с окружающим миром, человек строит в себе гражданина – так формируется его гражданское самосознание.

В отечественной психологии гражданское самосознание не было предметом самостоятельного психологического анализа. Лишь в некоторых работах, посвященных проблемам гражданской активности, гражданственности, формирования и развития гражданской позиции, понятие гражданского самосознания рассматривается как неотъемлемая составляющая личности (Л.И. Аманбаева, А.В. Беляев, В.Г. Бочарова, В.В. Гаврилюк, Б.С. Гершунский, Т.А. Гришина, И.М. Дуранов, Л.М. Семенюк, В.А. Сухомлинский, Г.Н. Филонов, Е.А. Ямбург и др.). Так, В.А. Сухомлинский выделяет следующие характеристики гражданственности:

1) осознание человеком своей принадлежности к обществу и потребность действовать в соответствии с нравственными требованиями и нормами коллективной жизнедеятельности;

2) осознание социальных последствий своего поведения и деятельности;

3) стремление к самовыражению и потребность везде быть человеком-гражданином;

4) общественно значимая, нравственно ответственная деятельность и чувство принадлежности к коллективу и обществу[2].

Традиционное понимание термина «гражданское самосознание» подразумевает наличие у личности таких характеристик, проявление которых очевидно в героических поступках, общественно значимой деятельности, направленности действий на благо страны, в которой проживает гражданин. Даже такое общее определение интересующего нас феномена позволяет сделать вывод о необходимости рассмотрения гражданского самосознания в следующих аспектах:

– во-первых, как процесса развития самосознания личности, который зависит от характеристик активности человека;

– во-вторых, как усвоение индивидом социальных норм, преобразование социального опыта в собственные социально ориентированные установки, ценности, принятие общественной задачи;

– в-третьих, как самореализацию субъекта в роли гражданина, которая обусловливается процессами саморегуляции, самоконтроля, а также влиянием стиля жизни, жизненного опыта;

– в-четвертых, как явления, процесс формирования которого характеризует и отражает форму гражданской активности, рассматривающуюся в соответствии с деятельностью, и выступает в качестве условия становления личности и ее собственного движения (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев и др.).

Гражданское самосознание можно считать условием существования личности как автономного субъекта, способного к самостоятельной постановке социально одобряемых целей. Гражданское самосознание можно представить в качестве динамической системы представлений человека о себе как гражданине, осознания ответственности за свои действия перед обществом, оценки личностью своих качеств в контексте социально значимой деятельности.

Следует выделить несколько направлений формирования гражданского самосознания студентов в процессе профессионального обучения в вузе:

– организация учебной деятельности студентов;

– повышение их социальной активности;

– организация психологического сопровождения воспитательного процесса в вузе.

Первое направление связано с формированием гражданского самосознания через организацию учебной деятельности. В условиях вуза учебная деятельность является основным видом деятельности студентов, предполагающим серьезную умственную и физическую активность. От того, как студент войдет в формирующийся коллектив учебной группы, как будет налажен его быт и отдых, как он овладеет навыками учебной работы и самообразования, зависит его успеваемость и, в конечном счете, гражданская позиция. Ответственное отношение студентов к своим обязанностям, высокие результаты учебной деятельности, сформированность профессиональных качеств, готовность к выполнению своих профессиональных обязанностей – все это и есть вклад, вносимый каждым студентом в повышение благосостояния нашей страны.

Мы убеждены, что формирование гражданского самосознания студентов достижимо через гражданское образование. Последнее невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. Оно должно представлять собой целостную систему[3]. Для решения задач гражданского образования молодежи необходимо:

– проектировать образовательную среду как пространство накопления, обогащения опыта гражданского самоопределения и становления гражданского самосознания;

– разрабатывать и обосновывать модели гражданского образования (ценности, цели, технологии, условия) при непременном учете региональной специфики;

– разрабатывать и внедрять в учебный процесс курсы и модули, связанные с подготовкой студентов как активных участников процесса демократизации общества, осуществлять при этом тесное сотрудничество с другими вузами;

– обогащать граждановедческой проблематикой общегуманитарные и специальные учебные дисциплины;

– создавать информационное обеспечение гражданского образования: интегративные курсы, учебные модули, различные программы, банки данных, ориентированные на становление гражданского самосознания;

– определять оптимальное сочетание традиционных и инновационных технологий, направленных на создание условий для становления нравственных ценностей и гражданских компетентностей;

– определять критерии и показатели эффективности гражданского образования;

– разрабатывать диагностический инструментарий для отслеживания уровней, динамики развития гражданского самосознания студентов.

Второе направление формирования гражданского самосознания студентов в процессе профессионального обучения связано с повышением их социальной активности. Мы придерживаемся методологической позиции, согласно которой значимые качества личности приобретаются в процессе ее активного и сознательного участия в учебной, развивающей, спортивной, творческой и прочей деятельности. А становление таких качеств, как гражданственность, патриотизм, активная гражданская позиция и собственно гражданское самосознание, происходит только в условиях социальной активности. Социальная активность студентов проявляется через участие в общественной деятельности, работе молодежных общественных объединений.

В ходе опроса студентов Вологодского государственного педагогического университета мы интересовались тем, каковы масштабы участия респондентов в общественных делах. Выяснилось, что можно выделить три практически равные группы: желающие заниматься общественной работой (35,4%), не стремящиеся к такой деятельности (34,2%); те, кто по разным причинам не определился в этом вопросе (30,4%). Таким образом, о своей активной жизненной позиции заявили чуть более трети опрошенных студентов. В два раза больший массив нуждается в выработке такой позиции, повышении уровня гражданской сознательности.

Можно выделить следующие векторы решения существующей проблемы:

– ориентация образовательного процесса на формирование ценности общественной деятельности в представлении студента. Участие в общественной деятельности способствует усвоению норм и ценностей гражданского общества, содействует появлению активной жизненной позиции. Совместная общественная деятельность служит укреплению социальных связей, которые выступают важнейшим ресурсом для успешного решения проблем локального сообщества, позволяет достигать значимых для всех и каждого целей. Важность социального компонента жизни очевидна и в профессионально-личностном становлении специалистов;

– раскрытие социальных возможностей для саморазвития в общественной рабо-

те. Участие в общественной деятельности формирует у студентов навыки самоорганизации, сотрудничества; происходит накопление опыта личности в самостоятельном принятии решений, осуществлении нравственно значимого выбора, социально ответственном поведении;

– предоставление свободы в выборе общественной деятельности. Обеспечение свободы выбора области и конкретного вида работы способствует становлению субъектности студента, когда он не просто выполняет, а осуществляет деятельность, что в первую очередь означает определение им ее содержания (выбор собственных целей и способов их реализации). Избирая свои установки и ценности, вырабатывая свои позиции, студент сам внутренне действует, поэтому более инициативен. Реализация данного положения означает предоставление студентам свободы в выражении собственного мнения, обеспечение добровольности участия в работе, самостоятельности в выборе конкретного вида деятельности, степени своей активности;

– опора на индивидуальный интерес студента и формирование интереса. Интерес выступает как активная сила, побуждающая личность к сознательной деятельности по преобразованию действительности. Через интерес характеризуется отношение человека к окружающему его миру, таким вещам и явлениям, которые имеют для него определенное значение и наполняют смыслом его существование. Именно в силу этого интерес выступает мотивом деятельности студента в общественной сфере;

– психолого-педагогическая поддержка студента в ходе его самоопределения в сфере общественной деятельности. Это положение предполагает демократический стиль работы преподавательского состава вуза, поощрение проявлений студентами активности, инициативы, отстаивания собственных интересов, выражения собственной гражданской позиции.

В последние годы в Вологодском государственном педагогическом университете общественная деятельность студентов заметно активизировалась. Возросло число студенческих мероприятий, стали более разнообразными их формы. Возродился институт кураторства студенческих групп. Важным шагом стало создание студенческого волонтерского отряда «Компас», в который входят студенты разных факультетов. Существуют различные студенческие общества, например студенческое педагогическое общество «Успех», одним из основных направлений деятельности которого является подготовка студентов к организации воспитательной работы.

Воспитание гражданского самосознания студентов в Вологодском государственном педагогическом университете реализуется по следующим направлениям:

1. Формирование уважительного и бережного отношения к государственной символике России и традициям вуза. Целый ряд мероприятий (День знаний, День открытых дверей, празднование дня рождения университета и т.д.) сопровождается выносом флагов России, университета, факультетов и исполнением гимнов России и университета. Студентами разработаны собственные символы (футболки с эмблемами факультетов, флаги, значки, гимн университета). Все это создает благоприятные условия для организации гражданско-патриотического воспитания обучающихся и формирования их гражданского самосознания.

2. Организация бесед, лекций, экскурсий, посвященных дням воинской славы России, Дню защитника Отечества, Дню независимости и т.д. Преподаватели, представляющие старшее поколение, ветераны войны и труда привлекаются для проведения бесед со студентами младших курсов. Студентами реализован совместный с ВГРТК проект по подготовке цикла радиопередач «Письма с фронта».

3. Проведение встреч с ветеранами войн, организация акций заботы и поддержки ветеранов. Так, например, особый интерес вызвал проект студентки юридического факультета Л. Коротиной по созданию из числа студентов разных факультетов отряда «Вестники Победы» для оказания помощи ветеранам университета. Проект получил поддержку комитета по делам молодежи области.

4. Организация участия студентов в творческих конкурсах (фотографий, стенной печати, стихов, песен), посвященных дням воинской славы России, Дню защитника Отечества и т.д. Студенты вуза проявляют себя как инициативные и обладающие огромным творческим потенциалом личности. Практически ежемесячно они участвуют в творческих состязаниях на разных уровнях: городском, областном, всероссийском.

5. Выступление студентов на семинарах и конференциях по вопросам гражданско-патриотического воспитания. Например, участие в работе региональной научно-практической конференции «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по документам вологод-

ских архивов)», III Международного форума «Неделя дружбы студенческой молодежи» в Дагестане и др.

6. Шефство над мемориалом воинов-интернационалистов и уход за могилами фронтовиков-ветеранов университета.

7. Организация праздничных концертов, творческих вечеров, объединенных военно-патриотической и гражданской тематикой. Так, например, в университете имеется студенческий театр, который регулярно осуществляет постановки, связанные с гражданско-патриотическим воспитанием студентов. Один из последних спектаклей – «Северо-западнее Берлина» – имел большой успех.

8. Участие в торжественно-траурных церемониях, посвященных памяти павших воинов. Ежегодно начиная с 2008 г. коллектив университета в рамках мероприятия «Подвигу старших верны» осуществляет возложение венков к Вечному огню на площади Революции.

9. Участие в городских праздничных мероприятиях, концертах, субботниках. Стали традиционными регулярные выезды студенческого актива на агробиостанцию с целью обновления Аллеи поколений; концерты, посвященные Дню пожилого человека. Особый отклик у жителей города вызвал благотворительный концерт музыкально-педагогического факультета для людей с ограниченными возможностями.

10. Организация экскурсий в воинские части Вологодского и Федотовского гарнизонов. Ежегодно студенты посещают музей дальней авиации п. Федотово и выступают в воинских частях Вологодского гарнизона с концертами, посвященными дням воинской славы. При активном участии молодежного совета, студентов факультета физической культуры проводится городское мероприятие «Честь и доблесть».

11. Студенты принимают участие в экспедициях Вологодского поискового отряда, которые проходят в местах боевых действий на территории Ленинградской области.

Таким образом, каждый студент имеет возможность свободного выбора вида общественной деятельности, а гражданское самосознание является тем особым качеством личности, которое позволяет студенту чувствовать себя способным к участию в общественном процессе, самостоятельно находить меру своей гражданской самореализации.

Третьим направлением формирования гражданского самосознания студентов является организация психологического сопровождения воспитательного процесса в вузе, студентов и педагогического коллектива.

В современной науке не существует единой трактовки понятия «воспитание». Этот термин употребляется в широком (как общественное явление, воздействие общества на личность, то есть воспитание практически отождествляется с социализацией), и узком (как специально организованная деятельность педагогов и воспитанников по реализации целей образования в условиях педагогического процесса) смысле.

По мнению П.И. Пидкасистого, воспитание – это «целенаправленная, содержательная профессиональная деятельность педагога, содействующая максимальному развитию личности ребенка, вхождению ребенка в контекст современной культуры, становлению его как субъекта и стратега собственной жизни, достойной человека»[4].

В психологии воспитание понимается как процесс интериоризации, то есть перевода внешних по отношению к личности опыта, знаний, ценностей во внутренний, психический план личности: в ее убеждения, установки, поведение.

С.В. Сарычев и И.Н. Логвинов отмечают, что воспитание как психологическое явление представляет собой планомерное и целенаправленное воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования определенных мотивов, интересов, идеалов, мировоззрения и установок[5].

Анализ существующих концептуальных подходов и теорий воспитания свидетельствует, что большинство психологов в качестве основных выдвигают задачи воспитания современного поколения в духе активного созидательного труда, соблюдения и гармонизации интересов общества и личности, развития духовности человека, сохранения его физического и нравственного здоровья, формирования гражданственности. Сущность воспитательного процесса, по мнению ученых, состоит в формировании у представителей подрастающего поколения умения реализовать себя в трех главных ролях в жизни: гражданина, работника, семьянина.

Далее заметим, что в последнее время все более осознается потребность в целенаправленной государственной политике в области гражданского воспитания, возрождения воспитательной функции образования[6].

Сегодня в образовательных учреждениях воспитание не является комплексной деятельностью. Существующая практика внеучебной работы в учреждениях профессионального образования не позволяет говорить о системном характере воспита-

тельного процесса, скорее, это сеть разрозненных мероприятий, в основном связанных с будущей профессиональной деятельностью, отчасти художественно-эстетической, еще меньше гражданской направленности.

Справедливости ради необходимо отметить, что отсутствие воспитания замечено не сегодня. В профессиональной среде вопрос о возрождении воспитания на новых некоммунистических основаниях ставиться с 1992 г. Именно к этому времени относятся попытки разработать новые концепции воспитания молодежи России. В подготовленных проектах приоритет отдается способности к самоопределению в меняющихся социальных условиях, формированию физически и нравственно здорового человека, обладающего высоким уровнем информационной культуры, целостным научным мировоззрением. Однако краткосрочный характер программ демонстрирует недостаточную разработанность концептуальных оснований по осуществлению воспитания. Тем не менее некоторые подходы уже обозначены. Причем позитивная тенденция возрождения роли воспитания подрастающего поколения получила хороший импульс с принятием Концепции модернизации российского образования, в которой были определены ведущие цели, в том числе усиление воспитательного потенциала образовательного процесса, организация эффективного гражданского образования, реализация в практике воспитательной работы комплексного подхода. Сегодня для тех, кто работает в сфере образования, имеется четкий ориентир: воспитание – приоритетное направление модернизации образовательного процесса в современной России.

Представляется возможным выделить доминирующие принципы подхода к воспитательной работе:

– принцип гуманизации и гуманитаризации;

– создание условий для раскрытия творческих способностей студентов;

– социализация личности студента как гражданина России;

– формирование социальной активности студентов;

– развитие у студентов потребности в самовоспитании и соответствующего опыта;

– возрождение интеллектуального, духовного и творческого потенциала;

– воспитание толерантности и уважения к другим людям, народам, странам[7].

Комплексный подход реализуется через следующие идеи современного воспитания:

– идея индивидуальности – направленность на развитие личности каждого воспитанника, опора на его индивидуальные особенности, а не на заданный образец;

– идея диалога – ориентация на взаимодействие с личностью воспитанника, а не на прямое воздействие на него;

– идея субъектности – активизация внутренних ресурсов самого воспитанника;

– идея научно обоснованного психологического обеспечения педагогической деятельности[8].

При отсутствии общественного воспитания студенческой молодежи возникает почва для развития культуры нарциссизма, которая характеризуется равнодушием к социальным проблемам, политическим процессам, творческой профессиональной деятельности и состоянию нравов, переключением интересов на сферу досуга, иждивенчество, антисоциальное поведение.

С психологической точки зрения воспитание гражданского самосознания основывается на формировании у студентов ценностного отношения к явлениям общественной жизни. Формирование гражданского самосознания напрямую способствует воспитанию патриотизма и направлено на развитие гражданственности как интегративного качества личности.

Нельзя не согласиться с Л.А. Регуш и А.В. Орловой в том, что, воспитывая гражданское самосознание студентов, мы стараемся развить следующие их качества:

– осознание как нравственной ценности причастности к судьбе Отечества, его прошлому, настоящему и будущему;

– сохранение национальной самобытности, национального самосознания в сочетании с пониманием места и роли своего народа и страны в развитии мировой культуры;

– знание и широкое использование своих гражданских прав и добросовестное выполнение гражданских обязанностей;

– ответственность за сохранение духовного, промышленного, научного и культурного потенциала России;

– осознанное отношение к политике государства;

– ориентация в экономической структуре и политике государства[9].

Дискуссии на моральные темы (отличие добра от зла, понятия справедливости, свободы, истины, достоинства и пр.), деловые игры, обращение к реальным явлениям и фактам жизни общества, организация определенной общественно полезной и личностно значимой деятельности, в которой молодой человек может себя проявить, чувственно-эмоционально и рационально пережить свои трудности и успехи, различ-

ные формы студенческого самоуправления, реализация педагогики сотрудничества и уважительное отношение к личности студента как полноценного и равноправного партнера в любой совместной деятельности – все это необходимые компоненты вузовского воспитательного процесса.

Задача психологического сопровождения студентов состоит в том, чтобы помочь им сформировать ориентационное поле развития, ответственность за свое профессиональное и личностное продвижение, научить адекватно оценивать и контролировать становление самосознания в процессе обучения в вузе. Преподавателям психологических дисциплин важно показать обучаемым возможные пути проявления сильных сторон личности, побудить к самоанализу, конструктивному развитию. Одна из сфер работы психологов – это организация тренингов личностного и профессионального роста, развития коммуникативных способностей. Содержание упражнений и моделирующих ситуаций должно побуждать студентов осуществлять рефлексию по отношению к собственным возможностям и действиям в обществе.

Психологическое сопровождение педагогического коллектива – еще одно направление работы по формированию гражданского самосознания студентов, поскольку степень влияния системы образования на формирование гражданственности студентов во многом зависит от профессиональной культуры и гражданского самосознания педагога и тех отношений, которые складываются между современными преподавателями и студентами. Серьезность проблемы заключается в том, что роль преподавателя определяется его миссией транслятора культуры как системы ценностей и норм, правил и образцов, касающихся жизненных смыслов, профессиональной деятельности, повседневности. Преподаватель неизбежно соотносится студентами с их будущей профессией, определенной моделью поведения. Соответственно, от преподавателя и того образа, который он формирует о себе и своей специальности, во многом зависит, разочаруется ли студент в своем профессиональном выборе или укрепится в нем, обретет образец гражданской позиции или нет. Преподавателю высшей школы необходимо всю систему вузовского образования сориентировать на студента как личность, полноправного гражданина своей страны. Очевидна необходимость разработкит программы по повышению гражданского самосознания педагогов.

Говоря об особенностях гражданского самосознания личности, следует помнить, что в сознании находит свое отражение абсолютно вся общественная жизнь, поэтому система самосознания будет заполнена теми категориальными структурами, которые сформировались под влиянием общества, его социальных институтов, в том числе образовательной среды современного вуза. Таким образом, не вызывает сомнений возможность создания комплексной программы формирования гражданского самосознания, включающей все аспекты деятельности студента в вузе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Роль образования в формировании гражданского общества: Круглый стол журналов «Вопросы философии» и «Педагогика» // Педагогика. 2007. № 3. С. 42–70.

[2] См.: Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. М., 1979.

[3] См.: Фарафонова Л. Некоторые аспекты гражданского образования молодежи // Вышее образование в России. 2006. № 12. С. 71–74.

[4] См.: Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. П.И. Пидкасистого. М., 2005.

[5] См.: Сарычев С.В., Логвинов И.Н. Педагогическая психология. СПб., 2006.

[6] См.: Фарафонова Л. Некоторые аспекты гражданского образования молодежи; Капустина З.Я. Воспитание гражданственности в условиях обновляющейся России // Педагогика. 2003. № 9. С. 45–49; Мирошина Т.А. Формирование гражданственности студентов вуза как педагогическая проблема // Высшее образование сегодня. 2008. № 3. С. 67–71.

[7] См.: Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 44–50.

[8] См.: Педагогическая психология: Учеб. пособие / Под ред. Л.А. Регуш, А.В. Орловой. СПб., 2010. С. 316.

[9] См.: Там же. С. 317.

[1] Sm.: Rol' obrazovanija v formirovanii grazhdanskogo obwestva: Kruglyj stol zhurnalov «Voprosy filosofii» i «Pedagogika» // Pedagogika. 2007. № 3. S. 42–70.

[2] Sm.: Suhomlinskij V.A. Rozhdenie grazhdanina. M., 1979.

[3] Sm.: Farafonova L. Nekotorye aspekty grazhdanskogo obrazovanija molodezhi // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2006. № 12. S. 71–74.

[4] Sm.: Pedagogika: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / Pod red. P.I. Pidkasistogo. M., 2005.

[5] Sm.: Sarychev S.V., Logvinov I.N. Pedagogicheskaja psihologija. SPb., 2006.

[6] Sm.: Farafonova L. Nekotorye aspekty grazhdanskogo obrazovanija molodezhi; Kapustina Z.Ja. Vospitanie grazhdanstvennosti v uslovijah obnovljajuwejsja Rossii // Pedagogika. 2003. № 9. S. 45–49; Miroshina T.A. Formirovanie grazhdanstvennosti studentov vuza kak pedagogicheskaja problema // Vysshee obrazovanie segodnja. 2008. № 3. S. 67–71.

[7] Sm.: Gavriljuk V.V., Malenkov V.V. Grazhdanstvennost', patriotizm i vospitanie molodezhi // Socis. 2007. № 4. S. 44–50.

[8] Sm.: Pedagogicheskaja psihologija: Ucheb. posobie / Pod red. L.A. Regush, A.V. Orlovoj. SPb., 2010. S. 316.

[9] Sm.: Tam zhe. S. 317.

Особенности становления социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы

Л.С. КАЧКИНА – старший психолог межрегиональной психологической лаборатории ГУФСИН России по Новосибирской области

В статье рассмотрена проблема социально-психологической компетентности (СПК) сотрудников УИС. На основе анализа содержания понятия СПК, ее составляющих и условий, детерминирующих данную проблему, предложена соответствующая формирующая программа, представляющая собой действенный инструмент психологического сопровождения сотрудников УИС.

Ключевые слова: социально-психологическая компетентность; психологическое сопровождение сотрудников УИС; индивидуальное консультирование; тренинговые занятия.

The formation peculiarities of the social-psychological competence of the penal officers

L.S. KACHKINA – major of the internal service, a senior psychologist of the trans-regional psychological laboratory, the Chief Board of the Russian Federal Penal Service in Novosibirsk region

The article deals with the problem of the social – psychological competence of the penal officers. The author analyzes the essence of the social – psychological competence definition, its components and main conditions. On this base the author submits her formation program as an efficient instrument of the psychological support for penal officers.

Key words: social – psychological competence; psychological support for penal officers; individual consultation; training lessons.

Профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе предъявляет определенные требования к уровню подготовки сотрудников, которые, являясь должностными лицами, имеющими определенные права и обязанности, должны обладать необходимой эрудицией, широким кругозором, профессиональными знаниями, умением общаться с людьми и способностью сохранять свое психического здоровье. Существуют специфические требования к социально-психологической компетентности сотрудников УИС. С точки зрения А.Н. Сухова, СПК личности означает ее осведомленность о социально-психологических явлениях и знания о коммуникации, познании и интеракции[1].

О.В. Софронова считает, что СПК необходимо рассматривать под призмой профессиональной деятельности. Автор определяет данный вид компетентности как способность к конструктивному использованию знаний, умений, навыков, необходимых для взаимодействия с людьми в контексте профессиональной деятельности[2].

Анализ работ, посвященных исследованию СПК, позволил выявить ее специфику у сотрудников УИС:

1. В процессе работы общение выступает не как обычная форма человеческого взаимодействия, а как категория функциональная. Служебная деятельность в пенитенциарных учреждениях неразрывно связана с общением, которое из фактора, сопровождающего ее, превращается в категорию профессионально значимую[3].

2. Специалисты не только осуществляют свою профессиональную деятельность в социуме, но и постоянно взаимодействуют с людьми несоциализированными, дезадаптированными, имеющими криминальные ценности. В связи с этим социально-психологическая компетентность сотрудника УИС приобретает совсем другой характер, нежели у человека, работающего в иной сфере. Эта особенность обусловливается необходимостью обладания сотрудником глубокими социально-психологическими знаниями жизнедеятельности общества в целом и субкультуры осужденных в частности. Данное обстоятельство наполняет новым содержанием понятие социально-психологической компетентности.

3. Сотрудникам УИС часто приходится действовать в экстремальных условиях, что повышает требования к уровню развития

СПК. Это обусловлено тем, что от способности сотрудника понимать и передавать информацию, устанавливать и поддерживать необходимые контакты, понимать ситуацию и предмет общения, разрешать конфликтные и проблемные ситуации при оптимальном расходовании ресурсов, оказывать влияние зависит не только результативность выполнения служебных задач, но и жизнь людей[4]. Значимость высокого уровня СПК у сотрудников также определяется тем, что в условиях продолжительной экстремальной ситуации обостряется состояние тревожного напряжения, потребность в безопасности и поддержке. Удовлетворить эту потребность помогает обладание навыками, методами и принципами эффективной коммуникации[5].

Специфика СПК сотрудников УИС определяет особенности психологического воздействия, позволяющего развить данное качество.

Под психологическим сопровождением мы понимаем психотехнологии (упорядоченное и структурированное психолого-акмеологическое воздействие на личность, включенное в соответствующие социальные процессы) и методы психологического воздействия на личность (способы решения определенной психологической задачи), позволяющие развивать компоненты, входящие с состав СПК. При выборе методов психологического воздействия консультанту необходимо учитывать особенности объектов воздействия, поскольку характер психологической работы с сотрудниками государственных, военных служб (в том числе и сотрудников УИС) имеет свою специфику.

А.Л. Степанова, изучавшая особенности оказания психологической помощи государственным служащим, пришла к следующим выводам:

– первичный запрос на консультирование носит здесь подчеркнуто неличностный характер (проблема субъективно представляется как внешняя);

– клиент в качестве подсознательной личностной защиты выдвигает требование быстрого и конкретного результата (пусть даже незначительного);

– по отношению к консультанту клиент подсознательно стремится занять защитную позицию, априори обесценивающую многие проявления диалогической активности консультанта;

– клиент не склонен открыто декларировать в кругу людей из своего корпоративного сообщества, с которыми непосредственно связан профессиональной деятельностью, даже социально одобряемые цели и задачи своей консультативной работы;

– клиент изначально не принимает ориентацию консультанта на откровенно психологические методы работы (индивидуальная психотерапия, коммуникативный тренинг, аутотренинг и пр.).

Н.Н. Ковзель, анализируя специфику психологического консультирования военнослужащих, выделяет следующую особенность в работе с ними: примерно в 1/3 случаев психологическая помощь инициирована не самими нуждающимися в помощи, а другими лицами (в основном командирами частей, подразделений или психологами). Это обусловлено особыми характером воинского труда и условиями службы, связанными с повышенными требованиями и ответственностью за жизнь и безопасность военнослужащих. Зачастую военные психологи назначаются ответственными за конкретного военнослужащего, что в значительной мере вынуждает их смещать акцент в их действиях с сугубо психологической профессиональной составляющей (когда человек сам желает себя изменить) на действия воспитательного характера[6].

Проведенный теоретический и практический анализ специфики СПК и методов его развития позволил разработать программу формирования данного феномена, реализация которой на практике проходила в несколько этапов.

На первом этапе была проведена психодиагностика сотрудников с целью выявления личностных особенностей, затрудняющих становление СПК, необходимой для эффективной служебной деятельности. После этого проводилось первичное индивидуальное консультирование сотрудников, направленное, во-первых, на ознакомление с результатами исследования; во-вторых, на более четкое определение сложностей и проблем в общении, их проявлений непосредственно в жизни клиента; в-третьих, на осознание личной ответственности за свои мысли, чувства и поведение, влияющие на эффективность общения; в-четвертых, на мотивацию на дальнейшую психологическую работу, как индивидуальную, так и групповую; в-пятых, на формулирование конструктивных ожиданий со стороны сотрудника по отношению к психологической работе в группе.

В связи с тем, что полученные в ходе тренинга новые сведения о себе и других людях, как правило, остро эмоционально опосредованны, побуждают заново пере-

осмысливать сложившиеся фрагменты «Я-концепции», концепции «другого», служат стимулом к личностным переменам некоторых сотрудников в процессе групповой работы, возникает необходимость в индивидуальных консультациях. Поэтому с частью сотрудников индивидуальная работа продолжалась наряду с групповой.

На втором этапе проводилась работа, направленная на развитие способности к саморегуляции эмоциональной сферы. Поскольку негативные эмоции затрудняют адекватное восприятие ситуации и собственного состояния, снижают мотивацию к деятельности в целом и проведению мероприятий психологического сопровождения в частности, а также осложняют межличностные отношения, для большинства участников тренинговой группы основной запрос был связан с овладением навыками снижения интенсивности негативных эмоций, улучшения настроения, повышения контроля над собственными эмоциональными реакциями.

На третьем этапе выполнялась работа, направленная на развитие и совершенствование способности сотрудника понимать эмоциональное состояние других людей и прогнозировать их поведение. Задача эффективного и достоверного сбора информации является одной из приоритетных в работе сотрудников УИС, что обусловливает необходимость развития у них проницательности, обеспечивающей быстрое и адекватное познание других людей, взаимоотношений между ними.

Четвертый этап работы был направлен на развитие у сотрудников уверенного поведения, которое во многом определяет эффективность их деятельности. Под уверенностью в себе мы понимаем способность индивида ставить и достигать собственные цели, реализовывать потребности и желания, соответствовать своим притязаниям, выражать интересы и чувства в межличностных отношениях без ущемления интересов партнера по общению. При этом уверенное поведение – это не подавление агрессивных чувств, оно способствует редукции агрессивного поведения в связи с исчезновением поводов для агрессии.

Целью пятого этапа работы являлось обучение методам оказания влияния на людей, поскольку умение управлять, убеждать, воздействовать на личность во многом определяет эффективность деятельности сотрудника УИС.

С методической точки зрения, все тренинговые занятия были построены так, чтобы не было утомительного однообразия. В процессе занятий постоянно чередовались лекции, практические упражнения в группе и парах, индивидуально-тематические беседы и обсуждения, которые были объединены в единое смысловое пространство. Для повышения эффективности и более глубокого усвоения предлагаемой информации занятия проводились по принципу «от простого к сложному». Тренинги разрабатывались с учетом специфики деятельности сотрудников УИС.

Таким образом, анализ специфики психологической работы с сотрудниками УИС, направленной на становление их социально-психологической компетентности, позволил выявить особенности объекта воздействия (высокую степень психологической закрытости сотрудников, потребность в быстрых и конкретных результатах, необходимость инициирования психологической помощи не самими нуждающимися, а другими лицами) и составляющие феномена СПК в деятельности сотрудников (широкий спектр необходимых социальных знаний, психологическую готовность к эффективному межличностному общению в экстремальных и конфликтных ситуациях, профессионально-этическую и нравственную составляющие социально-психологической компетентности).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: Сухов А.А., Церкач А.А. Социальная психология. М., 2002.

[2] См.: Софронова О.В. Социально-психологическая компетентность работников таможенной службы: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.

[3] См.: Дебольский, М.Г., Свирская И.Б. Социально-психологическая компетентность руководителей органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 1999.

[4] См.: Настольная книга войскового психолога, офицера по организации общественно-государственной подготовки и военно-социальной работы. М., 2003. Вып. 44.

[5] См.: Чербанов В.Т. Подготовка сотрудников УИС к действию в экстремальных ситуациях. М., 2005.

[6] См.: Настольная книга войскового психолога, офицера по организации общественно-государственной подготовки и военно-социальной работы.

[1] Sm.: Suhov A.A., Cerkach A.A. Social'naja psihologija. M., 2002.

[2] Sm.: Sofronova O.V. Social'no-psihologicheskaja kompetentnost' rabotnikov tamozhennoj sluzhby: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2002.

[3] Sm.: Debol'skij, M.G., Svirskaja I.B. Social'no-psihologicheskaja kompetentnost' rukovoditelej organov vnutrennih del: Ucheb. posobie. M., 1999.

[4] Sm.: Nastol'naja kniga vojskovogo psihologa, oficera po organizacii obwestvenno-gosudarstvennoj podgotovki i voenno-social'noj raboty. M., 2003. Vyp. 44.

[5] Sm.: Cherbanov V.T. Podgotovka sotrudnikov UIS k dejstviju v jekstremal'nyh situacijah. M., 2005.

[6] Sm.: Nastol'naja kniga vojskovogo psihologa, oficera po organizacii obwestvenno-gosudarstvennoj podgotovki i voenno-social'noj raboty.

К вопросу о трансформации личности осужденных молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима)

А.Н. МИХАЙЛОВ – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

В статье описывается трансформация личности осужденных, находящихся на бесконвойном передвижении, в зависимости от времени пребывания в данных условиях.

Ключевые слова: трансформация личности; молодежный возраст; бесконвойное передвижение.

On the question of Personality's transformation of young ages prisoners when using the right to of non-convoy movement outside the correctional institution (strict regime penal colony as an example)

A.N. MIKHAYLOV – a lecturer of The Juridical Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article gives valuable information on personality's transformation of prisoners depending on time of their staying in conditions of non-convoy movement.

Key words: personality's transformation; young ages; non-convoy movement.

Длительное отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы неизбежно влечет за собой изменение личности осужденных. На личностные изменения в местах лишения свободы влияет много факторов, в том числе использование ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ. На 01.01.2010 г. среднесписочная численность осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, составляла 3430 чел., из которых за нарушение установленного порядка отбывания наказания были лишены этого права 345 осужденных, привлечены к уголовной ответственности 33 осужденных[1].

Считается, что право бесконвойного передвижения предоставляется положительно характеризующимся осужденным и способствует позитивным личностным изменениям, но, как показывает практика исполнения наказания в данных условиях, в некоторых случаях происходят деструктивные личностные трансформации.

Бесконвойное передвижение осужденных, с одной стороны, способствует повышению уровня свободы и мотивации просоциальных изменений, с другой – не снимает с них уголовного наказания и необходимости подчиняться требованиям учреждения и соблюдать атрибуты тюремной субкультуры. Пребывание в состоянии двойственности, нахождение на грани между свободой и несвободой, монотонность условий труда, необходимость выполнения требований начальников в ограниченные сроки, несомненно, влияет на трансформацию личности осужденных. Это должно учитываться сотрудниками учреждений в их профессиональной деятельности[2].

Понятие трансформации включает в себя как процессы трансформации, так и ее результаты. Трансформация – это порождающий процесс, в ходе которого осуществляется психическая работа личности по преобразованию исходного содержания в трансформированную предметность[3].

Отечественными психологами рассматривалось понимание сущности феномена трансформации личности (А.Ф. Лазурским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, А.Д. Леонтьевым, Б.Г. Ананьевым, Б.М. Тепловым, В.М. Русаловым и др.), ценностно-смысловой сферы (Н.В. Фроловым, И.В. Михеевым, И.В. Усольцевой, В.Н. Шамриным), идентичности (Н.В. Дмитриевой, В.А. Ильиным). Результаты работы по изучению психологической трансформации личности представлены в исследовании М.Ш. Магомед-Эминова.

Изучению трансформации личности в условиях изоляции послужили работы выдающихся зарубежных психологов Бруно Беттельхайма, Виктора Франкла, Доннальда Клеммера и др. В дальнейшем зарубежные авторы неоднократно рассматривали вопросы негативного влияния лишения свободы на трансформацию личности (H. Cline, S. Wheeler, P. Merzhauzer, K. Weis, R. Siverts и др.).

В отечественной юридической психологии рассматривалось воздействие условий изоляции на трансформацию ценностно-смысловой (В.Г. Деевым, В.В. Яковлевым, Г.В. Щербаковым, А.В. Наприсом, Н.А. Поляниным, И.Д. Бебаевым и др.) и эмоционально-волевой сферы личности (М.Н. Гернетом, А.Д. Глоточкиным, А.С. Новоселовым, В.Ф. Пирожковым, А.И. Ушатиковым, Д.В. Сочивко, Г.С. Човдыровой и др.).

Некоторые юридические аспекты бесконвойного передвижения осужденных за пределами исправительного учреждения представлены в изданиях Г.А. Аванесова, А.И. Васильева, Н.А. Стручкова и П.А. Папуашвили, А.В. Бриллиантова, Б.З. Маликова и Ю.В. Пленкина, А.И. Дроздова.

Сама процедура использования права передвижения без конвоя за пределами ИУ является, с одной стороны, личностно и ситуативно значимой для осужденного, а с другой – одним из факторов трансформации личности, однако данная проблематика изучена в настоящее время недостаточно полно. В этой связи изучение психологических особенностей трансформации личности осужденных, находящихся на бесконвойном передвижении, (прежде всего молодежного возраста) позволит более эффективно организовать психолого-педагогический процесс, уменьшив при этом риск проявления каких-либо деструктивных форм поведения, приводящих к дезорганизации деятельности исправительных учреждений.

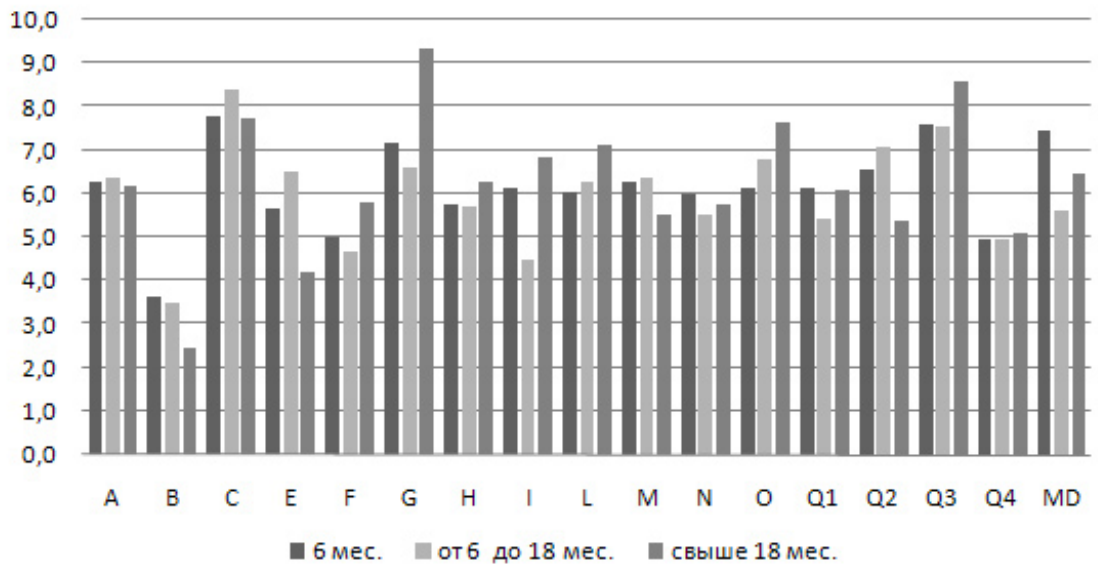
В исправительных учреждениях осужденные находятся на бесконвойном передвижении, как правило ,от полугода до двух лет, поэтому целесообразно рассмотреть особенности трансформации их личности в разные периоды пребывания на бесконвойном передвижении:

– до 6 мес. (группа № 1);
– от 6 до 18 мес. (группа № 2);
– более 18 мес. (группа № 3).

Сопоставим результаты теста Кеттелла в группах осужденных, различающихся по времени пребывания в местах лишения свободы с правом передвижения без конвоя. Личностные трансформации, которые можно проследить по изменениям тестовых показателей, обусловлены двумя основными группами факторов. Это первичные факторы, заложенные в процедуре отбора на бесконвойное передвижение (например, низкая побеговая активность, дисциплинированность, низкая возбудимость и т.д.), и вторичные факторы, обусловленные адаптационными процессами при нахождении на работах, связанных с передвижением без конвоя.

Диаграмма 1

Средние показатели по тесту Кеттелла в разных группах осужденных, имеющих право бесконвойного передвижения



Первые факторы будут менее подвержены изменениям, связанным со временем пребывания на работах в условиях передвижения без конвоя, а сами эти изменения, скорее, будут объясняться изменением выборки испытуемых в течение срока пребывания на условиях передвижения без конвоя, а не свойств личности. Однако наряду с вытеснением некоторых представителей осужденных-бесконвойников (ОБ), которые не проявляют этого качества, из бригады, работающей за пределами исправительного учреждения, другие со временем могут приобретать похожие свойства, подстраиваясь под те условия, которые устраивают администрацию и бригадиров. Именно этот процесс мы называем психологической трансформацией личности, которая происходит на двух уровнях:

– социальном, когда условия сосуществования постепенно вытесняют личность, не подходящими, не соответствующими общему настрою свойствами (так, например, для бесконвойного передвижения (БП) вряд ли нужны люди сообразительные, быстро обучаемые, креативные, с высокими значениями по фактору «В» теста Кеттелла);

– индивидуально-личностном, когда человек начинает подстраивать, видоизменять свойства своей личности в соответствии с общими стандартами.

Относительно каждого личностного свойства в той или иной сфере проявлений вес социального и индивидуально-личностного фактора будет различным. С этих позиций продолжим анализ личностных профилей ОБ, различающихся по времени пребывания на условиях БП.

Статистически значимые различия выявлены по фактору «Е» – «подчиненность-доминантность». На диагр. 1 можно видеть, что ОБ, находящиеся в рассматриваемых условиях более 18 мес. (группа № 3), имеют самые низкие показатели по фактору «Е», статистически значимо отличающиеся от показателей в сфере осужденных, находящихся на таких же условиях более 6 мес. (группа № 2: $p \leq 0{,}01$ по φ-критерию Фишера) и менее 6 мес. (группа № 1: $p \leq 0{,}05$ по φ-критерию Фишера).

Таким образом, трансформации личности (согласно срезовому анализу) таковы: в группе № 1 (только вышедшие на БП) подчиненность высокая, доминантность ниже среднего, в группе № 2 (более 6 мес. на БП) растет доминантность; в группе № 3 (более 18 мес. на ПБ) доминантность существенно падает ($p \leq 0{,}01$ по φ-критерию Фишера), а подчиненность возрастает.

Ясно, что доминантность нежелательна для осужденных, находящихся на условиях БП. Тем не менее она возрастает в середине срока пребывания на БП, а затем существенно падает, уступая место подчиненности: при определенном уровне адаптации, когда осужденный начинает чувствовать себя комфортно в новых условиях, он считает, что уже достаточно проявил себя и ничто ему не угрожает – начинается рост нежелательных полюсов личностных качеств, своего рода болезнь личностного роста. Общность этого механизма подтверждается и тем, что другие личностные свойства по тесту Кеттелла проявляются подобным образом. Например, по фактору «F» (диагр. 1). При этом значимых различий при снижении показателя экспрессивности в группах № 1 и 2 выявлено не было, однако весьма существенны отличия показателей в группе № 3 ($p \leq 0{,}01$ по φ-критерию Фишера). По мере увеличения срока пребывания на условиях БП экспрессивность, динамичность общения сначала несколько снижаются (диагр. 1; статистически различий не зафиксировано), а затем существенно возрастает ($p \leq 0{,}05$ по φ-критерию Фишера), обеспечивая «энергичность и значимость эмоциональных контактов»[4].

Схожую ситуацию можно наблюдать и по фактору «G» (диагр. 1). Здесь рост «нормативности поведения» в группе № 3 по сравнению с первыми двумя еще более ярко выражен ($p \leq 0{,}01$ по φ-критерию Фишера). Не требует дополнительных комментариев то, что нормативность поведения является качеством желательным для осужденных на условиях БП. Более сложной и одновременно более интересной представляется ситуация по фактору «I» – «жесткость-чувствительность» (диагр. 1). Наряду с возрастанием «рассудочности», «практичности» появляются «самоуверенность», «черствость», «суровость». Возможно, что такие моменты трансформации личности важны на данном этапе адаптации к условиям БП, однако далее эта трансформация приобретает противоположный характер, развиваясь в сторону «мягкости», «устойчивости», «стремлению к сочувствию, покровительству»[5], и в целом чувствительности.

Снижение оценок по фактору «М» в группе № 3 свидетельствует о том, что чувствительность вполне компенсируется «практичностью», «чувством реальности», «следованием общепринятым нормам»[6]. Однако при этом наблюдается нарастание тревожности и депрессивности по фактору «О» (диагр. 1).

Создается впечатление, что трансформация личности осужденного в условиях БП происходит одновременно в двух планах: нарастания внутренней тревожности, дискомфорта, подозрительности и эгоцентричности и роста внешней реалистичности, практичности, разумности и нормативности поведения. Таким образом, в условиях бесконвойного передвижения помимо конструктивной трансформации личности осужденных имеет место и деструктивная.

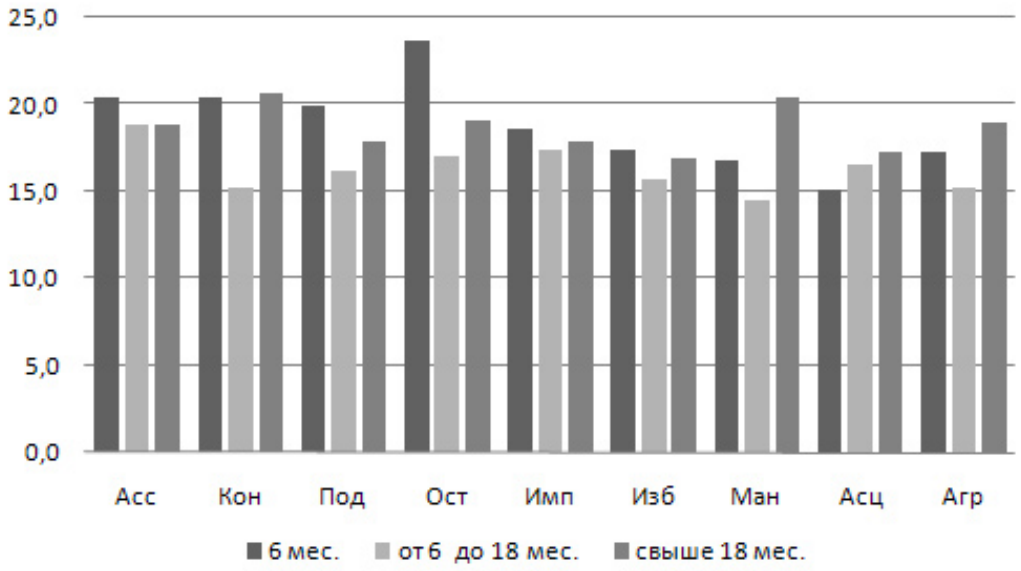
В группе № 3 наблюдается некоторая стабилизация личностного профиля (диагр. 1) с точки зрения приемлемости проявления в поведении тех или иных свойств. Лучше всего это иллюстрируют изменения самооценки по фактору «MD», который выше всего в группе № 1, существенно снижается (p 0,05 по φ-критерию Фишера) в группе № 2 и повышается, достигая некоторых средних значений, в группе № 3. Такое существенное снижение самооценки во второй группе по сравнению с первой является не только следствием нарастающего психодинамического противоречия личности[7] в группе № 2, но и фактором дальнейшей ее трансформации, приводящей к динамической стабилизации в отношениях внутреннего и внешнего планов поведения, снижению внутренней напряженности и повышению социальной адаптивности, что также подтверждается и эмпирическими данными, полученными по методу исследования личностного стиля личности (психологических защит) Плутчека, Конта, Келлермана.

Происходит снижение примитивных защит в группе № 3, в частности проекции и регрессии. С другой стороны, в целом происходит повышение «интеллектуализации» и «рационального образования». Последнее означает создание новой личностной концепции, трансформации личности. Главное содержание последней – новое понимание себя, отказ от примитивности защит. На этом фоне становится понятным и снижение показателей такой защиты, как компенсация. Осужденный группы № 3 на условиях БП уже не размышляет о том, как ему быть: он выдержал все испытания и готов к дальнейшей жизни. В реальности мы имеем дело с ложным чувством реактивного образования, что докажут другие психодиагностические методы исследования.

Обратимся к анализу результатов исследований по методике С. Хобфола, позволяющей оценить стратегии преодолевающего поведения. В группе № 3 наблюдается рост показателей по шкалам манипулятивности, асоциального поведения и агрессии, в отличие от группы № 1. На диагр. 2 наблюдаем пики ассертивной и осторожной стратегии, что свидетельствует о позитивных трансформациях личности, происходящих в первые шесть месяцев пребывания осужденного на условиях БП, далее следуют кризис, который может стать основой личностного роста и ресоциализации, а длительное пребывание на условиях БП ведет к негативным трансформациям личности в области овладевающих стратегий.

Диаграмма 2

Средние показатели по методике С. Хобфола в группах осужденных с разным сроком права бесконвойного передвижения



Однако этот процесс сопровождается стабилизацией основных личностных показателей, что свидетельствует о криминальной составляющей трансформации личности ОБ. Привыкая к свободе, но оставаясь осужденным, человек может уйти в сторону асоциального поведения, что опасно.

В этом случае меняются и психофизиологические показатели, полученные по методике САН. Самочувствие, активность и настроение осужденного закономерно снижаются в зависимости от срока пребывания в условиях БП. Таким образом, длительное пребывание в условиях БП влечет деструктивную трансформацию личности.

В местах лишения свободы трансформация личности осужденных в условиях БП, действительно, приобретает не только психофизиологический, но и личностно неприемлемый характер: чем больше осужденный находится в исправительном учреждении, тем значительнее у него трансформация личности, приобретающая деструктивную форму.

Проанализируем ценностные ориентации разных групп осужденных.

Необходимо отметить, что показатели терминальных ценностей практически не различаются. Существенные расхождения наблюдаются у всех групп испытуемых к инструментальным ценностям (диагр. 1). Осужденный, находящийся на БП, подвержен трансформациям личности, которые, на первый взгляд, видятся конструктивными. Результаты анализа полученных эмпирических данных подтверждают, что длительность пребывания в условиях БП неоднозначно влияет на личностные инфраструктуры, точнее, не всегда приводит к тем трансформациям личности, которые можно было бы ожидать.

Осужденные, отбывшие более 18 мес. на бесконвойном передвижении (группа № 3) обладают рядом негативных вновь образованных свойств: манипулятивностью, агрессивностью, асоциальностью (по методике С. Хобфола). Таким образом, процесс ресоциализации данной категории осужденных может пойти в асоциальном направлении (диагр. 2).

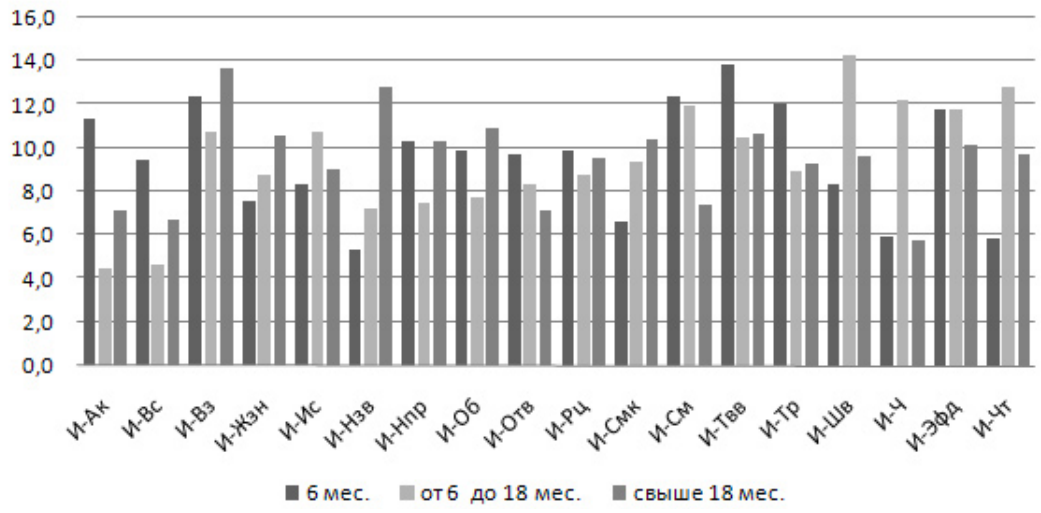
Рассмотрим различия формы графических показателей терминальных и инструментальных ценностей осужденных. Указанные различия свидетельствует о том, что терминальные ценности сформулированы самой пенитенциарной системой, а инструментальные ценности в разных группах осужденных на условиях БП сильно различаются.

Итак, человек, раннее осужденный, но стремящийся к ресоциализации, овладел всем пакетом терминальных (конечных) ценностей, что подтверждают и результаты эмпирических исследований, полученные по тесту Кэттелла. Однако мы обнаруживаем негативные трансформации психофизиологического состояния (тест САН), структуры психологических защит. Речь идет о росте рационализации и реактивных образований. Но главное здесь – изменения в структуре преодолевающего поведения: повышение манипулятивности, асоциальных форм проявления личностных трансформаций и агрессивности.

Поскольку ценности являются основными побудителями поведения (по С.Л. Рубинштейну, Д.В. Сочивко), а также его психодинамики, то можно предположить, что ресоциализация осужденных с длительным пребыванием в условиях БП психологически показывает их полную неготовность к условиям законопослушной жизни на свободе.

Диаграмма 3

Средние показатели инструментальных ценностей по методике Рокича в группах осужденных с разным сроком права бесконвойного передвижения



Но это не может быть фактором ресоциализации данной категории осужденных, поэтому длительное пребывание на условиях БП не приводит к конструктивным трансформациям личности. Если этот процесс рассматривать с позиции ресоциализации, повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития, сокращения рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, а также гуманизации условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, заложенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., то мы можем увидеть более сильную, защищенную трансформирующуюся личность[8].

Итак, трансформация базовых личностных свойств осужденного в условиях БП происходит одновременно в двух планах, в результате чего только у осужденных, находившихся на условиях бесконвойного передвижения более полутора лет, наблюдается некоторое уравновешивание и стабилизация личностного профиля.

В сфере психологических защит основное содержание трансформации личности осужденного в период отбывания наказания на условиях БП заключается в постепенном снижении уровня выраженности примитивных защит и повышения таких показателей, как «интеллектуализация» и «рациональные образования».

В области преодолевающего поведения по мере увеличения срока, отбытого на условиях БП, возрастают показатели по шкалам манипулятивности, асоциального поведения и агрессии. Таким образом, максимально позитивные трансформации личности происходят в первые шесть месяцев пребывания осужденного на условиях БП, далее следует кризис, который может стать основой личностного роста и ресоциализации. Длительное пребывание на условиях БП может привести и к негативным трансформациям личности в области овладевающих стратегий. Однако при анализе результатов по тесту Кеттелла выяснилось, что этот процесс сопровождается стабилизацией основных личностных показателей. При этом меняются и психофизиологические показатели. Самочувствие, активность и настроение осужденного закономерно снижаются в зависимости от срока пребывания в условиях БП.

Следовательно, длительное пребывание осужденных на БП приводит к существенным трансформациям их личности. Администрации и психологам ИУ целесообразно контролировать этот процесс, учитывая, что длительность пребывания осужденных на БП не всегда ведет к конструктивным изменениям личности. Необходимо уделить внимание тому, как проходит процесс ресоциализации осужденных в условиях БП.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Тверь, 2010.

[2] См.: Цыбульский В.В. Социально-педагогическая деятельность социального работника с осужденными, пользующимися правом передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2002.

[3] См.: Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009.

[4] Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М., 2007.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] См.: Сочивко Д.В. Психодинамика. М., 2007.

[1] Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Tver', 2010.

[2] Sm.: Cybul'skij V.V. Social'no-pedagogicheskaja dejatel'nost' social'nogo rabotnika s osuzhdennymi, pol'zujuwimisja pravom peredvizhenija bez konvoja za predelami ispravitel'nogo uchrezhdenija: Dis. ... kand. ped. nauk. Orenburg, 2002.

[3] Sm.: Magomed-Jeminov M.Sh. Dejatel'nostno-smyslovoj podhod k psihologicheskoj transformacii lichnosti: Dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2009.

[4] Karelin A. Bol'shaja jenciklopedija psihologicheskih testov. M., 2007.

[5] Tam zhe.

[6] Tam zhe.

[7] Sm.: Sochivko D.V. Psihodinamika. M., 2007.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Общие подходы к ювенальному судопроизводству в России и Германии

Л.А. КОЛПАКОВА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье дается краткий анализ понятия «ювенальная юстиция», а также в сравнительном плане рассматриваются законодательства России и Германии в области регламентации уголовно-процессуальным правом вопросов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Выявлены некоторые проблемные вопросы создания в России специализированных судов, представлен положительный опыт Германии, который может быть использован при совершенствовании и развитии институтов ювенальной юстиции в нашей стране.

Ключевые слова: ювенальная юстиция; возраст уголовной ответственности; суды для несовершеннолетних; правосудие; социальные технологии; конфиденциальность.

Common approaches to juvenile court proceedings in Russia and Germany

L.A. KOLPAKOVA – assistant professor of The Chair of in criminal law and criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD, Associate Professor

The article gives a brief analysis of the concept of “juvenile justice”, as well as a comparative analysis of Russian and German legislation in the sphere of the criminal procedural law regulations for execution of juvenile justice. The author identifies some problematic issues of creation of specialized courts in Russia, and presents the positive German experience, which can be used for improving and developing the institutions of juvenile justice in our country.

Key words: juvenile justice; age of criminal responsibility; juvenile courts; justice; social technologies; privacy.

Вопрос о том, каким быть судопроизводству в отношении несовершеннолетних, является актуальным для многих стран мира с разными правовыми системами. В последнее время все, что касается этой темы, принято обозначать единым, ставшим международным термином – ювенальная юстиция. Наравне с таким широким подходом к определению явления имеет место и неоправданно узкий подход, когда ювенальную юстицию трактуют как специализированную систему правосудия в отношении несовершеннолетних[1]. Безусловно, следует согласиться, что термином «юстиция» обозначается система государственных учреждений, связанных с обеспечением судебной деятельности и собственно самим правосудием. Однако при этом нужно учитывать, что существует целая система несудебных органов, осуществляющих работу с юными правонарушителями. Здесь необходимо упомянуть административную практику комиссий по делам несовершеннолетних, деятельность органов социальной защиты, органов образования и занятости населения. Таким образом, по нашему мнению, следует выделять собственно органы ювенальной юстиции и вспомогательные органы. Ядром системы должны

признаваться суды (специализированные либо имеющие в штате судей, специализирующихся на делах несовершеннолетних). К вспомогательным органам будут относиться органы образования, которые обеспечивают исполнение решений собственно учреждений и органов ювенальной юстиции. В контексте проблем ювеналистики можно также считать частью системы органы социальной защиты, органы образования, органы занятости населения и т.д. Последние интересны тем, что помимо своих основных функций способны реализовывать альтернативные уголовному преследованию и принуждению меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Основные принципы ювенальной юстиции закреплены в международных нормативных документах[2]. На первый план выходят усиление охранительной функции правосудия, вопросы социализации оступившихся подростков, детальный учет данных о личности и окружении несовершеннолетнего, обеспечение конфиденциальности судопроизводства, специализация сотрудников правоохранительных органов (в том числе судей) по работе с несовершеннолетними, привлечение вспомогательных служб к работе с подростками в процессе производства по делу.

Россия и Германия принадлежат к одной правовой системе – романо-германской, вместе с тем историческое развитие каждой из стран внесло свои коррективы в принципиальные начала отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Рассмотрим различия подробнее.

Первые специализированные суды для несовершеннолетних в Германии возникли в 1907–1908 гг., в России – в 1910 г., то есть примерно в одно и то же время. Однако в России, хотя это была весьма удачная модель правосудия, они просуществовали лишь до 1918 г., в то время как в Германии, равно как и в других развитых странах мира, система успешно прижилась. В континентальных странах изначально была определена подсудность дел несовершеннолетних независимо от тяжести содеянного специализированным судам, тогда как в странах англо-саксонской правовой системы такие суды стали рассматривать лишь дела небольшой и средней тяжести, а дела о совершении тяжких преступлений находились в компетенции общих судов[3].

В связи с тем, что институты ювенальной юстиции имеют в Германии весьма продолжительную историю, специальное законодательство в этой сфере там является гораздо более развитым, чем в России. Концепция ювенальной юстиции была разработана в Германии в 1923 г. и отражала два момента: уменьшение ответственности подростков и избирательность санкций, применяемых к ним. С 1953 г. действует Закон ФРГ о судах по делам несовершеннолетних (Jugendgerichtsgesetz, JGG)[4], в котором определены главные положения уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, основанные на международных нормах обращения с данной категорией правонарушителей. Отметим, что в Германии несовершеннолетними с точки зрения уголовного права считаются молодые преступники, которым на момент совершения деяния исполнилось 14 лет, но они еще не достигли возраста 21 года. Закон предусматривает как общие, так и дифференцированные нормы с учетом деления на три возрастные группы. В первую из них входят малолетние, то есть лица, не достигшие 14 лет[5], во вторую – подростки от 14 до 18 лет, в третью – лица в возрасте от 18 лет до 21 года[6]. Представляется правильным то, что дифференциация по возрастному критерию осуществляется не только при реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, но и при назначении мер процессуального воздействия на них, чего, очевидно, не прослеживается в российском процессуальном праве. Хотя в УПК РФ и сделана попытка учесть особенности несовершеннолетних от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет при регламентации производства следственных действий и решении вопроса о привлечении дополнительных участников уголовного процесса (педагогов, психологов), однако законодатель оказался недостаточно последовательным в части установления норм о применении к несовершеннолетним мер процессуального принуждения. Здесь главным классификационным критерием выступает категоризация преступлений по степени тяжести.

Говоря о функционировании ювенальной юстиции, практически всегда затрагивают вопрос о ее автономии. Однако это понятие не следует воспринимать слишком буквально, как это иногда делается в России при попытках внедрения отдельных институтов ювенальной юстиции.

Так, к примеру, суды по делам несовершеннолетних в Германии не являются обособленными судебными органами, а представляют собой специализированные отделы в системе общеуголовных судов. Вместе с тем они образуют систему, обладающую всеми признаками самостоятель-

ности, включающую в себя особый состав и специальную подсудность, собственную правовую базу, особые принципы судопроизводства.

Одной из особенностей ювенального судопроизводства в Германии является глубоко индивидуальный подход к подростку, который выражается в предусмотренных законом конкретных действиях судьи по установлению контакта с обвиняемым, методах исследования обстоятельств дела, языке судебного разбирательства, доступном пониманию несовершеннолетнего, привлечении к изучению личности специальных неюридических учреждений[7]. На всех этапах расследования и рассмотрения дел судом важное значение имеет информация о личности подростка, сбором которой занимается специальная социально-психологическая служба (Jugendgerichtshilfe), которая по результатам своей деятельности предоставляет отчет прокурору и полиции, активно взаимодействует с ювенальными судами. Такой симбиоз признан необходимым, ибо главной целью судопроизводства в отношении несовершеннолетних является возвращение молодого человека, относительно которого может быть вынесено наказание, к жизни без преступлений и привитие ему определенных способностей[8]. Иными словами, речь идет не о возмездии, а о предупреждении рецидива путем компенсации недостатков социализации личности. Соответственно, уголовное и уголовно-процессуальное право в отношении несовершеннолетних предусматривает вспомогательные, поддерживающие и опекающие санкции.

Полезным для России может оказаться опыт Германии по отказу от формального вынесения приговора по делам несовершеннолетних (на досудебной и судебной стадиях по инициативе прокурора), активному использованию отсрочки наказания в виде испытательного срока и так называемой диверсии (от лат. diversio – отклонение, отвлечение). Последняя мера применяется все чаще в ювенальной процессуальной практике и выражается в прекращении производства по делу даже в тех случаях, когда с точки зрения прокуратуры или суда для предъявления обвинения или вынесения обвинительного приговора имеются достаточные основания. Любопытно, что в Германии существует День прощения, когда прекращается 95% дел в отношении несовершеннолетних. Эффективность применения диверсии была проанализирована с позиции уровня рецидива среди тех, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор, и тех, в отношении кого производство по делу было прекращено. Процент оказался примерно одинаков[9]. Это подтверждает тезис о взаимозаменяемости мер, когда речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также приводит к выводу о возможности отказа от наиболее репрессивных и карательных форм реагирования на преступления несовершеннолетних.

Что касается опыта России по внедрению социальных технологий в уголовное судопроизводство, то в этой сфере достигнуты и положительные, и отрицательные результаты.

Весьма спорным является подход некоторых российских судов, внедряющих ювенальные технологии, в русле которого на помощников судей возлагаются функции социальных работников (Ростовская область). По нашему мнению, при этом нарушается один из ключевых принципов демократической государственности – принцип разделения властей. Да и сами сотрудники данных судов при всех положительных результатах признают наличие проблем, связанных с отсутствием надлежащей компетенции и знаний в этой сфере у юристов.

Нельзя признать эффективным и ограничение применения социальных технологий лишь взаимодействием с комиссией по делам несовершеннолетних, как это имеет место в Московской области. В этой связи оптимальным представляется опыт г. Санкт-Петербурга, где суды привлекают на постоянной основе к работе с несовершеннолетними именно социальные службы, которые оказывают помощь в трудоустройстве, восстановлении в учебных заведениях, проводят психокоррекционную работу[10]. По мнению судей Санкт-Петербургского городского суда, для решения вопросов социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних, причем не только вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, требуются именно социальные службы, а не институт помощников судей с функциями социального работника[11].

Еще один момент обращает на себя внимание – обеспечение конфиденциальности судопроизводства по делам несовершеннолетних. К сожалению, в России это требование, продиктованное международными стандартами в области ювенального правосудия, не обеспечено достаточными гарантиями уголовно-процессуального характера. Во-первых, ч. 2 ст. 241 УПК РФ не содержит жесткого императива относительно закрытости судебных заседаний по

делам несовершеннолетних[12]. Во-вторых, в УПК РФ не предусмотрено каких-либо санкций за разглашение конфиденциальной информации о несовершеннолетнем. Более совершенным в этом отношении является германское законодательство. В немецком правосудии действует принцип открытого судебного разбирательства, однако для защиты юных преступников в уголовно-процессуальном праве для несовершеннолетних сделано исключение: разбирательство в суде, включая оглашение приговора, всегда проходит при закрытых дверях, то есть дискреционные полномочия суда по данному вопросу исключены.

Подводя итоги, следует отметить, что в российском и германском процессуальных законодательствах есть немало точек соприкосновения по вопросам регламентации ювенального судопроизводства. Безусловно, законодательство Российской Федерации несколько фрагментарно в этой сфере, кроме того, в нашей стране отсутствует специальный закон об отправлении ювенального правосудия, далеко не во всех субъектах функционируют суды для несовершеннолетних, нормативно не предусмотрена унифицированная модель такого суда. В этой связи, учитывая единство правовой системы, России может быть весьма полезен опыт Германии, прежде всего по взаимодействию судебных органов с социально-психологическими службами. Констатируем, что без применения социальных технологий при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних невозможно достичь необходимого эффекта восстановления и социального оздоровления, позволяющего прогнозировать снижение криминальной активности подростка в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Жилейкин В.А. Гражданско-правовой аспект ювенальной юстиции // Актуальные проблемы международного ювенального права: Материалы всероссийской науч.-практ. конф. / Под ред. М.И. Фетюхина. Волгоград, 2006. С. 60; Белых А.Г. Соотношение конституционного и международного права в регулировании прав и свобод // Там же. С. 11.

[2] См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.); Конвенция о правах ребенка (1989 г.); Правила ООН, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.) и др.

[3] См.: Трунов И.Л. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних. http://www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=3189

[4] В 1990 г. в Германии прошла серьезная реформа ювенального судопроизводства, однако основные подходы к отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних остались неизменными.

[5] До 1923 г. в Германии несовершеннолетние в возрасте 12 лет привлекались к уголовной ответственности. Видимо, определение в законе категории несовершеннолетних наступлением возраста 14 лет – дань традиции, а кроме того, это один из элементов превенции в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

[6] К лицам в возрасте от 18 лет до 21 года указанный закон применяется, если преступник не достиг психического развития взрослых или совершил типично подростковое преступление.

[7] См.: Соколов А., Предеина И. Ювенальное уголовное судопроизводство Германии // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 67.

[8] См.: Гайнц В. Уголовные санкции в немецком уголовном праве по делам несовершеннолетних: цель, применение и влияние: Доклад в рамках мероприятия МПС-фонда «Судопроизводство по делам несовершеннолетних и альтернативные формы наказания», 28 марта 2006 г. Бонн. http://www.uni-konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm

[9] См. подр.: Гайнц В. Уголовные санкции в немецком уголовном праве по делам несовершеннолетних: цель, применение и влияние.

[10] См.: Справка о внедрении ювенальных технологий в суды общей юрисдикции // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 24–28.

[11] См.: Там же.

[12] См.: Бозров Г. Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 30; Мельникова Э., Ветрова Г. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) // Правозащитник. 1996. № 1. С. 34–35.

[1] Sm.: Zhilejkin V.A. Grazhdansko-pravovoj aspekt juvenal'noj justicii // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo juvenal'nogo prava: Materialy vserossijskoj nauch.-prakt. konf. / Pod red. M.I. Fetjuhina. Volgograd, 2006. S. 60; Belyh A.G. Sootnoshenie konstitucionnogo i mezhdunarodnogo prava v regulirovanii prav i svobod // Tam zhe. S. 11.

[2] Sm.: Minimal'nye standartnye pravila OON, kasajuwiesja otpravlenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila) (1985 g.); Konvencija o pravah rebenka (1989 g.); Pravila OON, kasajuwiesja zawity prav nesovershennoletnih, lishennyh svobody (1990 g.) i dr.

[3] Sm.: Trunov I.L. Problemy ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih. http://www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=3189

[4] V 1990 g. v Germanii proshla ser'eznaja reforma juvenal'nogo sudoproizvodstva, odnako osnovnye podhody k otpravleniju pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih ostalis' neizmennymi.

[5] Do 1923 g. v Germanii nesovershennoletnie v vozraste 12 let privlekalis' k ugolovnoj otvetstvennosti. Vidimo, opredelenie v zakone kategorii nesovershennoletnih nastupleniem vozrasta 14 let – dan' tradicii, a krome togo, jeto odin iz jelementov prevencii v otnoshenii lic, ne dostigshih vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti.

[6] K licam v vozraste ot 18 let do 21 goda ukazannyj zakon primenjaetsja, esli prestupnik ne dostig psihicheskogo razvitija vzroslyh ili sovershil tipichno podrostkovoe prestuplenie.

[7] Sm.: Sokolov A., Predeina I. Juvenal'noe ugolovnoe sudoproizvodstvo Germanii // Rossijskaja justicija. 2004. № 3. S. 67.

[8] Sm.: Gajnc V. Ugolovnye sankcii v nemeckom ugolovnom prave po delam nesovershennoletnih: cel', primenenie i vlijanie: Doklad v ramkah meroprijatija MPS-fonda «Sudoproizvodstvo po delam nesovershennoletnih i al'ternativnye formy nakazanija», 28 marta 2006 g. Bonn. http://www.uni-konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm

[9] Sm. podr.: Gajnc V. Ugolovnye sankcii v nemeckom ugolovnom prave po delam nesovershennoletnih: cel', primenenie i vlijanie.

[10] Sm.: Spravka o vnedrenii juvenal'nyh tehnologij v sudy obwej jurisdikcii // Voprosy juvenal'noj justicii. 2009. № 2. S. 24–28.

[11] Sm.: Tam zhe.

[12] Sm.: Bozrov G. Glasnost' i tajna v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskaja justicija. 2002. № 2. S. 30; Mel'nikova Je., Vetrova G. Rossijskaja model' juvenal'noj justicii (teoreticheskaja koncepcija) // Pravozawitnik. 1996. № 1. S. 34–35.

Некоторые проблемные вопросы квалификации ст. 157 и п. 2 ч. 2 ст. 249 УК Кыргызской Республики

Р.Т. ИСМАИЛОВ – адъюнкт кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России

В статье рассматриваются проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в употребление наркотических средств (ст. 157 УК КР) и склонения подростков к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (п. 2. ч. 2. ст. 249 УК КР). Автор анализирует смежные составы преступлений, охватывающие данные общественно опасные деяния, выявляет их сходства и различия, обнаруживает пробелы и недостатки в их законодательном закреплении и трудности при квалификации на практике. На основе проведенного исследования в статье формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства Кыргызской Республики.

Ключевые слова: вовлечение; одурманивающие вещества; квалификация; наркотические средства; несовершеннолетний; склонение; психотропные вещества.

Some issues concerning juvenile involvement in drug using Article 157, Article 249 Part 2 Paragraph, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic

R.T. ISMAILOV – a post graduate student, the Chair of criminal-executive disciplines and crime prevention arrangement (the Management Academy of the Russian Fderation Interior Ministry)

The paper deals with the issues of juvenile involvement into drug using and juvenile incitement to narcotic drugs and psychotropic substances use according to the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. The author considers the associated crime components, covering socially dangerous acts in this sphere, analyzes their similarities and differences, and identifies the gaps and the shortcomings in their legislative consolidation and the difficulties of qualification in practice. On the basis of the research the author formulates the proposals for improvement of the criminal legislation norms of the Kyrgyz Republic, which set responsibility for juvenile involvement and incitement to narcotic drugs and psychotropic substances use. The ways of improvement of application of these norms are suggested as well

Key words: involvement; narcotic substances; qualification; narcotic drugs; juvenile; incitement; psychotropic substances.

Квалификация преступления – один из важнейших институтов уголовного права, широко применяемый на практике.

Квалифицировать (от латинского qualis – качество) – это значит отнести некоторое явление по его качественным признакам, свойствам к какому-либо разряду, виду, категории. В области права под квалификацией понимается выбор той правовой нормы, которая предусматривает конкретный случай, иными словами, оценка этого случая с позиций некоторых общих правил. Квалифицировать преступление – дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления[1]. «Квалификация преступления, – писал еще А.А. Герцензон, – состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом»[2].

Правоприменитель, расследуя конкретные преступные деяния, порой сталкивается с трудностями при их квалификации. Часто это объясняется недостаточностью опыта правоприменителя, обстоятельствами сбора доказательств и т.п. Однако нередки и факты, когда сложность процесса квалификации бывает обусловлена недостатками норм права, связанных с особенностями их конструирования. В частности, подобного рода затруднения в квалификации наблюдаются при расследовании, рассмотрении уголовных дел о вовлечении

несовершеннолетнего в употребление наркотических средств или иных одурманивающих веществ (альтернативное действие ст. 157 УК КР – вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), склонении несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (квалифицирующий признак п. 1 ч. 2 ст. 249 УК КР – склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ), когда предметом выступают наркотические средства, а потерпевшим – несовершеннолетний.

Сложность квалификации по названным статьям вызвана следующими обстоятельствами:

1) неоднозначность разграничения вовлечения несовершеннолетнего в употребление наркотических средств (ст. 157 УК КР) и склонения несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (п. 2 ч. 2 ст. 249 УК КР), существующая в силу, во-первых, сходства составов по объекту посягательства, а во-вторых, смысловой близостью терминов «вовлечение» и «склонение»;

2) отсутствие законодательного или судебного толкований понятия «вовлечение в употребление наркотических средств или психотропных веществ»;

3) отсутствие законодательного закрепления в ст. 157 УК КР предмета преступления «психотропные вещества»;

4) проблематичностью установления момента окончания вовлечения несовершеннолетнего в употребление наркотических средств (ст. 157 УК КР).

Как нам представляется, сложность в разграничении объекта вызвана тем, что оба уголовно наказуемых деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 157 и п. 2 ч. 2 ст. 249 УК КР, посягают на общественные отношения, связанные с нормальным развитием несовершеннолетнего, а также на его здоровье. В обоих составах потерпевшими выступают несовершеннолетние, предметом – наркотические средства.

В уголовном законодательстве и судебной практике[3] не раскрывается понятие «вовлечение несовершеннолетнего в употребление наркотических средств» и определяются конкретные формы и способы совершения данного преступления. Термины «вовлечение» и «склонение» близки друг другу по значению[4], хотя есть и другая точка зрения, в рамках которой вовлечение рассматривается как более широкое явление, нежели склонение[5]. Анализ ст. 157 УК КР дает основание предположить, что способы вовлечения могут иметь как ненасильственный (способы убеждения), так и насильственный (способы принуждения) характер.

Нет четкого разъяснения, когда вовлечение несовершеннолетнего в употребление наркотиков считается оконченным. В комментарии к ст. 157 УК КР говорится, что «вовлечение несовершеннолетнего в употребление наркотических средств заключается в действиях, направленных на возбуждение у несовершеннолетнего различными способами постоянного желания к употреблению названных веществ»[6]. Согласно же методическим рекомендациям ГСУ МВД Кыргызской Республики «преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 157 УК КР, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий»[7]. По мнению М.К. Саяковой, преступление считается оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, независимо от того, оказалось лицо вовлеченным в такое поведение или нет»[8].

В интересах нашего исследования в феврале–марте 2010 г. среди судей Верховного суда Кыргызской Республики, городского суда и районных судов г. Бишкека (Ленинский районный суд, Октябрьский районный суд, Первомайский районный суд, Свердловский районный суд), а также судей Чуйского областного суда и Аламединского районного суда Чуйской области было проведено анкетирование 42 респондентов. В нем приняли участие более 15% от общего числа судей по уголовным делам г. Бишкека. По сведениям Судебного департамента Кыргызской Республики и данным, полученным в ходе изучения материалов уголовных дел, 96% осужденных по ст. 157 УК КР за период 2000–2009 гг. приходится на территорию г. Бишкека, что свидетельствует о достаточной репрезентативности данных, полученных в ходе анкетирования. На вопрос «Когда вовлечение несовершеннолетнего в употребление наркотических средств (ст. 157 УК КР) признается оконченным?» давались следующие ответы: преступление окончено с момента, когда потерпевший употребил

наркотическое средство (21,5%); с момента дачи несовершеннолетним согласия на употребление наркотических средств (7%); с момента осуществления воздействия на несовершеннолетнего с целью побудить его к потреблению наркотических средств или психотропных веществ независимо от того, употребляло ли их вовлекаемое лицо либо употребление не состоялось в силу каких-либо причин (43%); 21,5% затруднились с дачей ответов; 7% указали иное, однако при этом ответы были расплывчатыми и уклончивыми (например, «вовлечение окончено с момента вовлечения»).

Кроме того, в феврале–марте 2010 г. было проведено анкетирование сотрудников ГСУ МВД Кыргызской Республики (всего опрошено 46 чел., что составляет более 98% от общего числа сотрудников). В ответ на вышеприведенный вопрос 30% респондентов заявили, что преступление окончено с момента, когда потерпевший употребил наркотическое средство; 43% – с момента осуществления воздействия на несовершеннолетнего с целью побудить его к потреблению наркотических средств или психотропных веществ независимо от того, употребляло ли их вовлекаемое лицо либо употребление не состоялось в силу каких-либо причин; 26% затруднились с ответом.

Неоднозначность реакций свидетельствует об открытости вопроса, дефектности статьи, возникшей вследствие ошибок при конструировании законодателем, и вытекающей из этого сложности квалификации анализируемого преступления.

Кроме того, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, которое не может не вызвать вопросов: в ст. 249 УК КР говорится о «наркотических средствах» и «психотропных веществах», в ст. 157 УК КР упоминаются наркотические средства и другие одурманивающие вещества. Куда же в этом случае делись психотропные вещества? Или законодатель включает их в понятие «другие одурманивающие вещества»?

Полагаем, что наряду с естественной латентностью указанных преступлений обстоятельства, порождающие сложность квалификации анализируемых деяний, обусловливают низкую их регистрацию. Так, по данным Судебного департамента Кыргызской Республики о делах, возбужденных по ст. 157 УК КР (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), за последние 9 лет осужден всего 21 чел. (диагр. 1), притом более 90% – за иные альтернативные действия. По ст. 249 УК КР (склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ) за этот же период осуждено 11 чел. (диагр. 2), из них за склонение несовершеннолетних к потреблению наркотических средств или психотропных веществ – не более 9%.

Диаграмма 1

Сведения Судебного департамента Кыргызской Республики о лицах, осужденных по ст. 157 УК КР[9]

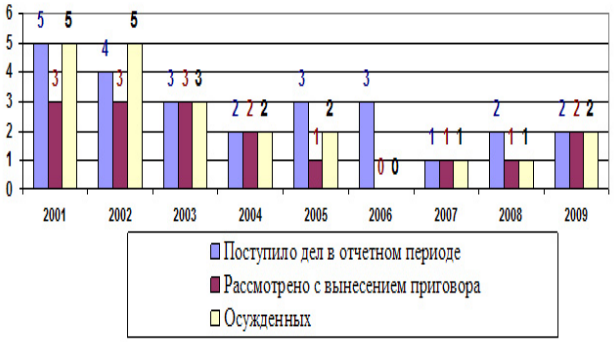


Диаграмма 2

Сведения Судебного департамента Кыргызской Республики о лицах, осужденных по ст. 249 УК КР[10]

Для преодоления сложившейся в рассматриваемой сфере непростой ситуации следует:

– законодательно закрепить понятие «вовлечение в употребление наркотических средств», например, в таком варианте: «Под вовлечением в употребление наркотических средств или психотропных веществ следует понимать умышленные действия, направленные путем убеждения и (или) принуждения на мотивацию[11] другого лица употребить указанные средства или вещества»;

– в статьях УК КР для исключения функционирования разных терминов, имеющих по сути одно значение, слово «склонение» во всех случаях заменить словом «вовлечение»;

– с учетом невозможности закрепления в диспозициях статей при их конструировании всех способов вовлечения других лиц в

употребление наркотических средств или психотропных веществ использовать термины «убеждение» и «принуждение», характеризующие дифференцированные по степени общественной опасности родовые способы деятельности по вовлечению;

– моментом окончания применительно к вовлечению считать момент совершения субъектом преступления действий (убеждение и (или принуждение) по вовлечению другого лица в употребление указанных средств независимо от того, возникла ли у потерпевшего мотивация к их употреблению;

– из ст. 157 УК КР исключить слова «наркотических средств или», из п. 2 ч. 2 ст. 249 УК КР – слова «несовершеннолетнего либо». Вместе с тем необходимо включить в УК КР самостоятельную статью, предусматривающую уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление наркотических средств или психотропных веществ с наличием необходимых квалифицирующих признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 4.

[2] Герцензон А.А. Квалификация преступления. М., 1947. С. 4. Схожие определения дают и другие авторы (см.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 6; Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1. С. 32; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984; Курманов К.Ш. Квалификация преступлений: теория и практика: Учеб. пособие. Бишкек, 2001. С. 5; Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева и др. М., 1997. С. 274).

[3] См.: Постановление Верховного Суда Кыргызской Республики от 02.02.2001 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // ИПС «ТОКТОМ Студент».

[4] См.: Кобзарь И.А. Организационные и правовые основы противодействия преступности несовершеннолетних в переходный период: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 219; Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией: Учеб. пособие. М., 1990. С. 67.

[5] См.: Сперанский К.К. Склонение несовершеннолетних к потреблению наркотических средств // Юридическая наука в Кубанском государственном университете: Сб. науч. тр. Краснодар, 1995. С. 229–230.

[6] Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики // ИПС «ТОКТОМ Студент»

[7] Информационный бюллетень Главного следственного управления МВД Кыргызской Республики. № 18. Бишкек, 2008. С. 191.

[8] Саякова М.К. Борьба с наркотизмом несовершеннолетних в Кыргызской Республике. Дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2001. С. 88.

[9] См.: Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел за 2001–2009 гг. (форма 1) // Архив Судебного департамента Кыргызской Республики.

[10] См.: Там же.

[11] В данном случае приемлем термин «виктимная мотивация».

[1] Sm.: Kudrjavcev V.N. Obwaja teorija kvalifikacii prestuplenij. M., 2001. S. 4.

[2] Gercenzon A.A. Kvalifikacija prestuplenija. M., 1947. S. 4. Shozhie opredelenija dajut i drugie avtory (sm.: Trajnin A.N. Obwee uchenie o sostave prestuplenija. M., 1957. S. 6; Piontkovskij A.A., Men'shagin V.D. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Osobennaja chast'. M., 1955. T. 1. S. 32; Kurinov B.A. Nauchnye osnovy kvalifikacii prestuplenij. M., 1984; Kurmanov K.Sh. Kvalifikacija prestuplenij: teorija i praktika: Ucheb. posobie. Bishkek, 2001. S. 5; Bol'shoj juridicheskij slovar' / Pod red. A.Ja. Suhareva i dr. M., 1997. S. 274).

[3] Sm.: Postanovlenie Verhovnogo Suda Kyrgyzskoj Respubliki ot 02.02.2001 g. № 1 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvujuwimi i jadovitymi vewestvami» // IPS «TOKTOM Student».

[4] Sm.: Kobzar' I.A. Organizacionnye i pravovye osnovy protivodejstvija prestupnosti nesovershennoletnih v perehodnyj period: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2002. S. 219; Min'kovskij G.M., Pobegajlo Je.F., Revin V.P. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s p'janstvom, alkogolizmom, narkomaniej i toksikomaniej: Ucheb. posobie. M., 1990. S. 67.

[5] Sm.: Speranskij K.K. Sklonenie nesovershennoletnih k potrebleniju narkoticheskih sredstv // Juridicheskaja nauka v Kubanskom gosudarstvennom universitete: Sb. nauch. tr. Krasnodar, 1995. S. 229–230.

[6] Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Kyrgyzskoj Respubliki // IPS «TOKTOM Student»

[7] Informacionnyj bjulleten' Glavnogo sledstvennogo upravlenija MVD Kyrgyzskoj Respubliki. № 18. Bishkek, 2008. S. 191.

[8] Sajakova M.K. Bor'ba s narkotizmom nesovershennoletnih v Kyrgyzskoj Respublike. Dis. ... kand. jurid. nauk. Bishkek, 2001. S. 88.

[9] Sm.: Otchety o rabote sudov po rassmotreniju ugolovnyh del za 2001–2009 gg. (forma 1) // Arhiv Sudebnogo departamenta Kyrgyzskoj Respubliki.

[10] Sm.: Tam zhe.

[11] V dannom sluchae priemlem termin «viktimnaja motivacija».

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Создание службы пробации для несовершеннолетних в России

Е.Л. ВОРОНОВА – судья Ростовского областного суда, ответственный секретарь рабочей группы при Совете судей Российской Федерации по созданию и развитию ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской Академии правосудия

Статья посвящена актуальной проблеме создания службы пробации, которая эффективно решала бы одновременно как задачи контроля за исполнением уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних осужденных, а также подростков и молодых людей, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы за совершенное в несовершеннолетнем возрасте преступление, так и задачи их социально-правовой и психологической реабилитации, социального сопровождения и помощи. Автором определяются возможности и направления создания такой службы на базе существующих уголовно-исполнительных инспекций. Анализируется опыт Ростовской области, где в судах общей юрисдикции внедряются ювенальные технологии.

Ключевые слова: служба пробации; несовершеннолетние осужденные; уголовно-исполнительные инспекции; социальное сопровождение; условное осуждение; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; ювенальные технологии.

Organisation of probation service for juveniles in Russia

E.L. VORONOVA – a judge, the Rostov regional court, executive secretary of the working team under the RF Judicial Council for creation and development of juvenile justice in the RF jurisdiction system, professor assistant of the Chair of criminal-executive disciplines, the Russian Academy of Justice in Rostov

The article is devoted to the urgent issue of juvenile probation service creation which would help to control the execution of criminal penalties not relating to incarceration and other criminal executive measures regarding juvenile offenders, and young people under age released on parole that committed a crime, their social and legal rehabilitation, and social support. The author marks the possibilities and course of probation service creation of this kind on the basis of the current criminal-executive inspections. She analyzes the experience of the Rostov region where in the courts of general jurisdiction juvenile techniques are implemented.

Key words: probation service; juvenile offenders; criminal-executive inspections; social support; release on parole.

В настоящее время как в научной литературе, так и в средствах массовой информации обсуждаются вопросы совершенствования правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних (ювенальной юстиции), речь идет о необходимости создания службы пробации для несовершеннолетних.

В 2006–2009 гг. в рамках российско-канадского проекта «Усовершенствование работы с молодежью группы риска в Российской Федерации» (проект МГР) в Ростовской, Брянской, Московской областях, Республике Чувашии, Ставропольском крае, г. Москве отрабатывались опытные модели пробации для несовершеннолетних, формировался

российский инструментарий оценки рисков и потребностей. Начиная с 2007 г. в г. Ростове-на-Дону и области в разных научных и учебных учреждениях было проведено около десяти региональных и межрегиональных научно-практических семинаров, конференций, круглых столов и тренингов.

Ряд семинаров-тренингов по этой теме был также организован в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Чувашии, Брянской области, Ставропольском крае.

Правосудие в отношении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом (ювенальная юстиция), включает в себя руководящие принципы, нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а также методы воздействия, специально предназначенные для работы с детьми, преступившими закон[1].

Суд, рассматривающий дела о преступлениях несовершеннолетних, является важным, но не единственным звеном системы правосудия в отношении последних.

Работа судей, рассматривающих уголовные дела о преступлениях и правонарушениях подростков, теряет всякий смысл, если в ней отсутствует взаимодействие с органами, исполняющими судебные решения.

Судьи, специализирующиеся на рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних и внедряющие в уголовное судопроизводство ювенальные технологии, используют знания в области не только права, но и детской психологии, педагогики, криминологии, виктимологии, конфликтологии. В судебном заседании при рассмотрении дела о преступлении, совершенном подростком, судом тщательно исследуются личность несовершеннолетнего и условия его жизни и воспитания, влияние на него старших по возрасту лиц, в первую очередь родителей, устанавливаются причины совершения преступления и определяются меры индивидуальной профилактической работы, которые следует реализовать, выясняется, какую помощь необходимо оказать подсудимому и его семье для преодоления негативных последствий совершенного преступления с тем, чтобы исключить рецидив.

Сегодня в России суды, использующие ювенальные технологии и руководствующиеся при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей общепризнанными принципами и нормами международного права, отдают приоритет не карательным, а гуманным мерам, стремятся назначить наказания, не связанные с изоляцией от общества.

В таких условиях крайне важно, чтобы лояльность государства в сфере уголовной политики не была воспринята подростком как безнаказанность, чтобы внедрялись новые формы и методы профилактической работы с несовершеннолетними в целях их исправления и предупреждения повторного совершения преступлений.

В частном постановлении, вынесенном по результатам судебного разбирательства дела в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ, суд указывает органам и службам системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на необходимость проведения индивидуальной профилактической работы в соответствии с Федеральным законом от 24.06.1999 г. № 12-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Такая индивидуальная профилактическая работа призвана содействовать социально-педагогической коррекции поведения несовершеннолетнего, защите его прав и интересов и предупреждению самой возможности совершения им преступлений в будущем. Осуществляется она органами и службами системы профилактики безнадзорности и правонарушений только до достижения подростком возраста 18 лет.

Главным координирующим органом по отношению к таким службам выступают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП). При этом уголовно-исполнительные инспекции не входят в систему органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

По достижении совершеннолетия осужденный автоматически снимается с учета КДНиЗП, отвечающей за проведение с ним индивидуальной профилактической работы, и оказывается один на один со своими проблемами, среди которых стоит назвать сложности в получении образования, освоении профессии, трудоустройстве, психологической сфере и т.п.

Несовершеннолетний, осужденный к наказанию, которое отбывается в обществе, после суда оказывается под контролем уголовно-исполнительной инспекции. Инспекция в соответствии с законодательством не способна в полной мере реализовать цели правосудия в отношении несовершеннолетних, установленные Пекинскими правилами, а именно: обеспечить благополучие несовершеннолетнего и его семьи.

На уголовно-исполнительные инспекции возложен контроль за исправлением несо-

вершеннолетних, отбывающих наказание в обществе, но они не обладают полномочиями по проведению реабилитационных мероприятий, социальному сопровождению и оказанию помощи в ресоциализации.

Если до достижения осужденным 18-летия уголовно-исполнительные инспекции еще могут ожидать содействия в оказании подростку помощи со стороны КДНиЗП, то после у УИИ остается только одно полномочие – контроль за поведением и исправлением.

Следующая проблема – это социальная реабилитация условно-досрочно освобождающихся из мест лишения свободы. Если им еще не исполнилось 18 лет, они попадают в ведение КДНиЗП, которые по закону призваны оказывать помощь в социализации после выхода из колонии. Если же из колонии выходит молодой человек, отбывавший наказание в виде лишения свободы за совершенное в несовершеннолетнем возрасте преступление, то он уже не может рассчитывать на поддержку со стороны КДНиЗП. Законом предусмотрено только осуществление органами внутренних дел контроля по месту жительства за поведением освобожденного. При этом на ОВД не возлагается обязанность по оказанию последнему какой-либо социальной помощи. Не наделены полномочиями по социальной работе с условно-досрочно освободившимися из мест лишения свободы молодыми людьми и уголовно-исполнительные инспекции.

Таким образом, из системы социальной реабилитации молодых людей, отбывающих наказание в обществе и вернувшихся условно-досрочно из мест лишения свободы, выпадает важнейшее звено, поскольку в России нет единого органа, который бы занимался ресоциализацией и реабилитацией названной категории лиц.

Практика работы судов Ростовской области и других регионов России с применением ювенальных технологий показала, что совершенствование правосудия в отношении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, не ограничивается только рамками повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности судов. Одним из важнейших звеньев правосудия в отношении несовершеннолетних, непосредственно реализующих его цели, является система исполнения наказаний. По нашему мнению, необходимо изменение уголовно-исполнительного законодательства, направленное на создание службы пробации для несовершеннолетних.

Опыт Ростовской области по совершенствованию правосудия в отношении подростков и отработка механизма взаимодействия судей с органами и службами системы профилактики, а также некоторые предварительные итоги работы четырех специализированных судебных составов по делам несовершеннолетних Таганрогского, Азовского, Шахтинского городских и Егорлыкского районного судов (с легкой руки журналистов получивших название модельных ювенальных судов) показывают, что назрела настоятельная необходимость в создании службы пробации для несовершеннолетних.

Пробация – уголовный надзор (уголовная опека). Термин пришел к нам из западных правовых систем, в которых служба пробации отделена от пенитенциарной службы[2]. Пенитенциарная система занимается исполнением наказания в виде лишения свободы (тюрьмы). Пробация ориентирована не просто на контроль за осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, но и на помощь в социальной адаптации, реабилитации, включая меры по трудоустройству, оказанию помощи в обеспечении жильем (например, наличие специальных общежитий), включение осужденных в различные программы психологической коррекции и реабилитации, назначенные судом. При этом следует отметить, что практически во всех европейских странах, а также Канаде и США в структуре службы пробации обязательно имеется специализация по осуществлению уголовного надзора за несовершеннолетними[3]. Опыт законодательного регулирования, организации деятельности и подготовки сотрудников службы пробации в зарубежных странах, особенно в наиболее близких к нам исторически с точки зрения правовых систем (например, Латвии и Эстонии)[4], может оказаться чрезвычайно полезным при решении аналогичных проблем у нас в стране.

Пробация – это система контроля и оказания социальной помощи лицам, отбывающими наказание в обществе, а также лицам, освободившимися из мест лишения свободы, в том числе условно-досрочно. Основное ее предназначение – социальная реабилитация, социальная помощь, ресоциализация, то есть социальная поддержка и контроль за поведением осужденных и освободившихся из колоний лиц. Осуществляется она в целях предупреждения повторного совершения преступлений[5].

В сегодняшних российских экономических условиях сложно вести речь о создании некой абсолютно новой службы. Возможно, целесообразнее проводить поэтапное реформирование действующей системы исполнения наказаний, дополняя сферу от-

ветственности уголовно-исполнительных инспекций полномочиями по социальному сопровождению и социальной адаптации осужденных, отбывающих наказание в обществе, и условно-досрочно освобожденных из учреждений лишения свободы. При этом можно постепенно решать вопросы дополнительного финансирования, введения в штаты УИИ специалистов-соцработников и психологов, повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, как и судей (по вопросам права, педагогики, виктимологии, криминологии, социологии, конфликтологии). Отработку элементов пробации для несовершеннолетних следует осуществлять в рамках экспериментальных (пилотных) проектов, проводимых одновременно в нескольких регионах России.

Какие же направления реформирования законодательства в целях создания службы пробации для несовершеннолетних возможны в России?

В России контроль за исполнением наказаний, которые отбываются в обществе, осуществляют уголовно-исполнительные инспекции системы Федеральной службы исполнения наказаний (обязательные работы, исправительные работы, условное осуждение по ст. 73 УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Однако в соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.02.1999 г. № 199, перед этими органами не стоит задачи оказания помощи в социальной адаптации лицам, состоящим на учете в УИИ. Там определяется только общая задача – предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете.

Поэтому первой проблемой, которая должна быть решена в рамках реформирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций, представляется правовое регулирование вопросов социального сопровождения находящихся на контроле в УИИ осужденных, оказания им социальной помощи и поддержки.

Второй важный аспект – это работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Именно эта категория «выпала» из системы ресоциализации и оказания помощи в социальной адаптации. По действующему российскому законодательству, уголовно-исполнительные инспекции не работают с этой категорией лиц. Единственное, что предусмотрено законом, – это контроль за лицами, условно-досрочно освободившимися из мест лишения свободы. Соответствующая функция согласно закону «О милиции» возложена на органы внутренних дел по месту жительства. В то же время решением вопросов оказания названной категории граждан помощи в социальной адаптации органы внутренних дел заниматься не обязаны.

Отсутствие правового регулирования деятельности по социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание в обществе, а также лиц, освободившихся из мест лишения свободы, на сегодняшний день является одной из причин возникновения рецидива преступлений.

В соответствии со ст. 73 УК РФ при условном осуждении и установлении испытательного срока суд может обязать осужденного исполнять определенные обязанности: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного (уголовно-исполнительной инспекции); не посещать определенные места; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; осуществлять материальную поддержку семьи и др. При этом закон не содержит указания на то, какими могут быть иные обязанности.

На практике же лицо становится на учет в уголовно-исполнительной инспекции, задача которой на сегодняшний день состоит только в контроле за исполнением возложенных судом обязанностей.

Например, суд обязует лицо осуществлять материальную поддержку семьи, а то не может самостоятельно трудоустроиться. Что в данном случае делает уголовно-исполнительная инспекция? Формально она может обратиться в суд с представлением об отмене условного осуждения в связи с неисполнением осужденным обязанности материальной поддержки семьи и о направлении его для реального исполнения наказания, например, в места лишения свободы. Применительно к несовершеннолетним речь может идти об обязанности возвратиться в образовательное учреждение или трудоустроиться. Сам подросток, как показывает практика, не способен решить эти проблемы: в школе его не ждут так же, как не ждут в центре занятости и трудоустройства. Итог – это неисполнение возложенных судом обязанностей и представление уголовно-исполнительной инспекции в суд об отмене условного осуждения.

В числе других обязанностей, которые может наложить суд на условно осужденного

несовершеннолетнего, можно было бы предусмотреть прохождение курса психологической коррекции (применение методик снятия агрессии и т.п.). Такие программы в Ростовской области уже осуществляются психологом уголовно-исполнительной инспекции г. Таганрога на основании судебных решений Таганрогского городского суда (например, при применении судом ст. 73 УК РФ).

Однако работа в этом направлении в России повсеместно психологами уголовно-исполнительных инспекций не ведется, на постоянной основе и для всех регионов такие механизмы не разрабатываются, услуги различных центров по их созданию не востребованы уголовно-исполнительными инспекциями, в то время как в зарубежных системах именно служба пробации выступает заказчиком этих программ, получает финансирование на их осуществление, сама контролирует их прохождение осужденными. При наличии таких условий в России суды могли бы своим решением возлагать на осужденного соответствующие обязанности, а уголовно-исполнительные инспекции непосредственно их реализовывать и осуществлять необходимый контроль.

Кроме того, следует предусмотреть возможность оказания уголовно-исполнительными инспекциями помощи осужденным в решении бытовых проблем, трудоустройстве. Это можно было бы осуществлять в рамках договоров данных инспекций с муниципальными органами власти.

В этой связи следует отметить, что сегодня также важно законодательное закрепление механизма взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами и учреждениями государственной системы профилактики, муниципальными органами власти. На данный момент ни Федеральный закон от 24.06.99 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ни Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, ни Положение об уголовно-исполнительных инспекциях такового не устанавливают.

На уголовно-исполнительные инспекции, представляется, следует возложить функцию по контролю за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и оказанию им помощи в социальной адаптации.

Например, ст. 79 УК РФ предусмотрено условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы. Решение о нем по ходатайству осужденного принимает только суд. Суд может возложить на лицо, условно-досрочно освобождаемое от отбывания наказания, предусмотренные ст. 73 УК РФ обязанности, которые должны этим лицом исполняться в течение оставшейся неотбытой части наказания. При этом суд в своем постановлении должен указать орган, на который возлагается контроль за исполнением возложенных на лицо обязанностей, и копию постановления направить туда. На практике суд отправляет копию судебного решения в ОВД по месту жительства освобождаемого.

Зачастую такое лицо сталкивается с проблемой невозможности исполнения возложенных на него судом обязанностей по объективным причинам (обязанность возвратиться в образовательное учреждение, трудоустроиться и т.п.). Нет органа, в который ему можно обратиться за помощью.

Еще одной недоработкой является то, что социальная и психологическая работа, начатая с осужденными в воспитательных колониях, сегодня не имеет продолжения после отбытия ими наказания. Во многих учреждениях, в которых лица отбывают наказание в виде лишения свободы (колонии), созданы психологические службы, службы социальной адаптации, однако их работа прекращается при условно-досрочном освобождении лица, поскольку вне стен колонии нет единого учреждения, которое могло бы взяться за нее.

В Азовской воспитательной колонии для несовершеннолетних мальчиков межрегиональной психологической лабораторией ГУФСИН по Ростовской области проводилось анонимное анкетирование воспитанников. На один из поставленных вопросов – на чью помощь вы рассчитываете после освобождения из колонии с тем, чтобы избежать повторного совершения преступления, и кому вы доверяете – большинство ответили, что доверяют психологам и ждут помощи от них.

В Азовской воспитательной колонии проводилось апробирование технологий оценки рисков и потребностей. Воспитательная и психологическая служба этого учреждения организует курсы психологической коррекции воспитанников, может готовить для суда, рассматривающего ходатайство об условно-досрочном освобождении, конкретные предложения о том, какой вариант психологической коррекции целесообразно было бы реализовать в отношении несовершеннолетнего по выходе из колонии.

Однако в настоящее время, во-первых, нет правовых оснований для того, чтобы при условно-досрочном освобождении из колонии

суд возложил бы на несовершеннолетнего обязанность продолжить прохождение курса психологической коррекции в психологической службе уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства, а во-вторых, требуемые программы на базе уголовно-исполнительных инспекций для названной категории лиц не разрабатываются.

Помимо прочего, необходимо правовое регулирование взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с учреждениями, исполняющими наказание в виде лишения свободы. Например, до истечения срока нахождения осужденного в колонии инспекторы уголовно-исполнительных инспекций могли бы посетить ее, составить досье на лицо, подлежащее освобождению, с тем чтобы уже по месту жительства он был своевременно взят на учет в уголовно-исполнительной инспекции, которая не только будет осуществлять за ним контроль, но займется и социальным сопровождением, и оказанием помощи в трудоустройстве и других вопросах.

Другое направление совершенствования работы уголовно-исполнительных инспекций – это работа с лицами, на которых судом возложена обязанность пройти, например, курс лечения от алкоголизма, наркомании. Должно быть четко регламентировано в законе взаимодействие УИИ с учреждениями, в которых осужденные будут лечиться.

Еще одна сфера, нуждающаяся в правовом регулировании, – это контроль за лицами, осужденными за преступления против детей, в том числе против их половой неприкосновенности. Должно стать обязательным ведение учета таких лиц в уголовно-исполнительных инспекциях, необходимо тесное взаимодействие последних с органами внутренних дел, следственными органами, специалистами-психиатрами. После освобождения из мест лишения свободы лиц, осужденных за преступления против детей, сексуальные преступления, безусловно, требуется организация контроля за ними. Все эти действия целесообразно поручить уголовно-исполнительным инспекциям.

Представляется, что реализация предложенных изменений в правовой регламентации и организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций позволит создать полноценную службу пробации в отношении несовершеннолетних России. Возникновение ее потребует повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительных инспекций для работы в условиях развития судебно-правовой реформы, а также существенного материально-технического и кадрового укрепления их деятельности. В связи с формированием системы ювенальной юстиции необходима специализация инспекторов уголовно-исполнительных инспекций по работе с несовершеннолетними осужденными, профессиональная подготовка сотрудников в области не только права, но и психологии, педагогики.

Пробация для несовершеннолетних может начать формироваться уже сегодня, что подтверждается в реализации отдельных ее элементов судами и уголовно-исполнительными инспекциями Ростовской области и ряда других регионов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Руководство ООН по оценке показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних. www.juvenilejustice.ru

[2] См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001; Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). СПб., 2005. С. 6, 11.

[3] Автор имел возможность познакомиться с работой зарубежных служб пробации: в Германии и Франции в ходе международной конференции «Причины и профилактика преступности среди молодежи в европейских странах» (на примере Франции, Германии, России), состоявшейся в мае 2003 г.; в июне 2007 г. в рамках круглого стола в г. Париже, организованного Министерством юстиции Франции и Посольством Франции в России; в Канаде в сентябре–октябре 2003 г. и сентябре–октябре 2008 г., а также в октябре 2008 г. в Латвии в рамках обучающих туров «Ювенальная юстиция», организованных для российских специалистов Канадским агентством международного развития; в США в мае 2004 г. (штат Кентукки) в рамках проекта «Верховенство закона» программы «Открытый мир».

[4] См.: Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). С. 11; Служба пробации Латвии. Рига, 2004. С. 4.

[5] См.: Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). С. 52–65.

[1] Sm.: Rukovodstvo OON po ocenke pokazatelej v oblasti pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih. www.juvenilejustice.ru

[2] Sm.: Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. Obwaja chast' / Pod red. I.D. Kozochkina. M., 2001; Obzor zakonodatel'stva skandinavskih i baltijskih stran po sluzhbe probacii (ugolovnomu nadzoru). SPb., 2005. S. 6, 11.

[3] Avtor imel vozmozhnost' poznakomit'sja s rabotoj zarubezhnyh sluzhb probacii: v Germanii i Francii v hode mezhdunarodnoj konferencii «Prichiny i profilaktika prestupnosti sredi molodezhi v evropejskih stranah» (na primere Francii, Germanii, Rossii), sostojavshejsja v mae 2003 g.; v ijune 2007 g. v ramkah kruglogo stola v g. Parizhe, organizovannogo Ministerstvom justicii Francii i Posol'stvom Francii v Rossii; v Kanade v sentjabre–oktjabre 2003 g. i sentjabre–oktjabre 2008 g., a takzhe v oktjabre 2008 g. v Latvii v ramkah obuchajuwih turov «Juvenal'naja justicija», organizovannyh dlja rossijskih specialistov Kanadskim agentstvom mezhdunarodnogo razvitija; v SShA v mae 2004 g. (shtat Kentukki) v ramkah proekta «Verhovenstvo zakona» programmy «Otkrytyj mir».

[4] Sm.: Obzor zakonodatel'stva skandinavskih i baltijskih stran po sluzhbe probacii (ugolovnomu nadzoru). S. 11; Sluzhba probacii Latvii. Riga, 2004. S. 4.

[5] Sm.: Obzor zakonodatel'stva skandinavskih i baltijskih stran po sluzhbe probacii (ugolovnomu nadzoru). S. 52–65.

К вопросу о предоставлении служебных жилых помещений в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы

С.А. ПАВЛОВСКИЙ – старший юрисконсульт ВИПЭ ФСИН России, адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье проводится анализ порядка предоставления служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пользования ими. Автор указывает на необходимость регламентации в ведомственных нормативных или локальных правовых актах вопросов предоставления служебных жилых помещений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: служебные жилые помещения; специализированный жилищный фонд; уголовно-исполнительная система; сотрудник уголовно-исполнительной системы; работник уголовно-исполнительной системы; нормативный правовой акт; локальный правовой акт; положение; распоряжение.

Towards the question of a berthing space rendering in law-enforcement system's bodies and establishments

S.A. PAVLOVSKI – a senior legal expert of the Vologda Institute of Law and Economics, a post-graduate student of the administrative-law academic discipline of the Vologda Institute of Law and Economics, captain of internal affairs

In the article the order of rendering and use of an auxiliary berthing space from specialized housing facilities in law-enforcement system's bodies and establishments is analyzed. The author pays attention to the necessity to regulate the problems of a berthing space rendering in law-enforcement system's bodies and establishments in departmental standard and local legal acts.

Key words: auxiliary berthing space; specialized housing facilities; law-enforcement system; officer of the law-enforcement system; staff of the law-enforcement system; standard legal act; local legal act; condition; order.

В настоящее время в условиях реформирования правоохранительной системы государства, перемен, произошедших в социальной и экономической сферах общества, возникла необходимость пересмотра жилищного законодательства, в том числе разработки ведомственного нормативного правового акта и(или) локального правового акта органа (учреждения) уголовно-исполнительной системы, регулирующего отношения по порядку предоставления служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда соответствующих органов и учреждений, в связи с существенным изменением правового режима специализированных жилых помещений. Данное обстоятельство не может не вызывать интерес у исследователей ведомственного нормотворчества в уголовно-исполнительной системе.

Вопросы по порядку предоставления служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда с момента вступления в силу Жилищного кодекса Российской Федерации[1] (далее – ЖК РФ) являлись предметом пристального внимания многих исследователей и нашли широкое отражение в юридической науке. Значительное внимание этой теме было уделено в трудах В.Е. Карбашова, П.В. Крашенинникова, А.В. Кудашкина, Р.А. Трощенко, С.В. Шанхаева[2] и др.

Целью предоставления служебного жилого помещения специализированного жилищного фонда является создание надлежащих жилищно-бытовых условий для выполнения служебных (трудовых) обязанностей граждан и (или) улучшения жилищных условий его пользователей. Однако при этом следует иметь в виду, что служебные жилые помещения являются временными жилыми помещениями, поэтому снятие с учета лиц, нуждающихся в жилом помещении постоянного пользования, будет неправомерным.

В ст. 40 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на жилище[3]. Кон-

ституционное право граждан на жилище относится к основным правам человека и заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных основаниях, предоставлении жилища из государственного, муниципального и других жилищных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оказании содействия гражданам в улучшении своих жилищных условий.

Основные принципы, формы и порядок реализации права граждан на жилище определены в ЖК РФ. В настоящее время жилищное обеспечение работников уголовно-исполнительной системы регламентируется данным кодексом, а также законодательством о статусе лиц, имеющих специальные звания (далее – сотрудники), и лиц, не имеющих специальных званий (далее – работники).

В зависимости от целей назначения жилых помещений в ч. 1 ст. 92 ЖК РФ определен перечень видов помещений, относящихся к жилым помещениям специализированного жилищного фонда:

– служебные жилые помещения;

– жилые помещения в общежитиях;

– жилые помещения маневренного фонда;

– жилые помещения в домах системы социального обслуживания населения;

– жилые помещения фонда для временного поселения вынужденных переселенцев;

– жилые помещения фонда для временного поселения лиц, признанных беженцами;

– жилые помещения для социальной защиты отдельных категорий граждан.

В соответствии с указанной правовой нормой служебные жилые помещения относятся к отдельному виду жилых помещений специализированного государственного или муниципального жилищных фондов и могут использоваться в качестве специализированного жилого помещения только после отнесения такого помещения к специализированному жилищному фонду с соблюдением требований и в порядке, которые установлены уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Включение жилого помещения в специализированный жилищный фонд с отнесением такого помещения к определенному виду специализированных жилых помещений и исключение жилого помещения из указанного фонда осуществляются на основании решений органа, управляющего государственным или муниципальным жилищным фондом.

Применительно к уголовно-исполнительной системе органом, осуществляющим управление государственным жилищным фондом, является ФСИН России. Отнесение жилых помещений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, переданных учредителем по договорам о передаче имущества в оперативное управление, к числу служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда выполняется на основании соответствующих распоряжений ФСИН России.

В законодательстве Российской Федерации не раскрыто понятие «служебное жилое помещение», лишь в п. 5 Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.01.2006 г. № 42 «Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений»[4], указано, что к служебным жилым помещениям относятся отдельные квартиры. Также ст. 93 ЖК РФ закрепляет предназначение служебного жилого помещения. В соответствии с указанной нормой ЖК РФ служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным унитарным предприятием, государственным или муниципальным учреждением, прохождением службы, назначением на государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации либо избранием на выборные должности в органы государственной власти или органы местного самоуправления. Законодательство Российской Федерации не устанавливает порядок предоставления служебных жилых помещений сотрудникам и работникам уголовно-исполнительной системы, при этом отдельные организационно-распорядительные и информационно-методические документы Минюста и ФСИН России, в свою очередь, не вносят достаточной ясности в решение рассматриваемого вопроса.

К примеру, в Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков в настоящее время действуют инструкции по организации работы, связанной с предоставлением служебных жилых помещений[5], регулирующие порядок предоставления

служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда.

В условиях отсутствия нормативного регулирования порядка предоставления служебных жилых помещений сотрудникам и работникам ФСИН России жилищно-бытовые комиссии органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, имеющих служебные жилые помещения, при решении вопросов о предоставлении служебного жилья сталкиваются с целым рядом проблемных вопросов, например:

– очередность предоставления сотрудникам и работникам уголовно-исполнительной системы служебных жилых помещений в условиях ограниченности специализированного жилищного фонда;

– очередность предоставления служебных жилых помещений сотрудникам и работникам, состоящим и не состоящим на учете по улучшению жилищных условий;

– возможность предоставления служебных жилых помещений работникам уголовно-исполнительной системы (с позиции буквального толкования ст. 93 ЖК РФ можно сделать вывод о невозможности предоставления служебных жилых помещений всем категориям работников, так как отсутствует определение понятия «характер трудовых отношений с органом государственной власти, государственным учреждением»);

– порядок ведения учета предоставления служебных жилых помещений вышеуказанным категориям сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы;

– оформление документов для вселения в предоставленную служебную квартиру;

– заключение договора найма служебного жилого помещения[6].

Нельзя не согласиться с С.В. Шанхаевым и В.Е. Карбашовым, которым решение указанных проблем видится в содержании ч. 2 ст. 99 ЖК РФ, в соответствии с которой специализированные жилые помещения предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте[7]. Иначе говоря, если сотрудник или работник уголовно-исполнительной системы проживает в собственном жилом доме, квартире, является членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма и т.д., то ему специализированное жилое помещение не может быть предоставлено.

Таким образом, в настоящее время вопросы предоставления служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда органов и учреждений уголовно-исполнительной системы не регламентированы законодательством Российской Федерации.

В целях обеспечения единого порядка предоставления служебных жилых помещений сотрудникам и работникам уголовно-исполнительной системы необходимо издание ведомственного подзаконного нормативного правового акта, регламентирующего данные вопросы. До момента вступления в силу соответствующего ведомственного нормативного документа регламентация поставленных вопросов на локальном уровне в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы позволит обеспечить качественное распределение имеющихся служебных жилых помещений и исключить предпосылки возникновения спорных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

[2] См.: Правовой режим служебного жилого помещения: проблемы правового регулирования и правоприменения // Право в Вооруженных силах. 2010. № 3.

[3] См.: СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

[4] См.: Там же. 2006. № 6. Ст. 697.

[5] См.: Приказ ФСБ России от 09.10.2006 г. № 478 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности работы, связанной с предоставлением служебных жилых помещений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 5; Приказ ФСКН России от 12.07.2005 г. № 224 «Об утверждении Инструкции по организации в органах наркоконтроля работы, связанной с предоставлением служебных жилых помещений» // Российская газета. 2005. 9 нояб.

[6] См.: Молодых А.В. Некоторые проблемы реализации военнослужащими Министерства обороны Российской Федерации и членами их семей права на служебное жилое помещение // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1.

[7] См.: Шанхаев С.В., Карбашов В.Е. Правовой режим служебного жилого помещения: проблемы правового регулирования и правоприменения // Право в Вооруженных силах. 2010. № 3. С. 53–60.

[1] Sm.: SZ RF. 2005. № 1 (ch. 1). St. 14.

[2] Sm.: Pravovoj rezhim sluzhebnogo zhilogo pomewenija: problemy pravovogo regulirovanija i pravoprimenenija // Pravo v Vooruzhennyh silah. 2010. № 3.

[3] Sm.: SZ RF. 2009. № 4. St. 445.

[4] Sm.: Tam zhe. 2006. № 6. St. 697.

[5] Sm.: Prikaz FSB Rossii ot 09.10.2006 g. № 478 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii v organah Federal'noj sluzhby bezopasnosti raboty, svjazannoj s predostavleniem sluzhebnyh zhilyh pomewenij» // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2007. № 5; Prikaz FSKN Rossii ot 12.07.2005 g. № 224 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii v organah narkokontrolja raboty, svjazannoj s predostavleniem sluzhebnyh zhilyh pomewenij» // Rossijskaja gazeta. 2005. 9 nojab.

[6] Sm.: Molodyh A.V. Nekotorye problemy realizacii voennosluzhawimi Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii i chlenami ih semej prava na sluzhebnoe zhiloe pomewenie // Rossijskij voenno-pravovoj sbornik. 2004. № 1.

[7] Sm.: Shanhaev S.V., Karbashov V.E. Pravovoj rezhim sluzhebnogo zhilogo pomewenija: problemy pravovogo regulirovanija i pravoprimenenija // Pravo v Vooruzhennyh silah. 2010. № 3. S. 53–60.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии

Е.В. ТИХОМИРОВ – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена изучению роли православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии в период с начала XIX до начала XX вв. Материал содержит исторический анализ законодательных актов и архивных источников. Создание Общества попечительного о тюрьмах в 1819 г. и дальнейшая его деятельность стали первой попыткой привлечения общественности к проблеме пенитенциарных учреждений России. Благодаря некоторому упорядочению частной и общественной благотворительности в местах лишения свободы под эгидой государства был облегчен доступ граждан к информации о реальном состоянии дел в тюремных учреждениях.

Ключевые слова: Общество попечительное о тюрьмах; нравственное исправление преступников; благотворительность; гуманизация условий содержания заключенных; места заключения; деятельности православного духовенства.

Participation of orthodox clergy in Obshchestva Popechitelnogo activity about Prisons in the Vologda province

E.V. TIKHOMIROV – the teacher of chair of Criminal trial and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics, captain of internal affairs

Article is devoted studying of a role of orthodox clergy in Obshchestva Popechitelnogo activity about Prisons in the Vologda province. The material covers the beginning period XIX – the beginnings of XX centuries the Material contains the analysis of acts during the various periods of history of the country, archival sources. Society creation попечительного about prisons in 1819 and its further activity was the first attempt public attraction to a problem of penitentiary establishments of Russia. Thanks to some ordering of private and public charity in places of imprisonment under the aegis of the state public access to the information on a real condition of prison establishments was facilitated.

Key words: Society попечительное about prisons; moral correction of criminals; charity; a humanization of conditions of the maintenance of prisoners; jails; activity of orthodox clergy.

Благотворительная деятельность в пенитенциарной сфере в Российском государстве имеет давнюю традицию, но долгое время она была бессистемной и организационно не оформленной[1]. Поэтому в целях упорядочения процесса оказания помощи осужденным и с использованием пенитенциарного опыта зарубежных государств по личной воле императора Александра I в 1819 г. было образовано Общество попечительное о тюрьмах. Правила его функционирования были утверждены в докладе министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицина «Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах» от 19.07.1891 г.[2] Образцом для создания этой организации послужило Британское библейское общество. Инициатором выступил английский филантроп В. Венинг, который после посещения российских тю-

ремных учреждений в записке императору Александру I «О состоянии мест заключения и меры по их улучшению» обосновывал ее возникновение необходимостью ликвидации в России «бесчисленных несовершенств, каковы находятся в сих заведениях, то есть тюрьмах, не только в Англии, но и во многих других государствах…»[3]. Британский опыт преобразования тюрем в соответствии с требованиями христианской морали заинтересовал императора, и вскоре общество было учреждено и стало действовать первоначально под личным патронажем монарха[4].

Перед Обществом попечительным о тюрьмах ставилась задача нравственного исправления преступников[5], достижение которой обеспечивалось «постоянным надзором за заключенными, наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности»[6]. Основная деятельность сводилась к благотворительности и нравственному воздействию на лиц, лишенных свободы. Каждый член общества должен был «подписаться на ежегодные приношения». Лица, делавшие единовременные взносы, именовались благотворителями общества[7].

Таким образом за счет общественных сборов упорядочивалось финансирование пенитенциарных заведений. Нравственное воздействие в отношении лиц, лишенных свободы, заключалось в снабжении их книгами духовного содержания, проведении чтений и бесед религиозного характера. Прямой обязанностью общества в числе прочего провозглашалось по возможности «сооружение церквей в местах заключения, где их нет, и содержание всех тюремных церквей в должном состоянии» [8].

Компетенция общества распространялась на все тюрьмы, работные и смирительные дома, съезжие дворы и другие места заключения[9].

В соответствии с правилами в сферу деятельности входило решение вопросов о средствах «на облегчение заключенных в содержании их»[10], усовершенствовании внутреннего распорядка мест заключения, современного положения мест заключения[11].

Для реализации организацией своих функций предусматривалось создание комитетов в столицах, губернских и портовых городах, а также соответствующих отделений в уездных городах. С 1822 г. по всей России таковые начали действовать. Комитеты и отделения состояли из лиц благородного, духовного и купеческого звания, однако позже в уездных отделениях появились и крестьяне, видимо, из числа зажиточных.

С утверждением и становлением Попечительного о тюрьмах общества, привлечением к его работе широкого круга представителей различных общественных слоев, развитием благотворительности появилась возможность разработки и практического решения вопросов изменения правил обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Привлекая благотворителей к преодолению насущных проблем тюрьмы, государственная власть демонстрировала свое стремление к гуманизации условий содержания заключенных.

Хотя Правила для Общества попечительного о тюрьмах и не являлись, по мнению И.В. Упорова, нормативным актом, их можно расценивать как «один из первых более или менее цельных действующих юридических документов, где определялись цели наказания в виде лишения свободы, раскрывались средства исправления, обозначались основные режимные требования»[12]. Общество стало первой в стране благотворительной организацией, учрежденной с целью оказания помощи заключенным без административных полномочий и пособий от казны, первоначально задумывавшейся как частный филантропический союз[13]. Так как места заключения и тюремное управление всецело находились в ведении правительства, общество могло осуществлять свои задачи только при содействии администрации и тюремного начальства. Члены комитетов имели право свободно посещать тюрьмы в любое время по своему желанию[14].

В 1831 г. усилиями Министерства внутренних дел и Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах была разработана и принята инструкция, которая, как считает А.П. Печников, представляла собой первые правила внутреннего распорядка общеимперского значения, поскольку закрепляла «весь комплекс мер, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы»[15], в том числе затрагивала деятельность тюремных церквей.

Так, комитеты должны были наблюдать:

«1) чтобы со стороны тюремных смотрителей соблюдаемы были установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами и правильному размещению их по званию, полу, возрасту и роду преступлений или обвинений;

2) чтобы назидание заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности было исполняемо неупустительно;

3) чтобы в установленные дни богослужение совершаемо было в тюремных церквах;

где же оных нет – молитвословия в особом помещении или арестантских камерах;

4) чтобы во время постов арестанты говели;

5) чтобы места заключения были снабжены книгами Святого Писания и духовно-нравственного содержания и чтобы воскресные и праздничные дни сопровождаемы были арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитве;

6) чтобы обвиненные судом при объявлении им приговора немедленно были устраняемы от сообщества с прочими арестантами, дабы духовный отец наедине подготовил их назиданием к достойному принятию Святых Таин и к перенесению заслуженного наказания с христианской покорностию и раскаянием»[16].

Из вышеизложенного видно, что большинство задач, поставленных перед попечительствами, наряду с контролем за соблюдением режимных требований прямо касается деятельности православного духовенства в местах лишения свободы. С этого момента религиозному воздействию на осужденных стало уделяться особое внимание, впервые зашла речь о тюремных библиотеках, хотя выбор книг ограничивался литературой духовного содержания. Постепенно функции Общества попечительного о тюрьмах расширились. С 1827 г. общество стало распоряжаться «кормовыми» деньгами арестантов, выделяемыми из казны, привлекались и дополнительные средства. С 1830 г. усилиями общества вводилась единая одежда для заключенных[17].

В конце XIX в. устав Общества попечительного о тюрьмах был включен в Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1890 г. (гл. 4). Отделение первое гл. 4 определяло цели создания общества, второе – закрепляло систему управления попечительствами, третье – регламентировало состав и порядок формирования комитетов и отделений Общества попечительного о тюрьмах. Основные функции общества не изменились, однако дополнением к ст. 92 свода от 28.06.1912 г. на попечительства было возложено и наблюдение за отоплением и освещением мест заключения.

В целях обеспечения организационных начал работы церкви в местах заключения в отчеты губернских попечительных о тюрьмах комитетов был введен специальный раздел о нравственно-религиозном воспитании заключенных. Кроме того, губернские комитеты разрабатывали программы по осуществлению этой работы[18].

Открытие уездных отделений общества происходило при деятельном участии православных иерархов и представителей духовенства, которые входили в состав попечительских органов.

Так, например, 15 июля 1834 г. открылось Великоустюжское отделение общества, в состав его наряду с чиновниками вошли архимандрит Архангельского монастыря Вениамин и священник Н. Басистов. 10 августа 1834 г. епископ Вологодский и Великоустюжский Стефан «в присутствии чиновников и духовенства, а равно и купечества» положил начало деятельности Вельского отделения. 1 сентября 1834 г. епископом Вологодским и Великоустюжским Стефаном при участии игумена Корнильево-Комельского монастыря Израиля открыто Грязовецкое отделение[19].

Статья 77 Устава о содержании под стражей устанавливала количество и должностное положение директоров губернских тюремных комитетов (так назывались попечительства в губерниях). В соответствии с ней существовало 9 постоянных директоров комитета, занимавших эти места по должности (губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, губернский врачебный инспектор, губернский инженер, городской голова, председатель губернской земской управы и полицмейстер). Остальные директора избирались и утверждались согласно ст. 73–75 устава. Например, кроме указанных должностных лиц в Вологодский губернский тюремный комитет входили архитектор, управляющий банка, три купца, потомственный гражданин и личный почетный гражданин г. Вологды[20].

Уездные отделения общества также состояли из директоров и возглавлялись председателем, избираемым из числа последних. Устав о содержании под стражей гласил, что директора не должны находиться под судом, принадлежать к сектам (ст. 78), обязаны делать ежегодные пожертвования (ст. 81). Размеры пожертвований в зависимости от уровня попечительства дифференцировались следующим образом: для членов столичных комитетов – не менее 15 руб. в год, губернских комитетов – не менее 10 руб. в год, уездных отделений – не менее 5 руб. в год с каждого[21]. Примечанием 5 устава из этого списка исключались лица, «принявшие на себя безвозмездно пещись о нравственном и физическом положении арестантов», то есть духовенство и медицинские работники. При вступлении в комитет или отделение общества лицо да-

вало подписку о согласии «поступить в звание директора и вносить ежегодно не менее (указывалась сумма) рублей»[22]. Как свидетельствует И.В. Упоров, во второй половине XIX в. «чиновники с готовностью вносили денежные средства, не желая далее этого включаться в деятельность комитетов и отделений»[23]. Данное обстоятельство снижало общую активность деятельности общества, усиливало формализм в его работе.

Как и в губернские комитеты, в уездные отделения часть директоров входила по занимаемой должности, остальные были представителями общественности и именовались «платными директорами» (в связи с обязанностью вносить вышеуказанные денежные пожертвования). Среди пяти директоров по должности были городской голова, председатель уездной земской управы, благочинный церковного округа, уездный врач, комиссар по административным и военным делам[24].

Примечательно, что представители православного духовенства состояли в данных органах и после Октябрьской революции, по крайней мере до лета 1918 г. Количество директоров уездных отделений варьировалось, видимо, в зависимости от потребностей конкретного уезда. Как представляется, в составе уездных отделений попечительств соблюдался определенный баланс интересов государственных чиновников и представителей общественности.

Интересные данные приводит О.Б. Молодов: в 1916–1917 гг. в составе Кадниковского уездного тюремного отделения было 10 директоров, Никольского и Яренского – 11, Великоустюжского – 12. Председательствовали в уездных отделениях различные должностные лица:

– уездные предводители дворянства (Грязовецкое, Кадниковское);

– уездные исправники (Тотемское, Никольское, Сольвычегодское);

– члены окружного суда (Вельское, Устьсысольское);

– председатель земской управы (Великоустюжское)[25].

В 1869 г. в составе уездных отделений общества находилось, как правило, по два представителя православного духовенства, один из которых был благочинным церковного округа или настоятелем собора в городе, где располагалось тюремное учреждение, в сане протоиерея.

В последние годы рассматриваемого периода православное духовенство продолжало активную деятельность в уездных отделениях попечительских органов и особенно широко в количественном отношении было представлено в Устьсысольском отделении – 5 священников из 16 директоров. Но, как правило, участие духовенства ограничивалось одним его представителем, реже – двумя.

Благополучие тюремных церквей во многом зависело и от личных пожертвований в пользу прихода. В данном деле значительную роль играл староста церкви, являющийся одним из директоров уездного отделения Общества попечительного о тюрьмах. Старостами, как правило, становились лица из купеческого сословия, избираемые попечительскими над тюрьмами комитетами на трехлетний срок и одобряемые управляющим епархии. Многие из них вносили большой вклад в обеспечение тюремных церквей культовым имуществом и содержание храма в целом. Ряд документов касается награждения старост тюремных церквей «за благотворительную и общеполезную деятельность по тюремному ведомству». Они не только организовывали финансово-хозяйственную сторону функционирования прихода, приводили мероприятия по ремонту храма, но нередко и сами щедро жертвовали в пользу церкви.

Так, например, вологодский купец Василий Киселев только в 1901 г. из личных средств выделил на благоустройство Скорбященской церкви Вологодского исправительно-арестантского отделения 2070 руб. 10 коп. – огромную по тем временам сумму. Не случайно начальник тюрьмы в своем рапорте докладывал, что «церковь в тюрьме привлекает массу молящихся из посторонней публики и… можно назвать ее одной из первых в Вологде». На начало XX в. в Вологде действовало более 50 православных храмов, и добиться подобного положения было непросто.

Примеров благотворительности существует множество. В частности, в течение 1895–1896 гг. купцом М.К. Носыриным, директором-казначеем тюремного отделения, были сделаны следующие пожертвования тюремной церкви: металлический высеребренный подсвечник ценою в 32 руб., 2 медные выбронзованные лампадки с цветными стаканчиками каждая по 5 руб., полное священническое облачение из легкой парчи синего цвета в 25 руб., одежда на Святой престол из белой шелковой материи – 35 руб., на поправку старой главы на церкви истрачено 15 руб.[26] В 1883 г. Вологодскому исправительно-арестантскому отделению пожертвовано купцом И.Н. Васильевым, «избранным церковным старостою и состоящим ныне попечителем», разной необходимой церковной утвари на сумму 393 руб. 56 коп.[27] При существовавших на тот период ценах указанные суммы были

весьма значительны и сопоставимы с ежегодным содержанием тюремных чиновников.

После Октябрьской революции 1917 г. Общество попечительное о тюрьмах продолжали действовать на существовавших ранее основаниях согласно телеграмме Наркомюста от 19.02.1918 г. Однако теперь Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах предоставлялось право формировать и утверждать состав директоров.

Несмотря на то, что общество задумывалось как благотворительное и, действительно, было таковым в других странах, в России эта организация приобрела гораздо более важное значение и наметила, по словам М.Н. Гернета, «новое направление в тюремной политике Российского государства, связанное с попытками совершенствования тюремной системы усилиями общественных благотворительных организаций». Мы согласны с позицией Л.С. Аладьиной, полагающей, что создание Общества попечительного о тюрьмах в 1819 г. явилось первой попыткой привлечения общественности к проблеме пенитенциарных учреждений России[29]. Вместе с тем, по мнению современников организации[30], это не привело к появлению реального общественного контроля за порядком и условиями содержаниями преступников в местах лишения свободы[28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Корочкова Л.Н. Развитие российских благотворительных организаций в области социально-педагогической помощи несовершеннолетним : история и современные тенденции : Дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2007. С. 22.

[2] См.: Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. XXXVI. № 27895. (далее – ПЗС).

[3] Там же.

[4] См.: Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 158.

[5] См.: ПЗС. Ст. I.

[6] Там же. Ст. II.

[7] См.: Там же. Ст. IV.

[8] Цит. по: Уголовно-исполнительная система: 125 лет / Под ред. Ю.Я. Чайки. М., 2004. С. 10–11.

[9] См.: ПСЗ. Ст. XIII.

[10] См.: Там же. Ст. XI.

[11] См.: Там же. Ст. XVI.

[12] Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 159–160.

[13] См.: Малинин Ф.Н. Роль общества в борьбе с преступностью (тюремный патронат). СПб., 1906. С. 30.

[14] См.: Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880. С. 23.

[15] Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649–1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 21.

[16] См.: ПЗС.

[17] См.: Кашпур Л. Человеколюбием исправлять (попечительству тюрем 180 лет) // Преступление и наказание. 1999. № 11. С. 39.

[18] См.: Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии. М., 1999. С. 44–45.

[19] См. подр.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества: Учеб. пособие. Вологда, 2006. С. 32.

[20] ГАВО. Ф. 4578. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

[21] См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. С. 33.

[22] Там же.

[23] Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 238.

[24] См.: ГАВО. Ф. 4578. Оп. 1. Д. 4. Л. 16–16об.

[25] См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. С. 34.

[26] См.: ГАВО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

[27] См.: Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

[28] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 102.

[29] См.: Аладьина Л.С. Уголовно-исполнительная политика Российского государства (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.): Моногр. Владимир, 2003. С. 34.

[30] См.: Малинин Ф.Н. Роль общества в борьбе с преступностью. С. 30.

[1] Sm.: Korochkova L.N. Razvitie rossijskih blagotvoritel'nyh organizacij v oblasti social'no-pedagogicheskoj pomowi nesovershennoletnim : istorija i sovremennye tendencii : Dis. ... kand. ped. nauk. Ufa, 2007. S. 22.

[2] Sm.: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1830. T. XXXVI. № 27895. (dalee – PZS).

[3] Tam zhe.

[4] Sm.: Uporov I.V. Penitenciarnaja politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija. SPb., 2004. S. 158.

[5] Sm.: PZS. St. I.

[6] Tam zhe. St. II.

[7] Sm.: Tam zhe. St. IV.

[8] Cit. po: Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: 125 let / Pod red. Ju.Ja. Chajki. M., 2004. S. 10–11.

[9] Sm.: PSZ. St. XIII.

[10] Sm.: Tam zhe. St. XI.

[11] Sm.: Tam zhe. St. XVI.

[12] Uporov I.V. Penitenciarnaja politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija. S. 159–160.

[13] Sm.: Malinin F.N. Rol' obwestva v bor'be s prestupnost'ju (tjuremnyj patronat). SPb., 1906. S. 30.

[14] Sm.: Nikitin V.N. Tjur'ma i ssylka. SPb., 1880. S. 23.

[15] Pechnikov A.P. Tjuremnye uchrezhdenija Rossijskogo gosudarstva (1649–1917 gg.): Istoricheskaja hronika. M., 2004. S. 21.

[16] Sm.: PZS.

[17] Sm.: Kashpur L. Chelovekoljubiem ispravljat' (popechitel'stvu tjurem 180 let) // Prestuplenie i nakazanie. 1999. № 11. S. 39.

[18] Sm.: Detkov M.G. Tjur'my, lagerja i kolonii. M., 1999. S. 44–45.

[19] Sm. podr.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugolovno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva: Ucheb. posobie. Vologda, 2006. S. 32.

[20] GAVO. F. 4578. Op. 1. D. 5. L. 42.

[21] Sm.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugolovno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. S. 33.

[22] Tam zhe.

[23] Uporov I.V. Penitenciarnaja politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija. S. 238.

[24] Sm.: GAVO. F. 4578. Op. 1. D. 4. L. 16–16ob.

[25] Sm.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugolovno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. S. 34.

[26] Sm.: GAVO. F. 1178. Op. 1. D. 2. L. 9.

[27] Sm.: Tam zhe. F. 114. Op. 1. D. 1. L. 5ob.

[28] Gernet M.N. Istorija carskoj tjur'my. M., 1951. T. 1. S. 102.

[29] Sm.: Alad'ina L.S. Ugolovno-ispolnitel'naja politika Rossijskogo gosudarstva (vtoraja polovina XVIII – pervaja chetvert' XIX v.): Monogr. Vladimir, 2003. S. 34.

[30] Sm.: Malinin F.N. Rol' obwestva v bor'be s prestupnost'ju. S. 30.

К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I

П.И. ЗИНЧЕНКО – аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В статье раскрываются вопросы процессуальной регламентации и тактические приемы ведения допроса через призму нормативных актов, принятых в эпоху царствования Петра I, и теоретических рекомендаций по тактике ведения допроса, разработанных современниками Петра Великого.

Ключевые слова: допрос; тактика допроса; Петр I; свидетели; пытка; Артикул воинский; краткое изображение процессов; суд; И.Т. Посошков; Книга о скудости и богатстве.

To the question of the history of procedural regulation and tactical methods of interrogation in Russia in the time of Peter I

P.I. ZINCHENKO – post-graduate of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation

The author researches an age of reign of Peter I (1682-1725), characterized by the considerable changes, concerned a majority of spheres of life of the Russian society, including jurisprudence. In article questions of a remedial regulation and tactical receptions of conducting interrogation through a prism of statutory acts of the specified period and theoretical recommendations about tactics of conducting the interrogation, developed by Peter the Great contemporaries reveal.

Key words: interrogation; interrogation tactics; Peter I; witnesses; torture; the Article Military; the Short image of processes; court; I.T. Posochkov; The Book about scarcity and riches.

Любое теоретическое исследование без изучения истории вопроса будет неполным, поскольку научное знание содержит информацию не только о результате, но и о процессе становления.

В свете изучения тактики допроса эпоха царствования Петра Великого (1682–1725 гг.) представляет собой несомненный интерес, поскольку до наших дней дошел ряд документов этого периода, содержащих рекомендации относительно процедуры проведения названного процессуального действия и тактики получения показаний.

Вхождение Петра I на престол ознаменовало собой начало целого ряда реформ, в том числе и в сфере судопроизводства. Указом «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21.02.1697 г.[1] по уголовным делам исковой судебный процесс, существовавший со времен Киевской Руси, заменялся государственным сыском. Сыск, проводившийся тайно, быстрыми темпами и без стеснения в средствах, более отвечал интересам государя, чем судопроизводство на принципах устности, гласности и состязательности сторон. Тем же самым указом вводилась смертная казнь за лжесвидетельство, что демонстрировало отношение власти к этому явлению.

Смертная казнь представляется нам чрезмерно суровым наказанием за данное преступление против правосудия, однако необходимость усиления ответственности ввиду распространенности лжесвидетельства сохранила актуальность и в современной правоприменительной практике. Как следствие, тактические приемы допроса, направленные на убеждение допрашиваемого лица в необходимости отказа от ложных показаний, должны стать более эффективными.

Указом от 30.03.1715 г. под названием «Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римских, цесарских и саксонских прав» Петр I законодательно закрепил за судом обязанность организации сыска: «Процесс есть сугубый (двоякий).

(1) Когда челобитчик, который на ответчика учиненного ради преступления пред судом жалобу приносит, и со оным только процесс имеют. (2) Когда судья ради своего чину по должности судебный вопрос и розыск чинит: где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление»[2].

Необходимо отметить, что согласно ст. 2 гл. 2 вышеназванного акта как гражданский, так и уголовный процессы проводились по единым правилам, изложенным в нем.

Составление «Краткого изображения процессов» приписывается обычно обер-аудитору русской армии в Польше Э.Ф. Кромпену, при этом считается, что окончательная редакция была сделана самим Петром I[3]. Помещение данного указа в один том вместе с воинскими артикулами и само его содержание дали основание полагать, что «Краткое изображение процессов» касалось совершения процессуальных действий только по воинским преступлениям[4]. Однако ряд исследователей указывают на регулярное применение норм «Краткого изображения процессов» и в уголовном, и в гражданском процессе[5]. М.Ф. Владимирский-Буданов по этому вопросу высказывался следующим образом: «Законодатель не объяснил, к какого рода судам и делам должно быть применено “Краткое изображение процессов”. Думать надобно, что по первоначальной его мысли применение его ограничивается военными судами»[6].

Некоторые ученые прямо говорили о применении этого указа в невоенных судах, ссылаясь на указ Петра I Сенату от 10.04.1716 г.[7] Другие исследователи (например, О.И. Чистяков), напротив, доказывали, что «Краткое изображение процессов» использовалось только военными судами[8]. Все же наиболее правильной нам представляется позиция М.А. Чельцова-Бебутова, который полагал, что «Краткое изображение процессов» было принято в качестве руководства для военных судов, но «практика его применения была более широка»[9].

В результате анализа текста указа необходимо отметить, что в гл. 5 «Об адвокатах и полномочных» впервые упомянут институт адвокатуры, позаимствованный Петром I из западной правовой системы. Адвокаты принимали участие в процессе вместо стороны, присутствие которой было невозможно по уважительным причинам (чаще всего это болезнь). Сам Петр I, скорее, негативно относился к адвокатам: «Однако ж, когда адвокаты у сих дел употребляются, оные своими непотребными пространными приводами судью более утруждают, и оное дело толь паче к вящему пространству, нежели к скорому приводят окончанию»[10].

Система доказательств выстраивалась последовательно и включала в себя четыре элемента: собственное признание, свидетельские показания, письменные доказательства и присягу.

Петр I считал собственное признание лучшим доказательством в мире. При этом им вводились требования к признанию вины: оно должно было быть заявлено перед судьей, в противном случае юридической силы не имело; должно было быть полным и при этом затрагивать такие обстоятельства и факты, которые бы не позволили сомневаться в его истинности; если человек признавался под пыткой в совершении преступления, а в суде отказывался от своих показаний, его следовало пытать снова, если же он, признавшись повторно, снова отказывался в суде от своих показаний, следовало пытать и в третий раз, когда и в третий раз подсудимый отказывался от признания под пыткой, его следовало отпустить, но при этом указывалось, что при возникновении новых подозрений лицо может быть вновь подвергнуто пытке.

Глава 3 «О свидетелях» посвящена второму типу доказательств – показаниям свидетелей. В качестве свидетелей должны были привлекаться лица женского и мужского пола – «добрые и беспорочные люди, которым можно верить»[11]. Имелся список из 17 пунктов, в котором перечислялись категории лиц, не допускаемых к даче свидетельских показаний в процессе. Среди них упоминались прелюбодеи, лица младше 15 лет, приверженцы неправославной веры и т.д. Инициатива по отводу свидетеля возлагалась на стороны, которые должны были сообщить суду о пороке, препятствующем допросу. Свидетели допрашивались судьей по месту нахождения суда, однако ст. 9 устанавливала исключение из данного правила: знатные особы, шляхетские жены или немощные могли быть допрошены по месту жительства секретарем и асессорами.

Имели место в «Кратком изображении процессов» и тактические рекомендации. Так, свидетелей допрашивали после ответчика (подсудимого). В результате суду легче было определить круг задаваемых вопросов и исследовать версию защиты. Вместе с тем имел место и обратный порядок: если свидетель был болен и мог в скором времени скончаться или собирался надолго уехать, то он мог дать показания и до начала

процесса. В таком случае получалось «свидетельство всегдашней памяти», которое использовалось в доказывании наряду с иными показаниями.

Подобные процессуальные моменты имеют особый практический интерес. В связи с развитием в современной России миграции населения получить показания непосредственно в ходе судебного следствия иногда затруднительно. Введение института судебного поручения в части допроса свидетелей или потерпевших судом по месту их нахождения с применением средств видеосвязи может значительно сократить сроки судебного разбирательства и судебные издержки. Также считаем необходимым ввести в уголовно-процессуальное законодательство норму, позволяющую по ходатайству сторон производить допрос свидетеля или потерпевшего до начала судебного следствия, но после поступления уголовного дела в суд при наличии возможности выезда допрашиваемого лица за пределы Российской Федерации или тяжелого состояния его здоровья.

Продолжая разговор о свидетелях, необходимо отметить, что при подходе к оценке их показаний имело место применение теории формальных доказательств. Доказательства делились на совершенные и несовершенные, причем оценивались в зависимости от приводящего их субъекта: свидетель мужского пола считался лучше свидетеля-женщины, знатный лучше худого, ученый лучше неученого, духовный лучше светского и т.д. Существовал и институт судебной очной ставки между свидетелями с целью устранения противоречий в их показаниях.

В настоящее время существует форма шахматного допроса, в ходе которого допрашивающий вправе ставить вопросы поочередно нескольким допрашиваемым лицам. Однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности постановки допрашиваемыми лицам вопросов друг другу. Не всегда на предварительном следствии проводятся очные ставки с целью устранения противоречий, в связи с чем мы считаем целесообразным ввести норму, позволяющую свидетелям ставить с разрешения суда вопросы друг другу по существу противоречий в их показаниях.

Говоря о пытках, которые предваряли допрос подсудимого, необходимо заметить, что Петром I впервые были приложены усилия для их регламентации. Если человек не признавался в совершении преступления, то пытать повторно его без получения дополнительных подозрений запрещалось. Судья нес ответственность за применение особо жестоких, не соответствующих тяжести содеянного методов. Не подлежали пыткам дворянство, лица старше 70 лет, подростки и беременные женщины, а также духовенство высоких рангов.

Среди источников права рассматриваемой нами эпохи особого упоминания достоин особый правовой акт – «Артикул воинский» от 26.04.1715 г.[12], регламентировавший различные стороны быта служивых людей. Глава XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» содержит в себе методику расследования заявлений об изнасиловании, а также тактические рекомендации по проведению допросов потерпевших.

Судье у заявительницы при допросе надлежало выяснять следующие обстоятельства: имеются ли повреждения на одежде, телесные повреждения, как давно совершено преступление, есть ли свидетели, почему поздно обратилась с заявлением (если прошло более суток), звала ли на помощь. При этом рекомендовалось особо обращать внимание на поведение допрашиваемой: «при котором случае ее притвор и поступки гораздо примечать потребно»[13]. Факт недоброй славы заявительницы еще не являлся основанием для отказа в расследовании, «ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честною женою, и надлежит судье не на особу, но на дело и самое обстоятельство смотреть»[14].

Считаем необходимым отметить, что за прошедшие два века данные рекомендации не потеряли своей актуальности и часто лишь выяснение в ходе допроса указанных обстоятельств позволяет следователю и суду отграничить правдивые показания от заведомо ложного доноса.

Определенным диссонансом по отношению к предшествующему законодательству звучит именной указ от 05.11.1723 г. «О форме суда», отменивший розыск и сделавший суд единственной формой судопроизводства. Если его толковать буквально, то получается, что он нивелировал все предшествующее процессуальное законодательство, в том числе и «Краткое изображение процессов». Однако М.Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что указ «О форме суда» первоначально применялся лишь в невоенных судах, военная же юстиция продолжала пользоваться «Кратким изображением процессов». Затем соотношение этих законов изменилось: указ стал применяться

в делах гражданских, а второй документ – в уголовных, причем как в военных, так и в невоенных судах. В дальнейшем эта двойственность форм процесса не удержалась: «как узаконения, так и практика решительно наклонялись в сторону инквизиционного процесса»[15].

Таким образом, мы наблюдаем некую двойственность и противоречивость в действиях Петра I. С одной стороны, он пытался внедрить в юриспруденцию все передовые достижения правоведения Европы, с другой же – пытался превратить суд в институт исполнения воли монарха. Все это отразилось на процессуальном законодательстве той эпохи, в результате чего историки до сих пор ведут спор об областях применения тех или иных указов.

Разработка проблем судопроизводства осуществлялась не только на государственном уровне, но и отдельными мыслителями той эпохи. Например, тактика допроса обвиняемых и свидетелей уже в более или менее систематизированном виде изложена И.Т. Посошковым – современником Петра I, который в своем труде «От чего приключается напрасная скудость и от чего гобзовитое богатство умножается» (труд в наше время более известен под названием «Книга о скудости и богатстве»)[16] обратил внимание на необходимость детализации показаний как эффективное средство изобличения лжи: «И как кого бог вразумит, надлежит в самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чем ни скажет, потому что в свидетельстве без меры много ложных свидетелей бывает, а на тонкостных расспросах мудрено ему ложь свою укрыть будет»[17].

Отметим, что в настоящее время тактический прием детализации показаний рекомендуется в учебных пособиях как одно из наиболее эффективных средств диагностики и изобличения ложных показаний, он не утратил своей актуальности как для предварительного следствия, так и для суда.

Т.И. Посошков полагал целесообразным допрос производить наедине в «особых чуланцах», чтобы во время его никто не мешал судье. Допрошенные лица должны были оставаться в отдельных комнатах, чтобы не иметь возможности общаться с еще не допрошенными свидетелями. Показания при этом следовало записывать дословно, дабы исключить возможность их последующего изменения.

Указанные рекомендации интересны тем, что в них впервые было предложено отделять допрошенных свидетелей от недопрошенных, чтобы исключить корректировку показаний с учетом услышанной от других лиц информации. Таким образом, Т.И. Посошковым была заложена основа для формирования тактического приема сопоставления показаний.

Т.И. Посошков отрицательно относился к институту судебного представительства: «И чтобы на суде и в допросах были исцы и ответчики, а не наемные ябедники, понеже ябедники ябедничеством своим и многословесием и самую правду заминают и праваго виноватым поставляют, а виноватого правым, и так правду заминают, что и судьи слов своих разобрать не могут»[18].

Предупреждал он и о необходимости раздельного содержания лиц, впервые совершивших преступления и уже ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, «потому что многие с приводу всю правду сказывают и в убийстве винятся. А когда старые колодники подкрепят, то уже и станет с себя оговаривать и с огня уже не будет виниться, и так иные и на свободу выходят»[19].

Таким образом, в труде Т.И. Посошкова помимо обсуждения вопросов государственного управления и экономики впервые в истории России обозначен серьезный подход к изучению вопросов тактики проведения судебного следствия, в том числе получения показаний. Впервые в работе даны основы тактических приемов детализации и сопоставления показаний. При этом субъектом использования тактических приемов выступает суд, который ввиду отсутствия на тот момент концепции разделения процессуальных функций осуществлял уголовное преследование от имени государства.

Интересной с точки зрения внедрения в законодательство и правоприменительную практику представляется возможность свидетелей ставить друг перед другом вопросы в ходе допроса в суде. Это, по нашему мнению, могло бы повысить эффективность тактических приемов, направленных на диагностику и изобличение ложных показаний (внезапность, детализация показаний, сопоставление показаний и др.). Особенно актуально данное предложение для допроса в суде с участием присяжных, поскольку последние оценивают достоверность показаний в том числе с учетом невербальной информации, получаемой ими от допрашиваемых лиц и иных участников процесса.

В заключение необходимо отметить, что в отдельных трудах и нормативных актах рассматриваемого периода, посвященных

вопросам судопроизводства, делались попытки осмыслить содержание процессуальных действий, в том числе и допроса, предложить практические рекомендации по получению достоверных показаний, изобличению лжи. Вместе с тем ввиду общего несовершенства процессуального законодательства и неразвитости юридической науки целостного учения о тактике допроса в исследуемый нами период времени разработано не было, хотя, как можно убедиться, потребность в этом у государства уже была.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Полное собрание законодательства. СПб., 1830. Т. III. № 1572. С. 278.

[2] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 408–425.

[3] См.: Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887. С. 52–53, 69.

[4] См., напр.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 26–31.

[5] См., напр.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1900. Ч. 1. С. 376; Григорьев О.В. Формирование военно-судебной системы в ходе реформ Петра I // Российский судья. 2009. № 11. С. 30–34.

[6] Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 642.

[7] См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. С. 376.

[8] См.: История отечественного государства и права. М., 1992. Ч. 1. С. 240.

[9] См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 709.

[10] Военной устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерциционею, церемониями и должностьми полковых чинов. СПб., 1748. С. 155.

[11] Там же. С. 158.

[12] См.: Там же. С. 94–148.

[13] Там же. С. 138.

[14] Там же.

[15] Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. С. 642.

[16] См.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. 411 с.

[17] Там же. С. 328.

[18] Там же. С. 346.

[19] Там же. С. 351.

[1] Sm.: Polnoe sobranie zakonodatel'stva. SPb., 1830. T. III. № 1572. S. 278.

[2] Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: V 9 t. / Otv. red. A.G. Man'kov. M., 1986. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutizma. S. 408–425.

[3] Sm.: Bobrovskij P.O. Voennye zakony Petra Velikogo v rukopisjah i pervopechatnyh izdanijah. SPb., 1887. S. 52–53, 69.

[4] Sm., napr.: Romashkin P.S. Osnovnye nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Petra I. M., 1947. S. 26–31.

[5] Sm., napr.: Jushkov S.V. Istorija gosudarstva i prava SSSR. M., 1900. Ch. 1. S. 376; Grigor'ev O.V. Formirovanie voenno-sudebnoj sistemy v hode reform Petra I // Rossijskij sud'ja. 2009. № 11. S. 30–34.

[6] Vladimirskij-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. SPb., 1909. S. 642.

[7] Sm.: Jushkov S.V. Istorija gosudarstva i prava SSSR. S. 376.

[8] Sm.: Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. M., 1992. Ch. 1. S. 240.

[9] Sm.: Chel'cov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuaznyh gosudarstvah. SPb., 1995. S. 709.

[10] Voennoj ustav s Artikulom voennym, pri kotorom prilozheny tolkovanija, takzhe s kratkim soderzhaniem processov, jekzercicieju, ceremonijami i dolzhnost'mi polkovyh chinov. SPb., 1748. S. 155.

[11] Tam zhe. S. 158.

[12] Sm.: Tam zhe. S. 94–148.

[13] Tam zhe. S. 138.

[14] Tam zhe.

[15] Vladimirskij-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. S. 642.

[16] Sm.: Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochinenija / Red. i komment. B.B. Kafengauza. M., 1951. 411 s.

[17] Tam zhe. S. 328.

[18] Tam zhe. S. 346.

[19] Tam zhe. S. 351.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Технологическое обеспечение отечественной пенитенциарной социальной работы

О.Е. КУРЕНКОВА – начальник кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Авторский коллектив кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России с 2008 г. исследует особенности организации пенитенциарной социальной работы в целях изучения ее технологической обеспеченности в современных условиях в России и за рубежом, а также разработки «Технологического справочника пенитенциарной социальной работы» для оптимизации деятельности специалистов социальных служб учреждений УИС.

Исследование проводится по заявке управления социальной, психологической и воспитательной работы ФСИН России, подписанной его начальником полковником внутренней службы В.Л. Полозюком 10 октября 2008 г. Финансовая поддержка осуществляется за счет средств гранта Швейцарского национального фонда. Для проведения исследования был сформирован авторский коллектив, в который вошли российские и швейцарские ученые и практики. Теоретические позиции специалистов ВИПЭ ФСИН России, Академии ФСИН России и Высшей школы социальной работы (г. Ольтен, Швейцария) подкрепляются практическим опытом в пенитенциарной области, накопленным сотрудниками учреждений УФСИН России по Вологодской и Костромской областям, а также службы пробации кантона Солотурн (Швейцария).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современных социальных условиях реформирования пенитенциарной системы в России происходит уточнение содержания и организационной специфики социальной работы в исправительных учреждениях. Прогрессивная международная пенитенциарная практика доказывает, что оказанием разносторонней социальной помощи и поддержки осужденным на всех этапах отбывания наказания и подготовки к жизни на свободе должны профессионально заниматься практики – специалисты по социальной работе. Успешность и эффективность пенитенциарной социальной работы с различными категориями клиентов зависит от методической и, что более важно, технологической обеспеченности деятельности специалистов группы социальной защиты осужденных.

Объектом проводимого межвузовским авторским коллективом исследования выступает отечественная пенитенциарная социальная работа; предметом исследования – технологии социальной работы, эффективные для достижения целей УИС.

Четырехлетнее исследование ориентировано:

– на выявление особенностей восприятия социальной работы с осужденными в УИС России и Швейцарии, определение на этой основе перечня актуальных проблем и направлений их решения;

– описание специфических особенностей основных теоретических подходов, определяющих развитие социальной работы в УИС;

– выявление используемых в рамках пенитенциарной социальной работы моделей оказания помощи различным категориям осужденных;

– характеристику принципиальных подходов к формированию профессиональной компетентности специалистов по социальной работе УИС;

– определение возможностей оптимизации процесса осуществления пенитенциарной социальной работы путем ее технологизации.

По результатам исследования на настоящий момент авторским коллективом подготовлены следующие научные продукты: серия статей, перечень актуальных и эффективных технологий пенитенциарной социальной работы, практические рекомендации для сотрудников групп социальной защиты осужденных и информационный бюллетень «Технологии организации деятельности и развития профессиональной компетентности специалиста по социальной работе исправительного учреждения», а также два промежуточных отчета.

Технологическое обеспечение отечественной социальной работы невозможно оптимизировать без выявления специфических характеристик, присущих данному социальному институту.

В современном научном понимании пенитенциарная социальная работа представляется одним из специфических направлений социальной работы с населением, осуществляемым в условиях учреждений УИС, разновидностью активного социального взаимодействия между сотрудниками пенитенциарной социальной службы и осужденными, нуждающимися в той или иной социальной помощи и поддержке, главным средством которого является сотрудничество, нацеленное на ресоциализацию человека, совершившего преступление. Цели пенитенциарной социальной работы можно представить с различных позиций:

– для общества: сохранение общественного порядка, поддержание безопасности и соблюдение законодательных норм государства, отсутствие общественных патологий, выражающихся в преступном поведении отдельных лиц или групп людей, стабильность функционирования общественных структур и институтов в целом;

– для клиента: обеспечение необходимых минимальных условий для полноценной жизни на свободе после освобождения, повышение своего общественного статуса на момент освобождения, обретение уверенности в себе и своих силах, формирование мотивации и способности к успешной адаптации к жизни на свободе после отбывания наказания;

– для специалиста: формирование у осужденного устойчивой жизненной позиции, исключающей выбор противоправной модели поведения, а также мотивации на достижение желаемых, возможно более высоких показателей качества его жизни после освобождения, выполнение поставленных профессиональных задач, удовлетворение получаемыми результатами труда, профессиональное самосовершенствование и развитие профессиональной компетентности, повышение результативности и эффективности пенитенциарной социальной работы, а также способности оперативно устанавливать позитивный контакт с осужденными.

В современных условиях в связи с необходимостью эффективного расходования ресурсов специалисты в области социальной работы УИС заняты поиском и самостоятельным моделированием средств практической деятельности, позволяющих достичь высоких результатов при оптимальных затратах (как материальных, так и временных). Основным таким средством в настоящее время считается социальная технология. Одним из ее видов выступает технология социальной работы.

Необходимость развития компетентности специалиста по пенитенциарной социальной работе в области организации деятельности социальной службы ИУ и личного труда специалиста, диагностики, осуществления, анализа пенитенциарной социальной работы обусловливает наличие потребности в проведении исследований по выявлению и описанию соответствующих технологий.

Выполненная нами работа позволила сгруппировать технологии пенитенциарной социальной работы следующим образом:

1. Технологии формирования и поддержания профессиональной компетентности специалиста по социальной работе, позволяющие выделить элементы компетентности специалистов, признаки их некомпетентности, а также оптимизировать процесс профессионального совершенствования специалиста, например способы поддержания и развития профессиональной компетентности специалиста по пенитенциарной социальной работе, технология супервизии, технологии сохранения и поддержания психического здоровья специалиста, технологии самопомощи и др.

2. Технологии организации деятельности специалиста по социальной работе, позволяющие создать в ИУ условия, необходимые и достаточные для качественной деятельности специалиста. В группу входят технологии планирования и организации пенитенциарной социальной работы, технология моделирования и обеспечения рабочего места специалиста по социальной работе в ИУ, информационные технологии (в том числе автоматизации социальной работы), технологии построения среды профессиональных контактов (формирование и управление

системой профессиональных связей), технология эволюации (профессиональной оценки и анализа) – особый инструмент анализа деятельности, основа ее организации, а также формирования профессиональной компетентности специалиста по пенитенциарной социальной работе.

3. Диагностические технологии в социальной работе, позволяющие диагностировать не только ситуацию клиента (с учетом пола, возраста, характера проблем), но и особенности социума и результативность профессиональной деятельности специалиста. В группу входят технологии установления контакта с различными категориями клиентов, разнообразные диагностические методики (опросные методы, беседа, наблюдение, гендерная автобиография, генограмма, социограмма, структурный анализ, проективные методы, анализ трехсторонних отношений в семье и т.д.), технологии диагностики личности, группы и коллектива осужденных, технология прогнозирования развития ситуации клиента.

4. Технологии обеспечения основных направлений социальной работы в ИУ, используемые для оказания помощи в решении различных проблем клиента (так называемые общие технологии социальной работы), а также помощи клиентам различных специфических категорий. В группу входят технологии социальной помощи, социальной поддержки и социальной защиты в условиях ИУ, технологии социальной адаптации к условиям изоляции, технология ресоциализации в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды, технология подготовки к освобождению, технология восстановления, поддержания и развития социально полезных связей осужденного, технологии управления конфликтом (картография конфликта, медиация, семейное соглашение, семейный договор и т.п.), консультирование, педагогика переживания, построение модели идеальной семьи, технология развития медиакультуры человека, методики определения жизненных приоритетов (дерево целей), арт- и драматерапевтические методики, технология подготовки к выходу на пенсию, отдельные ролевые и деловые игры и другие, определение возможностей их использования в пенитенциарной практике, технологии организации групп самопомощи в условиях ИУ, технология community work в решении пенитенциарных трудных жизненных ситуаций, технологии работы с алкогольно- и наркозависимыми, несовершеннолетними, пожилыми и инвалидами, осужденными женщинами, технологии работы с семьями осужденных и др.

5. Технологии анализа и самоанализа в социальной работе, позволяющие оценить эффективность социальной работы в целом и решения проблемы отдельного клиента в частности. Группу составляют инструменты всесторонней оценки (со стороны клиента, его ближайшего окружения, специалиста, руководителя специалиста) качества вмешательства специалиста в области социальной работы в ситуацию клиента, технологии организации рефлексии собственной деятельности специалистом по социальной работе ИУ. В группу входят технологии составления плана исполнения наказания (зарубежный опыт), технология построения системы оценки качества деятельности социальной службы ИУ, технологии формирования политики качества в УИС.

6. Технологии работы с общественностью в пенитенциарной социальной работе могут быть сгруппированы как технологии формирования позитивного представления о социальных услугах, положительного имиджа специалиста по пенитенциарной социальной работе и технологии связи с общественностью в формировании внешней поддержки деятельности социальной службы ИУ.

Введение в практику специалистов многообразных технологий позволит не только обеспечить успешность решения профессиональных задач, но и совершенствовать функционирование социальной службы ИУ, а также развить профессиональную компетентность специалистов, осуществляющих деятельность по оказанию социальной помощи, поддержке и защите осужденных как в пенитенциарный, так и постпенитенциарный периоды.

В настоящий момент авторский коллектив продолжает научно-исследовательскую работу с целью изучения актуальных проблем деятельности специалистов в области пенитенциарной социальной работы и формирования ее технологического обеспечения.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемой частью которой выступает проведение и защита диссертационных исследований сотрудниками вуза.

В первом квартале 2011 г. сотрудниками института защищены 2 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре библиотеки института.

Колодин Руслан Владимирович, преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Старостин) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 27 января 2011 г. **Тема: «Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний»**.

Целью диссертационного исследования являлся анализ вопросов, связанных с правовыми и организационными основами общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний, научное обоснование теоретических положений, практических рекомендаций и предложений по его совершенствованию.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проанализирован общественный контроль как управленческая категория в организации работы воспитательных колоний, выявлены его особенности. Проведены ретроспективный анализ организации общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний и анализ правового обеспечения организации общественного контроля, разработаны предложения по совершенствованию данного института. Автор систематизировал принципы и структуру общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний, определил основные направления внедрения новых форм и методов.

Значение диссертационного исследования состоит в дополнении научных представлений о мерах, направленных на совершенствование правового обеспечения общественного контроля, разработке рекомендаций по совершенствованию деятельности общественных советов при территориальных органах ФСИН России и общественных наблюдательных комиссий. Выводы и предложения, сформулированные в диссертации, могут представлять интерес с точки зрения обеспечения защиты прав и свобод несовершеннолетних при отбывании ими наказаний.

Арапова Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры общей психологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 – Юридическая психология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 18 февраля 2011 г. **Тема: «Психопрофилактика у осужденных мужского пола деструктивных последствий пребывания в следственном изоляторе».**

Целью диссертационного исследования являлось изучение детерминант и содержания деструктивной трансформации личности осужденных мужского пола в период пребывания в следственных изоляторах, научное обоснование системы психологического обеспечения профилактики у осужденных деструктивных последствий пребывания в СИЗО и разработка рекомендаций по совершенствованию превентивной работы с осужденными для сотрудников психологической службы УИС.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Осуществлен теоретический анализ подходов к изучению влияния вынужденной изоляции от общества на трансформацию личности, рассмотрены возникающие в такой ситуации деструктивные последствия и определены возможности их психопрофилактики и необходимый психотехнический инструментарий. Разработана программа по изучению и психопрофилактике у осужденных мужского пола деструктивных последствий пребывания в СИЗО, выявлены доминирующие типы деструктивных проявлений и апробирована психотехнология профилактической работы. Подготовлены рекомендации сотрудникам психологической службы ФСИН России по совершенствованию психопрофилактики у осужденных деструктивных последствий пребывания в СИЗО.

Значимость диссертационного исследования состоит в том, что автор систематизировал факторы, обусловливающие возникновение и развитие деструктивных изменений личности в период пребывания в СИЗО, дал определение понятия «деструктивные последствия пребывания в СИЗО у осужденных» и уточнил дефиницию термина «пенитенциарная психопрофилактика», разработал модель психологического обеспечения психопрофилактики у осужденных деструктивных последствий пребывания в СИЗО. Практическими результатами исследования стали разработка рекомендаций психологам исправительных учреждений по совершенствованию психокоррекции у осужденных мужского пола деструктивных последствий из-за пребывания в СИЗО и внедрение в практику исправительных учреждений ФСИН России предложений по созданию системы психологического обеспечения соответствующей профилактики. Материалы диссертации используются при преподавании в ведомственных образовательных учреждениях учебной дисциплины «Пенитенциарная психология» и востребованы в системе служебной подготовки сотрудников СИЗО и исправительных учреждений.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Р.В. Нагорных «Кадровая политика в правоохранительной сфере и административно-правовой механизм ее реализации»

И.И. ВЕРЕМЕЕНКО – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Монография выполнена на важную в теоретическом и практическом отношениях тему. Ее актуальность определяется социальной значимостью научной разработки проблем кадровой политики в правоохранительной сфере. В условиях становления в России правового демократического государства, формирования институтов гражданского общества, признания приоритетности прав и интересов личности во взаимоотношениях с обществом и государством существенно изменились подходы к оценке значения правоохранительной деятельности. Вместе с тем неудовлетворительное состояние правопорядка, высокий уровень преступности в стране, коррумпированность государственных и муниципальных органов власти предопределяют необходимость формирования принципиально новых подходов к оценке роли и места государства в борьбе с противоправными проявлениями, пересмотра целей, задач и функций правоохранительной деятельности, в том числе повышения требований к кадровому составу правоохранительных органов.

В этой связи важнейшим направлением деятельности государства в области противодействия преступности является всестороннее укрепление самой правоохранительной системы и прежде всего ее кадрового состава, что предопределяет в свою очередь необходимость совершенствования кадровой политики как составной части государственного управления в правоохранительной системе.

Поэтому заслуживают одобрения выбор темы исследования и весьма плодотворная попытка автора провести комплексное монографическое исследование административно-правового механизма реализации кадровой политики в правоохранительной сфере в новых реалиях, а также вопросов совершенствования административного законодательства и правоприменительной деятельности в данной области.

В монографии представлена характеристика современных теоретико-методологических подходов к пониманию проблем кадрового обеспечения правоохранительной деятельности, подвергнуто детальному анализу действующее административное законодательство в сфере формирования и реализации кадровой политики, обоснованы направления дальнейшего совершенствования административно-правового регулирования и правоприменительной практики. Особенное внимание в работе уделено освещению проблем развития в нашей стране административно-правового института государственной правоохранительной службы.

Наряду с анализом большого количества теоретических источников, нормативно-правовых актов, материалов правоприменительной практики автором высказаны самостоятельные суждения, сформированы научно обоснованные теоретические положения и выводы, внесены заслуживающие внимания практические предложения, выводы и рекомендации, направленные на совершенствование современного административного законодательства, создание благоприятных правовых и организационных условий для успешного осуществления кадровой политики в правоохранительной сфере.

В работе обоснован важный вывод о необходимости построения новой научной методологии формирования кадровой политики в правоохранительной сфере на основе интегративного подхода в правопонимании. При этом автором отстаивается позиция о том, что реализация интегративного подхода должна сопровождаться изучением нескольких направлений: интеграционного взаимодействия различных звеньев правоохранительной системы как отраслевой подсистемы государственного управления; взаимодействия правоохранительных органов с другими государственными и негосударственными органами; а также взаимодействия концепций и методов управления, используемых субъектами государственного управления в области кадрового обеспечения правоохранительной деятельности.

Большой интерес представляет ряд высказанных критических замечаний. Так, справедливой критике подвергнуты такие негативные явления, как отсутствие единых государственных подходов к формированию и реализации кадровой политики, затянувшееся принятие федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации», слабая подконтрольность правоохранительных органов со стороны законодательной власти и институтов гражданского общества.

В монографии сформулированы конкретные предложения, направленные на совершенствование кадровой политики в правоохранительной сфере. По мнению автора, ключевой задачей правового обеспечения государственной правоохранительной службы в правоохранительных органах в современных условиях становится окончательное определение административно-правового статуса служащих государственной правоохранительной службы, прежде всего, посредством его законодательного закрепления. В этой связи внесены предложения о необходимости совершенствования и систематизации федерального законодательства в области рассматриваемой разновидности государственной службы, что позволит создать правовую основу для развития подзаконного нормативного регулирования, существенно повысить статус всей правоохранительной системы и службы в ней, а в итоге оказать весомое влияние на весь ход реформирования государственного управления в правоохранительной сфере.

В целом полагаю, что монография Р.В. Нагорных имеет высокую теоретическую и прикладную значимость для науки административного права, законотворческой и правоприменительной деятельности.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Размещение заказов на поставку товаров, оказание услуг, выполнение работ для государственных и муниципальных нужд: состояние и тенденции: Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара / Под ред. М.М. Попович, Е.В. Вальковой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 168 с.

В сборник вошли статьи профессорскопреподавательского состава образовательных учреждений, практических работников ФСИН России, сотрудников иных ведомств и курсантов, выступивших на семинаре, посвященном теме государственных заказов. Споры, связанные с заключением, изменением, расторжением, признанием недействительными государственных (муниципальных) контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, все чаще возникают в практике арбитражных судов. Это обусловило актуальность обсуждения данной темы с целью выявления проблем, возникающих в деятельности правоприменительных органов, а также дальнейшего совершенствования законодательства в сфере размещения заказов на поставки товаров, оказание услуг, выполнение работ для государственных и муниципальных нужд.

Актуальные проблемы назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. канд. юрид. наук, доцент Н.Н. Кирилловская, канд. юрид. наук А.Л. Санташов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 64 с.

В сборник включены статьи, освещающие теоретические и практические проблемы назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Материалы сборника представляют интерес для преподавателей, научных работников, адъюнктов, аспирантов, слушателей, студентов, а также практических работников правоохранительных органов.

Наказание в условиях гуманизации уголовной политики России: Сборник материалов межведомственного научно-практического семинара / Отв. ред. канд. юрид. наук, доцент В.Ф. Лапшин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 246 с.

В сборнике представлены материалы межведомственного научно-практического семинара, организованного кафедрой уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. В статьях исследуются отдельные актуальные социально-правовые проблемы назначения и исполнения наказаний за совершение уголовно наказуемых посягательств, рассматриваются вопросы соотношения гуманизации проводимой в настоящее время государственной уголовной политики и защиты прав потерпевших от совершения преступления. Кроме того, вносятся предложения об изменении правовых подходов при выборе вида и размера наказания за совершенное преступление в целях соблюдения уголовно-правового принципа справедливости.

Предназначен для научных работников, преподавателей, адъюнктов, соискателей, курсантов, а также работников правоохранительных и судебных органов.

Праксиология исполнения уголовного наказания и проблемы формирования уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: Сборник статей / Отв. ред. Л.В. Фивейская. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 119 с.

В сборнике статей с позиций философского знания рассматриваются вопросы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики российского государства и практики уголовного наказания.

Издание предназначено для работников практических органов УИС. Материалы сборника могут быть использованы в учебном процессе при изучении философии права, философских аспектов деятельности УИС, а также при проведении научных исследований в области права и правоприменения.

Проблемы теории и практики формирования административно-правового института правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов межкафедрального научно-практического семинара / Под ред. канд. юрид. наук, доцента Р.В. Нагорных. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 184 с.

В сборник вошли материалы семинара, проведенного кафедрой административно-правовых дисциплин 28 апреля 2009 г., которые освещают основные тенденции формирования института правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе, проблемы теоретического и практического характера в данном направлении правотворческой деятельности, а также содержат предложения по совершенствованию законодательства о правоохранительной службе.

Материалы могут быть полезны для сотрудников органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, адъюнктов, курсантов и слушателей ведомственных вузов.

Социальная работа с несовершеннолетними осужденными в воспитательной колонии: Учебное пособие / С.П. Середа, Н.А. Коновалова, С.В. Смелова, Т.С. Уханова, А.Л. Санташов, Е.О. Лукьянчук. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 175 с. – **ISBN 978-5-94991-164-8**

В учебном пособии раскрываются цели, задачи, направления, правовые основы, этапы осуществления, формы и содержание социальной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях.

Учебное пособие адресовано курсантам, студентам и слушателям, обучающимся по специальности 040101 – «Социальная работа», а также может быть использовано в процессе подготовки сотрудников иных специальностей для уголовно-исполнительной системы России. Издание также может быть использовано сотрудниками воспитательных колоний, преподавателями, адъюнктами, аспирантами, курсантами, студентами, слушателями, интересующимися социальной работой как видом практической деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Морозов Р.М., Шнарбаев Б.К. Расследование побегов из исправительных учреждений: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН, 2011. – 77 с. – **ISBN 978-5-94991-162-4**

В практических рекомендациях рассматриваются уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты производства расследования побегов из исправительных учреждений.

Издание предназначено для практических работников органов дознания, следователей, сотрудников ФСИН России, сотрудников прокуратуры, курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, а также всех тех, кто интересуется проблемами расследования побегов в исправительных учреждениях.

Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: Методические рекомендации для психологов уголовно-исполнительной системы. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 155 с. – **ISBN 978-5-94991-165-5**

В издании представлены современные подходы к изучению правосознания, результаты эмпирических исследований по выявлению и коррекции правовых представлений осужденных, рекомендации по итогам работы. Методические рекомендации предназначены для психологов уголовно-исполнительной системы. Также материалы могут быть использованы в учебном процессе для проведения занятий с курсантами, слушателями и адъюнктами, обучающимися в образовательных учреждениях ФСИН России.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В соответствии с Планом научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности института на 2011 г. и перспективу, в целях реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., предусматривающих развитие и активное использование научного потенциала учреждений высшего профессионального образования, в период **с 25 по 29 апреля 2011 г. в институте пройдет «Неделя науки 2011»** – комплекс мероприятий, включающий в себя научно-практические конференции и семинары, круглые столы, конкурсы и олимпиады.

Наиболее значимыми мероприятиями, проводимыми в рамках «Недели науки 2011», станут:

1. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы применения уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних», которая состоится 28 апреля 2011 г. В ходе конференции будет обсужден широкий круг теоретических и прикладных проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, особенности их уголовной ответственности, предупреждения и профилактики преступности подростков в современных условиях, а также рассмотрены вопросы создания воспитательных центров для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. По итогам конференции планируется издание сборника научных трудов.

2. III Международный научно-практический семинар «Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы», который состоится 27–28 апреля 2011 г.

В работе семинара планируется участие сотрудников практических органов и образовательных учреждений ФСИН и МВД России, инструкторов по борьбе и стрелковому оружию пенитенциарных служб Беларуси, Казахстана, Латвии, Польши и Украины.

Проведение семинара направлено на реализацию положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в части изучения зарубежного опыта подготовки специалистов для пенитенциарных служб, соблюдения международных стандартов обращения с осужденными, обеспечения безопасности в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, повышения уровня организации охраны и конвоирования осужденных. На семинаре также предполагается обмен опытом эффективного противодействия противоправному поведению осужденных с применением боевых приемов борьбы, проведение мастер-классов и конкурсов по применению приемов самообороны. По итогам работы семинара планируется издание сборника статей участников.

3. Научно-практический семинар «Традиции и инновации в правовой подготовке сотрудников УИС в России и за рубежом (в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г.)», который состоится 28 апреля 2011 г.

В ходе семинара предполагается обсудить следующие вопросы:

1) Правовая подготовка сотрудников правоохранительных органов в дореволюционной и советской России.

2) Подготовка сотрудников УИС за рубежом: проблемы заимствования передового опыта.

3) Требования международных актов к профессиональной подготовке сотрудников УИС.

4. Высшее профессиональное образование и подготовка сотрудников УИС: проблемы специализации и выбора перспектив развития.

5) Профессиональное юридическое образование будущего сотрудника УИС: содержательные и методические аспекты.

6) Профессиональные компетенции сотрудника УИС.

7) Первоначальная правовая подготовка и повышение квалификации сотрудников УИС: право или обязанность.

8) Специфика правовой подготовки сотрудника УИС, не имеющего юридического образования.

9) Служебная подготовка в уголовно-исполнительной системе: содержание, методика, роль правовой подготовки.

10) Правовое самообразование как обязанность сотрудника УИС.

В рамках «Недели науки 2011» также планируется провести более 15 научных курсантских и студенческих мероприятий по различным направлениям. Центральным мероприятием станет межвузовская научно-практическая конференция адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей «Уголовно-исполни-

тельная система России в условиях реформирования», которая состоится 29 апреля 2011 г.

Идея проведения конференции заключается в исследовании теоретических и прикладных проблем деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России в условиях реформирования. В ходе конференции будут изучены основные тенденции реформирования деятельности УИС в современных условиях и свете реализации Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., а также обсуждены инновации, реализуемые в современной практике пенитенциарной работы, направления совершенствования пенитенциарной работы и профессионального образования специалистов УИС.

Работа конференции пройдет по трем направлениям, по каждому из которых будут внесены предложения в итоговую резолюцию. По итогам конференции будет издан сборник научных статей ее участников.

По вопросам участия в мероприятиях «Недели науки 2011» следует обращаться в организационно-научный отдел института по тел. 8 (8172) 53-60-79 (Александр Иванович Одинцов, Игорь Анатольевич Трофимов), e-mail: onovipe@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронова Е.Л., судья Ростовского областного суда, ответственный секретарь рабочей группы при Совете судей Российской Федерации по созданию и развитию ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской Академии правосудия. E-mail: voronova_e@aaanet.ru

Глебова Н.А., адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: glebovaNA@mail.ru

Зинченко П.И., аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: pav2304@yandex.ru

Исмаилов Р.Т., адъюнкт кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России. E-mail: ugolov@amvd.ru

Качкина Л.С., старший психолог межрегиональной психологической лаборатории ГУФСИН России по Новосибирской области. E-mail: berk_l@list.ru

Кисин А.В., старший следователь по особо важным делам Следственного комитета МВД России, соискатель Российской академии правосудия. E-mail: SK418SK@mail.ru

Колмаков П.А., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: kolmakovpa@mail.ru

Колпакова Л.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ludakola@mail.ru

Кругликов Л.Л., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail:deli_111@mail.ru

Крюкова О.Ю., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E- mail: ofrolova@inbox.ru

Куренкова О.Е., начальник кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: jkmufru@gmail.com

Маликов Б.З., заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Башкирского института социальных технологий Академии труда и социальных отношений, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Меркулов В.Г., начальник Северо-Западного управления материально-технического снабжения МВД России, соискатель кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: Vg-merkulov@yandex.ru

Михайлов А.Н., преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: allmih@list.ru

Нагорных Р.В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nagornikhvipe@ mail.ru

Обухов И.И., заместитель начальника отдела проверки судебных решений в порядке надзора и обобщения судебной практики Верховного суда Республики Коми, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета, кандидат юридических наук. E-mail: obukhov_ii@mail.ru

Павловский С.А., старший юрисконсульт ВИПЭ ФСИН России, адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: urist_raritet@mail.ru

Селиверстов И.В., аспирант Современной гуманитарной академии. E-mail: zibel@mail.ru

Тихомиров Е.В., преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: maxim200277@mail.ru

Фокин С.А., начальник оперативно-поискового бюро ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, соискатель кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: Sergey_a_fokin@mail.ru

Фокина И.В., доцент кафедры общей и педагогической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. E-mail:fokinair@mail.ru

Чернышкова Л.Ю., аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: deli_111@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Fokin S.A., chief of the Operational Search Bureau of the Central Internal Affairs Directorate in St. Petersburg and the Leningrad region, applicant of the Administrative Law Chair St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russiatel. E-mail: Sergey_a_fokin@mail.ru

Examination as the evidence of intoxication

The article is devoted to the one of the procedural aspects of the intoxication survey of drivers, namely, the expert's participation in the process. The author considers the concept and the problems of conduction the intoxication examination.

Key words: medical examination, survey, evidence, intoxication.

Fokina I.V., reader ob the chair of general and pedagogical psychology Vologda State Pedagogical University, candidate of psychological science. E-mail: fokinair@mail.ru

The Main Trends of Forming Personality Civil Self-Consciousness at Modern Higher School

The article deals with the problem of forming civil self-consciousness of students personality under the conditions of higher school education. The author distinguishes several trends of forming civil self-consciousness: the organization of students educational work, the raising of students social activity, the organization of psychological accompaniment of educative process at higher school, psychological accompaniment of the students and the pedagogical collective body.

Key words: civil self-consciousness; civility; civil education; upbringing of civil self-consciousness.

Glebova N.A., associate of the Department of State and Law, International and European Law the Academy of Law and Management, the Federal Penal Service. E-mail: glebovaNA@mail.ru

Introduction of the advanced foreign experience and realization of the international standards in activity of penal system of Russia taking into account problems of its development till 2020

The article is devoted the actual problems connected with observance of norms of the international legislation and introduction of the advanced foreign experience of execution of criminal punishments in the course of realization of Concept of development of penal system till 2020. In the article lacks existing at the moment of penal system of Russia, of its legal regulation reveal. Offers on perfection of activity of penal system of Russia taking into account norms of the international legislation, positive experience of functioning of penitentiary systems of other states are formulated, and at expansion of contacts to the international organizations.

Key words: the penal system, the foreign experience of execution of punishments, the international legislation, the reforming.

Ismailov R.T., a post graduate student, the Chair of criminal-executive disciplines and crime prevention arrangement (the Management Academy of the Russian Fderation Interior Ministry). E-mail: ugolov@amvd.ru

Some issues concerning juvenile involvement in drug using Article 157, Article 249 Part 2 Paragraph, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic

The paper deals with the issues of juvenile involvement into drug using and juvenile incitement to narcotic drugs and psychotropic substances use according to the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. The author considers the associated crime components, covering socially dangerous acts in this sphere, analyzes their similarities and differences, and identifies the gaps and the shortcomings in their legislative consolidation and the difficulties of qualification in practice. On the basis of the research the author formulates the proposals for improvement of the criminal legislation norms of the Kyrgyz Republic, which set responsibility for juvenile involvement and incitement to narcotic drugs and psychotropic substances use. The ways of improvement of application of these norms are suggested as well

Key words: involvement, narcotic substances, qualification, narcotic drugs, juvenile, incitement, psychotropic substances.

Kachkina L., major of the internal service, a senior psychologist of the trans-regional psychological laboratory, the Chief Board of the Russian Federal Penal Service in Novosibirsk region. E-mail: berk_l@list.ru

The formation peculiarities of the social – psychological competence of the penal officers

The article deals with the problem of the social – psychological competence of the penal officers. The author analyzes the essence of the social – psychological competence definition, its components and main conditions. On this base the author submits her formation program as an efficient instrument of the psychological support for penal officers.

Key words: social–psychological competence, psychological support for penal officers, individual consultation, training lessons.

Kisin A.V., a chief case investigator at the Criminal Investigation Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, an applicant of the Russian Justice Academy. E-mail: SK418SK@mail.ru

Infliction of punishment for forming and participation in organized crime gang

The article gives a detailed analysis of the statistical practical data in the infliction of punishment for crimes set by the articles 208-210 of the Criminal Code of Russian Federation. Some conclusions are made pointing to the fact that the repressive legal potential is not entirely applied in the judicial practice; such kinds of penalty as fines and seizure of property are used insufficiently.

Key words: punishment, conditional sentence, sanction, organized crime gang, seizure of property.

Kolmakov P.A., chief of the Criminal Law and Procedure Chair, Syktyvkar State University, doctor in law, professor, honored lawyer of the Russian. E-mail: kolmakovpa@mail.ru; **Obuhov I.I.,** phD, Deputy Chief of the Controlling Department for judicial decisions check in the order of supervision and compilation of jurisprudence of the Supreme Court of the Komi Republic, senior lecturer at the Criminal Law and Procedure Chair, Syktyvkar State University. E-mail: obukhov_ii@mail.ru

Appealing against the inured sentences, passed during pre-trial proceedings on a criminal case

The article is devoted to the urgent issues of judicial decisions which were passed during pre-trial proceedings on a criminal case and have taken effect. The authors explore the problems and contradictions present in the penal legislation and its practical application in part of appealing against the inured sentences, passed during pre-trial proceedings on a criminal case. The authors make the conclusions and formulate the proposals to resolve problems and contradictions of this legal practice.

Key words: judicial decision, pre-trial proceedings, criminal case, supervisory-instance court.

Kolpakova L.A., assistant professor of The Chair of in criminal law and criminology, PhD, Associate Professor. E-mail: ludakola@mail.ru

Common approaches to juvenile court proceedings in Russia and Germany

The article gives a brief analysis of the concept of "juvenile justice", as well as a comparative analysis of Russian and German legislation in the sphere of the criminal procedural law regulations for execution of juvenile justice. The author identifies some problematic issues of creation of specialized courts in Russia, and presents the positive German experience, which can be used for improving and developing the institutions of juvenile justice in our country.

Key words: juvenile justice; age of criminal responsibility, juvenile courts, justice, social technologies, privacy.

Kruglikov L.L., professor of Criminal Law and Criminology Department, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Executive Service of Russia, Doctor of Law, Professor, honoured scientist of the Russian Federation; **Chernyshkova L.Yu.,** postgraduate of Criminal Law and Criminology Department, the P.G.Demidov State University. E-mail: deli_111@mail.ru

Improvement of the criminal law regulations providing for delay of a punishment (Art. 82, Criminal Code of the RF)

The article provides an assessment of amendments introduced into the impunity institution (release from serving punishment) by the law; it also formulates some reasoned proposals for introduction of amendments in the present version of Art. 82 of the Criminal Code. In particular, because of the imprecise use of the term "delay" there are some contradictions between the title and the text of the article and the authors pay attention to the necessity to eliminate them.

Key words: punishment, delay, convicts with young children, single father, amendments.

Kryukova O.Y., scientific worker of the organizational-scientific department of The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E- mail: ofrolova@inbox.ru

To the problem of defining the subject of a crime under Art. 321 of the Criminal Code of Russian Federation

The article is devoted to the problem of defining the subject of a crime under Art.321 of the Criminal Code of Russian Federation, which provides official statistics on the number of crimes committed against the penal system officers and their families, examples of judicial practice.

Key words: the subject of a crime; disorganization of activity of institutions which provide isolation from society; convict; suspect; accused person.

Kurenkova O.E., candidate of pedagogic sciences, the head of the social psychology and social work chair of the Vologda Institute of Law and Economics, the major of internal affairs. E-mail: jkmufru@gmail.com

Technological support of national penitentiary social work

The article contains the information concerning the scientific research, conducted at the psychological department of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia within the bounds of the Russia-Swiss project "Towards the Social integration: professionalization of social work in criminal penal system".

Key words: penitentiary social work, social technology, technologization of social work.

Malikov B.Z., head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Bashkir Institute of Social Technologies of Academy of Labour and Social Relations, Professor, Doctor of Laws. E-mail: malikov_bz@mail.ru

The objective and subjective factors of corrupt relationships and some political and legal anti-corruption measures in Russia

The article examines the socio-economic, political and other factors that made for the spread and intensification of corrupt connections and relationships in the modern Russian society. The author reveals some negative changes having occurred in the legal culture and in the moral sphere of the Russian society under the influence of market ideology and their relationship with the growth of corruption offenses. The author also proposes some measures to improve the state policy in the anti-corruption sphere in Russia.

Key words: corrupt connections and relationships, anti-corruption, state policy.

MerkulovV.G., the chief of the North-West Department of material and technical supply in the Russian Ministry of Internal Affairs, an applicant at the chair of Administrative Law in the St-Petersburg university of the Internal Affairs Ministry. E-mail: Vg-merkulov@yandex.ru

The peculiarities of the content and law regulation of functional procedures in the internal affairs activity

The article deals with the term and contents of the Internal Affairs Department's functional procedures as a component of administrative procedures as a whole. The problems of functional procedures preparing and implementation into practice are pointed out.

Key words: administrative procedures, administrative regulations, bodies of internal affairs, administrative reforms.

Mikhaylov A.N., a lecturer of The Juridical Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: allmih@list.ru

On the question of Personality's transformation of young ages prisoners when using the right to of non-convoy movement outside the correctional institution (strict regime penal colony as an example)

The article gives valuable information on personality's transformation of prisoners depending on time of their staying in conditions of non-convoy movement.

Key words: personality's transformation, young ages, non-convoy movement.

Nagornykh R.V., the deputy chief in academic process the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of law science, docent. E-mail: nagornikhvipe@ mail.ru

Safeguarding as a Function of the State Law Enforcement Service

The article is devoted to the characteristic of safeguarding as a function of the state law enforcement service. The author gives reasonable grounds for certain proposals in the development of the administrative legislature particularly in determination of powers for employees of the state law enforcement service in the structure of the state law enforcement safeguarding activity.

Safeguarding as a function of the state law enforcement service is regarded as an activity direction of employees of the state law enforcement service in safeguarding of different legal protection objects primarily against the criminal and administrative - tortious menace.

The author comes to the conclusion that special attention in the development of the legislature concerning

the state law enforcement service should be paid to the separation of duties or powers between the different kinds of the state service in performing the state protection functions.

Key words: state law enforcement service, safeguarding or protection, functional features.

Pavlovski S.A., a senior legal expert of the Vologda Institute of Law and Economics, a post-graduate student of the administrative-law academic discipline of the Vologda Institute of Law and Economics, captain of internal affairs. E-mail: urist_raritet@mail.ru

Towards the question of a berthing space rendering in law-enforcement system's bodies and establishments

In the article the order of rendering and use of an auxiliary berthing space from specialized housing facilities in law-enforcement system's bodies and establishments is analyzed. The author pays attention to the necessity to regulate the problems of a berthing space rendering in law-enforcement system's bodies and establishments in departmental standard and local legal acts.

Key words: auxiliary berthing space, specialized housing facilities, law-enforcement system, officer of the law-enforcement system, staff of the law-enforcement system, standard legal act, local legal act, condition, order.

Seliverstov I.V., post graduate student of the Modern Humanitarian Academy. E-mail: zibel@mail.ru

The term and contents of a convict's right to considerate materials about his release from the correctional institution according to amnesty

The article is concerned with the question of the time of taking a decision to release a convict from correctional institutions according to amnesty. The reduction of the time for materials' consideration concerning release according to amnesty from six to three months is proposed. For special categories of the convicts the growing of the time for materials' consideration according to amnesty is proved.

Key words: a convict, amnesty, convict's right, the time of materials' consideration about amnesty application.

Tikhomirov E.V., the teacher of chair of Criminal trial and criminalistics. E-mail: maxim200277@mail.ru

Participation of orthodox clergy in Obshchestva Popechitelnogo activity about Prisons in the Vologda province

Article is devoted studying of a role of orthodox clergy in Obshchestva Popechitelnogo activity about Prisons in the Vologda province. The material covers the beginning period XIX–the beginnings of XX centuries the Material contains the analysis of acts during the various periods of history of the country, archival sources. Society creation попечительного about prisons in 1819 and its further activity was the first attempt public attraction to a problem of penitentiary establishments of Russia. Thanks to some ordering of private and public charity in places of imprisonment under the aegis of the state public access to the information on a real condition of prison establishments was facilitated.

Key words: Society попечительное about prisons; moral correction of criminals; charity; a humanization of conditions of the maintenance of prisoners; jails; activity of orthodox clergy.

Voronova E.L., a judge, the Rostov regional court, executive secretary of the working team under the RF Judicial Council for creation and development of juvenile justice in the RF jurisdiction system, professor assistant of the Chair of criminal-executive disciplines, the Russian Academy of Justice in Rostov. E-mail: voronova_e@aaanet.ru

Organisation of probation service for juveniles in Russia

The article is devoted to the urgent issue of juvenile probation service creation which would help to control the execution of criminal penalties not relating to incarceration and other criminal executive measures regarding juvenile offenders, and young people under age released on parole that committed a crime, their social and legal rehabilitation, and social support. The author marks the possibilities and course of probation service creation of this kind on the basis of the current criminal-executive inspections. She analyzes the experience of the Rostov region where in the courts of general jurisdiction juvenile techniques are implemented.

Key words: probation service, juvenile offenders, criminal-executive inspections, social support, release on parole.

Zinchenko P.I., postgraduate of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation. E-mail: pav2304@yandex.ru

To the question of the history of procedural regulation and tactical methods of interrogation in Russia in the time of Peter I

The author researches an age of reign of Peter I (1682-1725), characterized by the considerable changes, concerned a majority of spheres of life of the Russian society, including jurisprudence. In article questions of a remedial regulation and tactical receptions of conducting interrogation through a prism of statutory acts of the specified period and theoretical recommendations about tactics of conducting the interrogation, developed by Peter the Great contemporaries reveal.

Key words: interrogation, interrogation tactics, Peter I, witnesses, torture, the Article Military, the Short image of processes, court, I.T. Posochkov, The Book about scarcity and riches.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ•НАКАЗАНИЕ•ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год
Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России
Главный редактор:
В.В. Попов
Ответственный секретарь:
С.П.Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс
E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.03.11
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 3214
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.